

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1/2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и финансовых рынков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой
прикладной институциональной экономики экономического
факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Ивашенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 1/2022

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Бодрунов С.Д.**
Ноономика и ноосфера: взаимосвязь и различия концепций 7

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Бухвальд Е.М.**
«Основы государственной политики в сфере стратегического планирования»: нерешенные проблемы 32
- Караваева И.В., Коломиец А.Г., Быковская Ю.В.**
Стратегии экономической безопасности в зарубежной теории и практике 50
- Сухарев О.С.**
Умный город и территория: преодоление структурного разрыва . . . 68
- Жаринов И.О.**
Регулирование процессов взаимодействия хозяйствующих субъектов со смарт-контрактом в контуре экономического управления 85
- Иванова Л.Н.**
Российский агропродовольственный сектор:
материально-технические и институциональные условия роста
выпуска продукции и экспорта 96

ФИНАНСЫ

- Гуров И.Н.**
Последствия изменений налогообложения доходов по депозитам
физических лиц: итоги 2020–2021 гг. 112

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

- Ван Цзилу**
Анализ текущего состояния и эффективности инвестиций
китайских предприятий в энергетический сектор России 133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Федорова М.Н.**
Человек как доминанта развития (по материалам «круглого стола»
в Институте экономики РАН) 156
- Дадабаева З.А., Ярыгина И.З.**
Евразийская экономическая интеграция и безопасность:
анализ современных проблем и поиск путей их решения 171

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

- А.Г. Зельднер 180

CONTENTS

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- Bodrunov S.D.**
Noonomy and Noosphere: Interrelation and Differences of Concepts. 7

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Buchwald E.M.**
Inresolved Issues of «Public Policy Framework for Strategic Planning» 32
- Karavaeva I.V., Kolomiets A.G., Bykovskaya Yu.V.**
Economic Security Strategies in Foreign Theory and Practice. 50
- Sukharev O.S.**
Smart City and Territory: Overcoming Structural Gap 68
- Zharinov I.O.**
Regulation of Interaction Process of Economic Organizations Using a Smart Contract in Management Loop 85
- Ivanova L.N.**
Russian Agri-Food Sector: Material, Technical and Institutional Conditions for Output and Export Growth 96

FINANCE

- Gurov I.N.**
The Consequences of the Household Deposit Income Taxation Changes: Results of 2020–2021. 112

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

- Wang Jilu**
Analysis of the Current State and Efficiency of Investments of Chinese Enterprises in the Energy Sector of Russia 133

SCIENTIFIC LIFE

- Fedorova M.N.**
Man as a Development Dominant (based on the materials of the «round table» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences). 156
- Dadabayeva Z.A., Yarygina I.Z.**
Eurasian Economic Integration and Security: Analysis of Contemporary Problems and a Search for Ways to Resolve Them . . . 171

IN MEMORY OF THE SCIENTIST

- A.G. Zeldner 180

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

С.Д. БОДРУНОВ

доктор экономических наук, профессор,
директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте

НООНОМИКА И НООСФЕРА: ВЗАИМОСВЯЗЬ И РАЗЛИЧИЯ КОНЦЕПЦИЙ

Одним из исходных пунктов для разработки теории ноономики была концепция ноосферы. Однако в своем первоначальном виде эта концепция не отвечала на целый ряд вопросов, касающихся условий и закономерностей формирования той общепланетарной «сферы разума», о которой говорит эта концепция. Развитие теории ноономики позволяет восполнить этот пробел. В рамках данной теории дается ответ на вопрос о том, при каких условиях материальное производство выдвигает человеческий разум на роль решающего фактора производства, а вместе с этим – и решающего фактора развития оболочки нашей планеты. Такие характеристики приобретаются разумом не изначально, а лишь на определенной ступени развития производства, когда становится возможным отказ от экономической рациональности и подчинение человеческой деятельности критериям разума и культуры.

Ключевые слова: ноосфера, ноономика, биосфера, технология, знания, творческая деятельность, солидарность, разум, культура.

JEL: A130, O100, O300, Q320.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_7_31.

Введение

Теория ноономики, несмотря на многие отличия, в том числе и принципиального характера, имеет несомненное родство с концепцией ноосферы – обе они исходят из возрастающего значения человеческого разума для современной цивилизации. В то же время если концепция ноосферы в основном лишь констатирует сам факт приобретения разумом роли решающего фактора развития, имеющего планетарное и даже (в работах более поздних ученых-«ноосферистов») вселенское и экзистенциальное значение (а в трактовке Тейяра де Шардена – и духовно-мистическое), то теория ноономики, не отрицая в целом этот посыл, но и не считая его «приобретенным» фактором

цивилизационного развития (мы полагаем разум универсумом, свойственным мирозданию, а человека – его конкретным проявлением на определенном этапе его развития), рассматривает те конкретные материальные и социальные предпосылки, которые определяют переход к качественному изменению роли разума в развитии общества, человека и человеческой цивилизации, причем объективно обусловливаемый потребностью их сохранения как его носителя.

При этом значение концепции ноосферы не исчерпывается тем, что она составляет собой первую ступеньку к осмыслению новой роли разума в развитии не только человеческого общества, но и, в существенной мере, самой Земли, или по меньшей мере процессов, происходящих в ее литосфере, гидросфере, биосфере и атмосфере (а отчасти – уже и в заатмосферном пространстве). В концепции ноосферы предвосхищаются, пусть в туманной и достаточно расплывчатой, «непрописанной» в полной мере форме, некоторые тенденции, связанные с развитием самого разума.

Теория ноономики также уделяет этому аспекту немалое внимание, но главным образом – в прагматическом ключе, с точки зрения роли знания в технологическом развитии производства, в формировании его целевых установок и системы потребностей людей. Она концентрирует свое внимание на содержательной стороне проблемы нооразвития, что существенно сложнее формулирования общего, хотя и, безусловно, поддерживаемого теорией ноономики, посыла ноосферного подхода к роли человека в его отношениях с окружающим миром. При этом, однако, общие закономерности дальнейшей эволюции человеческого разума в теории ноономики пока затронуты недостаточно. И концепция ноосферы, с этой точки зрения, дает своего рода импульс для разработки данного вопроса, но уже не с позиции тех догадок, которые высказывали основоположники идеи ноосферы, а с позиции системного научного подхода в рамках общей теории ноономики.

В данной статье ставится задача показать, какое развитие может получить идея ноосферы, если подойти к ней с позиции той системы взглядов, которые составляют основу теории ноономики.

Формирование концепции ноосферы: исторический обзор

Концепция ноосферы родилась не на пустом месте, не как озарение, посетившее отдельных выдающихся мыслителей и ученых. Ее предпосылки складывались на протяжении едва ли не всего XIX (пожалуй, даже и XVIII) века и начала XX¹. Так, уже в работах Алек-

¹ Более подробно о научных предпосылках концепции ноосферы см. [14].

сандра Гумбольдта говорится о единстве жизненных процессов, протекающих на Земле. Предвосхищая позднейшее понятие «биосфера», он в 1826 г. вводит понятие «органическая жизнесфера» (*die organische Lebenssphäre*) [2; 7, с. 172]. Термин «биосфера» появляется и в работе австрийского геолога Эдуарда Зюсса [41, р. 159]. В 1902 г. географ и антрополог Д.Н. Анучин вводит понятие «антропосфера», рассматривая ее как стадии развития и формы культуры человека на поверхности Земли [16, с. 275].

Американский геолог Джеймс Дана также выделял эпоху, связанную с появлением человека и разума, как кульминацию естественной эволюции: «В этой органической истории есть последовательные фазы прогресса, или серия кульминаций, с созданием Человека и Разума как последней и самой высокой из этих кульминаций» [25, Р. 126].). Выделяя в эволюционной лестнице Эру Разума и Эпоху Человека [25, р. 130], особый акцент Дана делает на духовной стороне развития: «Как тело, благодаря своему развитию и адаптации, создано для служения и воспитания души, которая медленно созревает в связи с ним, так и с системой мира, как в отношении ее неорганического, так и органического отделов, на протяжении всей ее истории не меньше, чем в ее окончательных изменениях, упоминалось о человеке, последнем, высшем, духовном творении. И Земля служит своей главной цели, возвращая это новое творение для еще более возвышенной стадии – стадии духовного существования» [25, р. 574].

Итальянский геолог Антонио Стоппани, опираясь на аналогичные соображения, вводит понятие антропозойской эры в развитии Земли [40]. Американский геолог Жозеф Леконт в 1877 г. вводит понятие «психозойская эра» [32].

Взгляды этих и целого ряда других ученых отражали общую тенденцию к осмыслению роли разума в системе природы и к признанию решающей роли человека в воздействии на природную оболочку Земли. Позднее эти подходы дали толчок развитию концепции антропоцена [26].

Следующий шаг сделал океанолог Дж. Меррей, выдвинув в 1912 г. тезис не только о формировании человеком новой эпохи в эволюции Земли, но и о возникновении особой сферы существования, наряду со сферами живой и неживой природы, которую он назвал «психосфера» [37]. В русском издании его книги эта мысль выражена так: «Давши нашему воображению немного больше свободы, мы можем сказать, что в пределах биосферы, у человека родилась сфера разума и понимания, и он пытается истолковать и объяснить космос; мы можем дать этому наименование «психосферы»» [17, с. 136].

Но поиск и попытки создания концепции ноосферы шли не только путем вычленения в истории развития Земли периода, свя-

занного с деятельностью человека, и указания на особую роль человеческого разума в эволюционном процессе. Формирование идеи ноосферы имело и более глубокие естественно-научные и философские корни, происходило под влиянием идейного наследия множества предшественников и тех ученых, которые работали параллельно с основоположниками этой идеи. Философский фундамент концепции ноосферы, пожалуй, был заложен еще в трудах великого Иммануила Канта, который указал на глубинные проблемы и противоречия человеческого разума (так что до сих пор западная философская мысль бьется в пределах обозначенных им проблем). Стоит отметить и влияние взглядов Шопенгауэра, с его концепцией мировой воли, которая воплощается в эволюции форм бытия от низших – к высшим, от косной материи – к жизни, и от нее – к человеческому сознанию.

Толчок к исследованию роли человеческого разума в системе мироздания был дан также естествоиспытателями, которые в своих работах поставили вопрос о тенденции физического мира к рассеянию энергии (возрастанию энтропии). Я, в частности, имею в виду Уильяма Томсона (барона Кельвина) и его идею «тепловой смерти Земли», а также Рудольфа Клаузиуса, развившего эту идею до гипотезы «тепловой смерти Вселенной» (на основе величайшего второго закона термодинамики – принципа возрастания энтропии). Изучением антиэнтропийных процессов, происходящих в живой природе и препятствующих возрастанию энтропии в косной материи, занимался Н.А. Умов. В своих работах, посвященных проблемам эволюции, он еще в начале XX в. указал на фундаментальное свойство организованной материи и основной признак ее существования – «негэнтропийное» возрастание «стройности» в природе, обусловливаемое процессом эволюции живого и жизни как явления.

Значительную роль в формировании концепции ноосферы сыграли разработки биологов, начиная, пожалуй, с Жана-Батиста Ламарка (создателя первой теории эволюции живого!). Ему же принадлежит и мысль, что человек способен разрушить среду своего обитания [31]. В этом ряду нельзя не упомянуть и Чарльза Дарвина – именно на него, обобщая идею развития, опирался Ф. Энгельс (еще один, вместе с К. Марксом, «генетический отец» теории ноосферы).

Огромный вклад в развитие концепции ноосферы внес В.И. Вернадский. Немалое влияние на его становление как ученого и выбор направлений исследований оказал его учитель, российский почвовед В.В. Докучаев (основоположник школы научного почвоведения и теории почвы как целостного природного тела). В работах Вернадского получил отражение и вклад С.А. Подолинского, выдвинувшего идею, что человеческий труд способен сохранять и переводить в упорядоченную форму рассеянную энергию [39].

Дальнейшее развитие идеи Н.А. Умова получили в первой трети XX в. в исследованиях Эрвина Бауэра, посвященных фундаментальным термодинамическим отличиям живого вещества от неживого и значению термодинамических особенностей живой материи для понимания «прогрессивной эволюции», неизбежно приводящей к возникновению разума [1].

Значительное влияние на разработку концепции ноосферы оказали идеи т. н. «русского космизма». Можно указать на труды российского религиозного философа Н.Ф. Федорова, выдвинувшего идею о человеке как о садовнике «ноосферного сада» в своем большом, энциклопедического формата, творении «Философия общего дела». Развитие многих из этих идей было продолжено в «концепции ноосферного гуманизма» И.М. Борзенко. Стоит вспомнить и общецивилизационные идеи К.Э. Циолковского (их много и плодотворно исследовал А. Урсул). В них важным мне представляется то, что Циолковский полагал (с чем я согласен), что степень развития социального организма определяется его зрелостью, с точки зрения разума; при этом на самом деле тот же Циолковский понимал ноосферу шире, чем Вернадский, рассматривая ее не просто как некую планетарную оболочку, а говоря о «космоноосфере» и увязывая степень гуманности разума неразрывно с объединением любых разумных существ для достижения целей их существования и развития, каковыми он видел всеобщее благо, и т. п. Многие внесли в формирование фундамента теории ноосферы наши философы-мыслители Н. Бердяев и П.А. Флоренский. В концепции «пневмосферы» П.А. Флоренского просматривается много параллелей с концепцией ноосферы в изложении В.И. Вернадского и Тейяра де Шардена [18].

Как это ни покажется странным, но есть четкое совпадение идей Вернадского о том, что законы управления живого и неживого различны, но это различие есть необходимое условие для единства мироздания (и для его устойчивого существования), с идеями Нильса Бора, с его концепцией «дополнительности живого и неживого». В.И. Вернадский и Э. Ле Руа (с его тезисом о переходе биосферы в новое состояние – ноосферу), а также и Тейяр де Шарден многое взяли из идей А. Бергсона о «творческой эволюции жизни» (в частности, из его гипотезы о направленности времени в одну сторону и односторонности эволюции жизни в процессе развития Вселенной). Эту гипотезу впоследствии поддерживал и Вернадский. Эдуард Ле Руа, будучи учеником и сотрудником Анри Бергсона, воспринял его идею о «жизненном порыве», о стремлении материи к жизни [21].

Вернадский был хорошо знаком с работами многих своих предшественников [11, с. 238-239] и поначалу мыслил в рамках их общего подхода, пока лишь указывая на то, что с развитием человечества фор-

мируется новая геологическая эпоха. Эту эпоху он в своей работе «La Geochimie» (1924 года), написанной на основе лекций в Сорбонне, прочитанных им с 1922–1923 гг., называл, вслед за своими предшественниками, «психозойской эрой», или «эрой Разума»: «Но в нашу геологическую эпоху – психозойскую эпоху, эпоху Разума – проявляется новый геохимический факт, имеющий огромное значение. За последние тысячи лет геохимическое воздействие человечества, которое с помощью сельского хозяйства захватывает зеленую живую материю, стало интенсивным и чрезмерно разнообразным. Мы наблюдаем поразительную скорость роста этого действия. Это воздействие коллективного сознания и разума человечества на геохимические процессы. Человек ввел новую форму взаимодействия живой материи с сырой материей. Здесь вступают в игру не только элементы, необходимые для производства, образования живой материи, которые изменяют ее молекулярные структуры. Это необходимые элементы для техники и создания цивилизованных форм жизни. Человек действует здесь не как *Homo sapiens*, а как *Homo faber*» (перевод с фр. автора) [45, р. 342]. И Вернадский резюмирует свой вывод так: «Вместе с человеком на поверхности Земли, безусловно, появилась новая геологическая сила» (перевод с фр. автора) [45, р. 344].

Наиболее полное выражение эта научная тенденция получила в концепции ноосферы. Первое упоминание самого термина «ноосфера» содержится в написанном Тейяром де Шарденом в 1925 г., но опубликованном значительно позже эссе «Гоминизация»: «Более четко, чем другие, геолог Зюсс определил земную ценность таинственной живой оболочки, которая возникла в сиянии геологических времен вокруг нашего звездного единства. Мы предлагаем здесь, хотя эта точка зрения может быть, на первый взгляд, необъятной и фантастической, – это смотреть на мыслящую оболочку биосферы как на тот же зоологический (или, если хотите, теллурический) порядок, что и сама Биосфера. Чем больше мы ее рассматриваем, тем более подлинным или правильным кажется это экстремальное решение. Если мы не откажемся от того, чтобы ввести человека в общую историю земного единства, не искалечив его, и при этом он не должен дезорганизовать ее – она должна поставить его выше, но все же не вырывать его из себя. И это так или иначе сводится к тому, чтобы представить себе над биосферой животных сферу человека, сферу размышлений, сознательного изобретения, чувствуемого союза душ (если хотите, Ноосферу) и представить, в основе чего возникла эта новая сущность, особый феномен трансформации, влияющий на существовавшую ранее жизнь» (перевод с французского автора) [42, pp. 91–92].

В научный оборот термин «ноосфера» первым ввел друг и коллега Тейяра де Шардена Эдуард Ле Руа в своей публикации 1927 г. [34]. Хотя идея ноосферы, которую формулировали Тейяр де Шарден и Эдуард Ле Руа,

родилась во многом благодаря их дискуссиям с В.И. Вернадским в 1922–1923 гг., когда Вернадский читал свои лекции в Сорбонне, сам Владимир Иванович развернул свою концепцию ноосферы значительно позднее, примерно с середины 30-х годов. В его интерпретации, понимание ноосферы существенно отличалось от того, которое предлагали Ле Руа и Тейяр де Шарден, хотя он признавал научное первенство Ле Руа в этом вопросе [10]. Различие между этими концепциями детально исследовано в работе [35].

Нас же на данном этапе интересует то общее, что было заложено всеми этими учеными в понятие «ноосфера».

Во-первых, они подчеркивали теснейшую связь между биосферой и ноосферой Земли, исходя из того, что ноосфера рождена эволюцией биосферы, а также, что формирование ноосферы в то же время означает, что воздействие человека на развитие самой биосферы и, более того, – всей поверхностной оболочки Земли (литосферы, гидросферы, атмосферы) – становится решающим.

Во-вторых, они обращали внимание на эволюцию самого человеческого разума, стремящегося к достижению духовного единства человечества.

Будучи едины в последнем пункте, они трактовали его по-разному. Если идеологи католического модернизма (Тейяр де Шарден и Эдуард Ле Руа) видели впереди духовное слияние всего человечества в Боге, то Вернадский трактовал духовное единство человечества как общепланетное сотрудничество, основанное на универсальности научного знания. В рукописи, создававшейся в 1936-1938 гг., Вернадский подчеркивал: «Человек должен понять, как только научная, а не философская или религиозная концепция мира его охватит, что он не есть случайное, независимое от окружающего – биосферы или ноосферы – свободно действующее природное явление» [11, с. 21]. И далее он неоднократно повторял этот тезис: «...человек, выработав в социальной среде научную мысль, создает в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние – в ноосферу и перерабатывается научной мыслью социального человечества» [11, с. 24 и др.].

Я бы, во-первых, подчеркнул, что идеи ноосферы, в трактовках Ле Руа и де Шардена, не могли не быть учтены и в теории ноономики (сюда, в частности, примыкают роль знания, разума, духовного возвышения в процессе развития личности и многие другие нарративы концепции ноономики).

Во-вторых, сам Вернадский, на мой взгляд, смотрел на проблему все-таки гораздо глубже, не сводя ее к экологии, как делают «за него» некоторые новоявленные «ноосферисты», и он также опирался на известные к тому времени естественно-научные концепции.

Хотя Вернадский не ставил вопрос о том, что человек своим вмешательством в природу способен привести, говоря современным языком, к экологическому кризису, он, несмотря на свой оптимизм, подмечал в деятельности человека и разрушительные черты. Так, в своей статье, опубликованной в 1939 г., он отмечал: «Мы живем в небывало новую, геологически яркую эпоху. Человек своим трудом – и своим сознательным отношением к жизни – перерабатывает земную оболочку – геологическую область жизни – биосферу. Он переводит ее в новое геологическое состояние; его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу. Им создаются в биосфере новые, не существовавшие раньше биогеохимические процессы. Биогеохимическая история химических элементов – планетное явление – резко меняется. На нашей планете создаются, например, в огромных массах новые свободные металлы и их сплавы, в ней никогда не существовавшие. Таковы, например, алюминий, магний, кальций. *Резчайшим образом изменяется и нарушается растительная и животная жизнь* (выделено мною – С.Б). Создаются новые расы и виды. Лик планеты меняется глубочайшим образом. Создается стадия ноосферы» [9, с. 6].

Следует сказать, что в концепции ноосферы Вернадского присутствует ряд моментов, которые представляются весьма значимыми с точки зрения теоретического анализа современных нам тенденций. Так, Вернадский еще в 1926 г. отмечает резкое ускорение темпа развития науки, приравнивая его к взрыву научного творчества [8], а затем определенно связывает это явление с периодом перехода биосферы в ноосферу [11, с. 37–38]. При этом Вернадский утверждает, что «разум есть преходящее проявление высших форм жизни *Homo sapiens* в биосфере, превращающий ее в ноосферу: он не есть и не может быть конечной, максимальной формой проявления жизни. Им не может явиться человеческий мозг». Отталкиваясь от этого тезиса, он делает смелый прогноз: «изменение мыслительного аппарата человека может оказаться вероятным и даже неизбежным» [11, с. 101].

Содержание ноосферы, по Вернадскому, не определяется лишь развитием научной мысли или человеческого разума вообще, он включает в это содержание и культуру [11, с. 68]. Более того, он подчеркивает, что именно энергией человеческой культуры создается ноосфера [11, с. 126]. Наконец, по мысли Вернадского, формирование ноосферы становится возможным только как действие «в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [10].

Таким образом, стоит отметить, что родоначальники идеи ноосферы уловили самое начало возникновения определенной тенденции, которая в более полном виде сформировалась позднее.

Академик А.Е. Ферсман, современник Вернадского, признававший себя, до некоторой степени, его учеником, исследовал биогеохими-

ческие процессы, являвшиеся важным аспектом теории ноосферы, а также проблемы технологической деятельности человека. Им была разработана теория техногенной миграции химических элементов и фактически заложены основы теории техноценозов. Именно он ввел в науку понятие «техногенез» [20, с. 27].

О последующих выдающихся исследователях ноосферы многое можно сказать, поскольку эта концепция весьма богата возможными расширениями. К ним, безусловно, следует отнести академика Влаиля Казначеева, теоретика-биолога, создателя науки об адаптации человека, Побиска Кузнецова, занимавшегося исследованием проблем устойчивого развития человечества в системе «природа – общество – человек», и целый ряд других ученых. Особо стоит выделить выдающегося ученого, ушедшего от нас на переломе XX–XXI вв., Н.Н. Моисеева, создавшего стройную теорию эволюции Вселенной – через термодинамическую самоорганизацию системы от неживой материи к живому, к человеку, к разуму (как присущему мирозданию элементу, его вершине и его универсуму).

Многие концептуальные положения теории ноосферы, касающиеся духовного существа человека и его развития, были заложены во многих религиозно-философских учениях, особенно в монотеистических, в частности, в христианстве.

Именно в таком «ареопате» мыслителей и родилось то, что каким-то образом было вербализировано Тейяром де Шарденом, автором термина «ноосфера», и (причем в теснейшем их «единомыслии») В.И. Вернадским в виде не до конца прописанной ими концепции ноосферы, получившей свое дальнейшее развитие в современной «ноосферологии». К сожалению, в ней появилось множество чуждых наслоений, – и, похоже, что скоро Вернадского надо будет защищать от «развивателей».

Объекты и методы исследований ноономики и ноосферы

Наш подход, безусловно, базируется на применении *фундаментальных законов развития материи* (живой и неживой, весь процесс этого развития, в том числе материальной сферы, ее приложения к материальному обеспечению жизни (и человека как биосущества, в частности), а также на законах развития общества (в том числе вытекающих из необходимости материального существования социума, экономических, технологических, психологических и т. п.), на общепhilosophических законах бытия. При этом ноономика («номос») основывается на признании предустановленного *единства материального и духовного*, как двух сторон одной медали, – *мироздания, порождающего разум*

(как общепhilософского концепта теории ноономики), с четким логическим обоснованием *необходимости и неизбежности перехода* общества к новому состоянию (черты которого тоже достаточно ясно прорисовываются, исходя из данной логики). Это состояние рассматривается как *закономерный этап развития Вселенной*, порождающий и проявляющий (через самоосознание) на определенном этапе своей эволюции разум («ноо»). Отсюда вытекают все основные тезисы ноономики, как теории цивилизационного развития, а именно: развития *человека* – как «индивидуального» носителя разума, и ноообщества – как «коллективного» носителя разума.

В теории ноономики разум («ноо») эволюционно проявляется через трансформацию своих носителей: человека, постепенно развивающегося и все более способного усваивать знания (вычленять себя из окружающего мира, осознавать свои *потребности*, определять свои *интересы*, осознавать *ценности*, находить пути их удовлетворения), и общества – «коллективного» носителя разума (имеющего *свои* потребности, интересы и ценности), а также через их взаимосвязь.

При этом надо четко понимать, что уровень осознания человеком и обществом своих истинных потребностей не «стоит на месте»: носители разума (как и все в мироздании) развиваются, осознавая свои потребности и интересы на все более «длинном временном горизонте» и порой отвергая (как превалирующе-ценностные!) «бывшие», сиюминутные потребности в пользу более «дальних», больших, перспективных, исходя из все более глубоко осознаваемых истинных ценностей (развивая критериальную базу своего бытия в сторону «ноо»).

Вот почему на смену экономике, как механизму удовлетворения потребностей более низкого порядка, с развитием способов их удовлетворения (в т. ч. – через переход к новому индустриальному обществу второго поколения – НИО.2, с развитием технологий и НИО.2-индустрии), придет ноономика – как неэкономический способ удовлетворения потребностей людей (индивидуумов), т. е. потребностей, сформированных в рамках ноокритериальной базы ценностей, в корреляции с удовлетворением потребностей социума/общества – того типа общества, которое мы называем ноообществом, материальным базисом которого станет ноономика. Только в такой парадигме возможно истинное «сапиенс-развитие» человека и общества, преодоление тех развилки и кризисов (экологических, климатических, психологических и т. п., не говоря уже об экономических), могущих поставить нашу цивилизацию, которая есть проявление разума через создание в процессе развития Вселенной его носителей, на грань исчезновения.

Наличие в нас разумного начала, замечу при этом, не исключает гибели *нашей* цивилизации вследствие бифуркационных процессов во Вселенной, в том числе и по причине бифуркаций самого разума

либо его конкретного носителя (человечества, в данный момент, и, весьма вероятно, не единственного). Но разум (знание, идея, дух), как неотъемлемое свойство мироздания, будет существовать и будет продолжен в иных мирах/формах. И это – тоже вполне конкретный и важный вывод теории ноономики и предупреждение для человечества – думать о том, как жить дальше. И лучше ли для нашей цивилизации «экономическая синица» в руке, чем «журавль ноономики» в небе?

Что же мы вкладываем тогда в понятие «ноосфера»?

Можно, видимо, понимать ее как некое «пространство действия» разума, расширяющееся до всей Вселенной. Наверное, здесь «сойдутся» (если пренебречь деталями) трактовки многих основоположников и исследователей теории ноосферы (от В.И. Вернадского и Тейяра де Шардена до К.Э. Циолковского и Н.Н. Моисеева) как философского обобщения проявления «вселенского разума», или, вернее, «вселенского ноо».

В чем *единственное принципиальное* сходство теории ноосферы и теории ноономики? В том, что они *целостно* рассматривают важнейший предмет – *цивилизационное развитие*. Причем обе теории, исходя из *разных истоков*, во главу угла (и это – не случайно!) выдвигают *разум* как *универсальный инструмент* такого развития. И это надо особо подчеркнуть.

Теория ноономики – это синергетический взгляд, представление о конкретном носителе разума – о человеке и о социуме, об их становлении, развитии, включая развитие человека (как нообиосоциальной сущности) и общества/социума, возрастающего к уровню ноообщества. Ноономика рассматривает процесс создания материального базиса такого общественного устройства и обеспечения жизнедеятельности в нем человека (индивидуума), а также – это научное направление, исследующее основания и пути продвижения цивилизации к становлению ноообщества.

Однако раскрыть закономерности и материальные основы развития самой человеческой цивилизации и человеческого разума не смогли основоположники идеи ноосферы. Их взглядам, даже изложенным в более развернутой форме академиком Вернадским и представлявшим в свое время собой огромный научный и мировоззренческий прорыв, присуща, с позиций современной науки, заметная ограниченность. Эта ограниченность определяется прежде всего тем, что ими не были прояснены вопросы конкретной материальной основы формирования «сферы разума» и объективной «предустановленности» продвижения к ней человека в его цивилизационном развитии.

Почему, на какой основе именно в XIX–XX веках человек превратился в решающую «геологическую силу», и почему именно в первой трети XX в. ученые увидели намечающийся переход к ноосфере? Эти

вопросы ими не были даже поставлены, и, соответственно, ответы на них не были даны. Никак не были раскрыты и причины взрывного роста науки, и те основы, на которых становилось бы возможным формирование единства человечества.

Развитие современных научных знаний, как и социально-экономический прогресс человечества, в настоящее время дают достаточно оснований для того, чтобы продвинуться существенно дальше в освещении тех проблем, перед которыми остановились (или которые даже не сформулировали) как сами основоположники концепции ноосферы, так и многие ее интерпретаторы пост-Вернадского периода.

В решении этих проблем необходимо опираться на выявленные к настоящему времени закономерности технологического развития производства, равно как и на понимание закономерностей влияния технологических сдвигов на общественное устройство производства. Именно на изучении этих закономерностей построена теория ноономики, показывающая не только материальную основу возрастания роли знаний в человеческом обществе, но и условия превращения знаний в определяющий фактор развития производства. Вместе с этим теория ноономики позволяет ответить и на вопрос о том, как такие перемены в производстве влияют и на социально-экономические отношения, и на институты, и на все устройство общества.

Одна из важнейших проблем, затронутых в концепции ноосферы, – характер взаимоотношения человека с природной средой – также получает освещение в теории ноономики, показывающей как природу тех противоречий, которые ведут к нарастанию экологического кризиса, так и возможные пути преодоления этих противоречий, обеспечения устойчивого развития и бесконфликтного перехода к ноообщественному устройству общества. Впрочем, именно эта сторона наследия Вернадского пользуется большим интересом и со стороны других направлений в современной науке, особенно тех, которые исследуют проблемы экологического равновесия и устойчивого развития [43].

Наконец, теория ноономики уделяет самое пристальное внимание проблеме эволюции человеческого разума, его взаимодействия с культурой, формированию новых критериев рациональности человеческой деятельности – ноокритериальной базы ценностей, потребностей и целей развития самого человека.

Ноономика как материальное основание ноосферы

Начиная обсуждение вопроса о том, как в теории ноономики решаются вопросы, постановка которых вытекает из концепции ноосферы, нельзя обойти проблему соотношения самих этих понятий – ноономики и ноосферы.

В чем-то базовые тезисы теории ноономики сходны с понятием ноосферы, поскольку касаются пространства человеческого разума и культуры. Но в то же время ноономика выступает как материальный базис всей общественной жизни, сформированный на критериях разума и культуры, – ноообщества, нооцивилизации, и в этом смысле является тем реальным основанием, на котором ноосфера и может стать реальностью.

Развитие современных технологических укладов, ведущее к существенному росту знаниеинтенсивности (knowledge-intensity), создает предпосылки для формирования нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). В свою очередь НИО.2 образует отправной пункт перехода к ноономике – к неэкономическому способу производственной деятельности, обеспечивающему удовлетворение потребностей человека на основе не экономических (по сути, следуя Аристотелю, – хрематистических) критериев рациональности, а критериев знания и культуры. Центральным звеном системы такого рода потребностей выступает развитие самого человека, его творческих способностей. Такая система потребностей позволяет отойти от нарастающего давления на природную среду, которое подталкивается стремлением к экономическому росту, ориентированному на постоянное наращивание объемов потребления.

Человек освобождается от непосредственного участия в материальном производстве, оставляя за собой те функции, которые не могут быть заменены относительно автономно функционирующей техносферой, – функции познания и творческой деятельности, которые лежат в основе развития производства. Все это довольно подробно изложено в наших ранее изданных работах [2; 4] и др.

Здесь же необходимо подробнее остановиться на том, как формирование ноономики позволяет конкретизировать характеристики ноосферы. Эволюция человеческого разума в XX в. уже сделала значительный шаг вперед, создав возможности для универсального обмена знаниями, опираясь на информационно-коммуникационные технологии. Разумеется, существуют еще значительные препятствия для того, чтобы этот обмен сделался вполне свободным и универсальным, как отмечается в материалах UNESCO [15]. Такие препятствия, как государственная и коммерческая тайна, частная интеллектуальная собственность являются объективным следствием существующего экономического и политического устройства мира. Тем не менее материальная основа для беспрепятственного и безграничного оборота знаний уже создана, и она выступает как предпосылка для шагов к подлинному духовному единству человечества.

Однако помимо этой материальной основы для духовного единства необходимы и другие предпосылки, касающиеся содержательных

характеристик самого человеческого разума. В теории ноономики уже был поставлен вопрос о том, что превращение человеческого разума в преобладающий фактор развития заставляет задуматься о том, на что будет ориентирован сам этот разум, каковы будут для него критерии рациональности, критерии добра и зла. «Ноосфера – нечто, возникающее не целенаправленно, а как неизбежный продукт развития человеческого общества на определенной ступени его саморазвития. Сама по себе она *не гарантирует* «царство добра». Поэтому само наличие ноосферы сразу ставит вопрос о том, *какие именно императивы разума* будут в ней господствовать» [4, с. 182]. Решение этих вопросов лежит не столько в плоскости закономерностей эволюции самого разума, сколько определяется как материальными условиями его развития, так и теми общественными отношениями, в рамках которых он развивается.

Движение к ноономике, опираясь на рост знаниеинтенсивности производства, ведет к формированию все более широкой прослойки людей, в деятельности которых открытие и применение новых знаний, а также связанные с этим все творческие процессы, занимают ведущее место. В новейшее время эти творческие процессы – от производственных инноваций до художественного творчества – подчиняются главным образом (хотя и не исключительно!) критериям экономической рациональности. Эти критерии на протяжении длительного периода содействовали прогрессу производства, росту познания окружающего мира и самопознанию человека, развитию его способностей и насыщению его потребностей. Однако чем дальше, тем больше нарастают противоречия, вызванные ориентацией деятельности человека на эти критерии, и каждый шаг в нашем развитии влечет за собой самые серьезные негативные последствия.

Человеческий разум стал мощнейшей геологической силой, но эта сила имеет не слишком-то разумные следствия своего применения. Человек угрожающе расшатывает природное равновесие, подрывая способность Земли к естественному воспроизводству своей экосистемы. Экономическая рациональность ведет к экономическому росту ради наращивания объемов потребления, и это уже давно стало колоссальной проблемой. Для всех государств и народов Земли невозможно обеспечить те объемы потребления, которые достигнуты наиболее развитыми государствами в настоящее время. Население этих государств оттягивает на себя существенную долю мировых ресурсов и обеспечивает огромный объем отходов, загрязняющих природную среду. Так, США, где проживает около 5% населения Земли, потребляет 25% добываемого в мире ископаемого топлива, производит и использует 24% энергии и при этом создает 72% опасных отходов [38, р. 5]. Если весь мир присоединится к таким стандартам потребления и загрязнения, наша планета попросту не выдержит – ведь Земля

уже не справляется с воспроизводством естественных ресурсов, расходуемых человеком в его хозяйственной деятельности. Всемирная организация дикой природы (WWF) фиксирует наступление дня эко-долга – момента, к которому человечество полностью израсходовало ресурсы, которые планета способна воспроизвести за год. До 1970 годов мы расходовали меньше ресурсов, чем Земля воспроизводила за год. А в 2021 г. этот день наступил уже 29 июля! [13].

Таким образом, во весь рост встает проблема изменения критериев рациональности хозяйственной деятельности человека и критериев разумности формирования его потребностей. Эти критерии не могут измениться сами собой даже при понимании остроты тех проблем, которые влечет за собой следование прежним, экономическим критериям рациональности. Для их изменения должны накопиться объективные предпосылки в характере деятельности людей.

Эти предпосылки заключаются, во-первых, в росте знаниеинтенсивности производства, что ведет к росту уровня образования и квалификации работающих. Ускорение инновационного процесса расширяет потребность в развитии творческого потенциала занятых. При этом одновременно растет занятость в таких профессиях, которые предполагают выполнение широкого круга творческих функций (менеджмент, деловые услуги, НИОКР, образование, сектор ИКТ и др.) [48; 47].

Кроме того, современные технологии позволяют человеку все более отдаляться от участия в процессе непосредственного производства, оставляя за ним в основном роль исследователя, разработчика и инноватора, функции целеполагания, контроля, либо (в сфере услуг) межперсонального взаимодействия. Эти процессы уже в настоящее время привели к формированию прослойки людей, для которых существенно изменились мотивы их производственной деятельности, а вместе с этим произошли сдвиги в ценностных установках и структуре потребностей. В этом мы видим шаг к изменению ценностей и критериев, которыми в перспективе будет руководствоваться человечество в целом.

Возникновение материальных предпосылок для движения к новым критериям рациональности и новым ценностям, влияющим на структуру потребностей, не ведет еще к их автоматическому формированию. Кроме того, лишь для меньшинства занятых в общественном производстве доступны творческие функции. Процесс замены человека в непосредственном производстве роботами развивается пока еще медленно. Так, проекты формирования индустрии 4.0, выступающей прообразом безлюдного производства, разрабатываются уже более десятка лет, но так еще и не вышли из стадии отдельных экспериментов. Эксперты констатируют, что индустрия 4.0 все еще находится в «зачаточно-стартовом» состоянии, встречая

множество технических, организационных и социальных препятствий [49]. Другие высказываются не столь категорично, но также указывают, что до сих пор в корпоративной практике накоплено мало опыта в отношении целенаправленного и успешного внедрения Индустрии 4.0 [45]. Приводимые в публикациях примеры практического применения индустрии 4.0 в действительности демонстрируют лишь использование отдельных видов технологий [30; 28], в то время как замысел индустрии 4.0 заключается именно в объединении множества технологических решений, позволяющих осуществлять и контролировать одновременно технологические, логистические и маркетинговые процессы на основе цифровых платформ. По информации Boston Consulting Group, индустрия 4.0 занимает важное место в сегодняшней повестке дня, но на практике реализуются лишь один или два отдельных аспекта Индустрии 4.0 [29].

Однако потребность в глубоких переменах в условиях производства и в сознании человека стала уже весьма насущной. Кризис в отношениях человека и природы не может продолжаться до тех пор, пока все люди получают возможность освободиться от рутинных производственных функций, сосредоточиться на творческой самореализации, – и охладеть к погоне за наращиванием объема потребляемых благ. Поэтому формирование ноосферы уже не может быть стихийным процессом, всего лишь «побочным продуктом» развития техники, технологий и научного познания мира. Необходимы активные усилия по преобразованию нравственных норм, повышению уровня овладения культурой, созданию ноо-ценностей. Это позволит поставить цели человека на истинно разумную основу, утвердить подлинно человеческое отношение людей друг к другу и к природе.

Эволюция разума, ценностей и культурных норм в процессе перехода к ноономике

Поскольку в формировании ноосферы с необходимостью участвует процесс научного познания, здесь нельзя обойтись без определения наших ценностей как истинных, то есть соответствующих объективным условиям действительности. Это не некие абстрактные неизменные истины на все времена. Еще Гегель прозорливо заметил: «Если истина абстрактна, то она – не истина» [12, с. 88]. Нет, речь идет о том, что истинно для нашего движения вперед, для преодоления тех проблем и противоречий, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Евангелист Иоанн передал нам слова Христа, которые символизируют слияние понятия истины с жизненным движением вперед: «Я есмь путь и истина и жизнь» [Ин. 14:6].

Истинные ценности призваны утвердить в человеке человеческое, не дать ему свернуть на путь разрушения среды своего обитания и своей собственной природы, а направить его к формированию своей личности через познание, через развитие культуры, через взаимное облагораживание межличностных отношений.

Для развития ноономики необходимы сдвиги в духовном и нравственном возрастании человечества, в культурных нормах и традициях, которые ориентировали бы сознание людей на бережное отношение к природной среде и разумное построение своих потребностей. Произойдет смена внутренних критериев рациональности, обеспечивающая снижение приоритета наращивания объемов потребляемых благ в пользу ориентации на удовлетворение конкретных потребностей, соответствующих задачам развития человека.

В качестве переходных ступеней к такому повороту может выступать развитие, наряду с рыночным саморегулированием, ориентированным на экономические критерии, общественного регулирования производства, основанного на вовлечении в процесс принятия решений всех заинтересованных сторон. Такое регулирование как раз и позволяет ориентировать производство не только на критерии экономической рациональности, но и на удовлетворение конкретных потребностей, определяемых критериями разума и культуры, а в перспективе – заменить экономический способ удовлетворения потребностей ноономикой [4; 5; 6]. В ноономике удовлетворение потребностей людей будет основано на взаимодействии общества с автономно функционирующей техносферой («безлюдным производством»). Сфера рыночных обменов и экономических отношений при переходе к ноономике будет сужаться, уступая место общественному регулированию развития техносферы для создания условий самореализации творческого потенциала каждого человека.

В переходе к новой, неэкономической рациональности важны не только достижения разума в процессе познания действительности, позволяющие оценить те проблемы, которые надо разрешить вместе с преодолением рациональности экономической. Не менее важно и другое: что способно побудить человека обратиться к разуму и отвернуться от жадности потреблять как можно больше? Изменения в содержании основной деятельности человека, ориентирующие его на творчество, опирающееся на знания? Разумеется. Но человек жив не одними лишь знаниями, не одним лишь профессионализмом, и даже не только творческими достижениями, двигающими вперед развитие относительно автономной от человека техносферы. Чем будут определяться остальные его потребности, так, чтобы они также способствовали возвышению его личности?

Вернадский не случайно относил культуру к ноосфере – именно культурные критерии позволяют человеку сделать правильный выбор

как своих необходимых потребностей, так и своих разумных действий и взаимоотношений с другими людьми. Ведь переход к ноономике базируется не только на новых материальных предпосылках, но и на новом характере отношений между людьми, в том числе – и на том самом духовном единстве, о котором писали основоположники идеи ноосферы. И если материальные предпосылки определяют взаимодействие людей со сферой производства, то их духовная связь определяется уровнем их культурного развития, также зависящего от материальных предпосылок и от развития процесса познания, но не сводимого к ним.

Достижение духовного единства человечества в ноосфере невозможно без усвоения таких культурных ценностей и культурных критериев, которые позволяют устранить из взаимоотношений между людьми социальную конфликтность. Развитие знаниеинтенсивного производства, в перспективе – безлюдного, опирающегося на относительно автономную техносферу, обеспечивает материальные условия для удовлетворения разумных потребностей людей, создавая предпосылки для снятия социальных конфликтов за обладание материальными благами, ресурсами, богатством. Но – лишь предпосылки. Для преодоления конфликтности эти предпосылки должны быть дополнены новыми идейными принципами, нравственными нормами, культурными традициями.

В качестве одного из идейных инструментов, направляющих эволюцию человеческих отношений именно в данном направлении, может выступить идеология солидаризма [7; 34; 23].

Ноономика не устраняет различий между людьми, как не ликвидирует и неравенство. Но она создает возможность устранить экономическое неравенство, то, которое лежит в основе социальных конфликтов современности [22], разделяя людей по уровню доступа к ресурсам производства и потребления и принуждая их к борьбе за средства существования. Доступ к главному фактору производства – знаниям – не будет прегражден экономическими барьерами; будет обеспечиваться беспрепятственная циркуляция знаний и информации. Различия в индивидуальных задатках людей, безусловно, останутся, однако ведь и само по себе своеобразие человеческой личности – необходимое условие объединения людей для совместной деятельности. В конце концов, разум – не индивидуальное свойство человека, он развивается (проявляясь во все более «продвинутых» формах) только во взаимодействии людей, и именно их различия создают основу для такого взаимодействия.

Совместная творческая деятельность, неотделимая от процесса познания, будет выступать стимулом развития творческих способностей, повышения культурного и образовательного уровня людей,

использования и развития когнитивных технологий. И высокая степень овладения знаниями, и высокий уровень культуры будут способствовать преодолению конфликтности, осознанию того факта, что для преодоления проблем и противоречий необходимы солидарные действия и взаимная социальная ответственность.

Уже в наше время перед лицом экологического кризиса, а также разного рода бедствий, подобных пандемии коронавируса, приходит осознание неприемлемости (или, во всяком случае, ограниченной приемлемости) экономического эгоизма и предпочтительности солидарных действий. Пока сложившиеся экономические отношения в рамках современной модели экономики не дают возможности полностью отказаться от экономического эгоизма. Однако понимание пользы от взаимного учета интересов (пока еще весьма противоречивых и нередко сталкивающихся между собой), от нахождения разумного компромисса между ними прокладывает себе дорогу. Подобного рода подходы можно увидеть в таких концепциях, как «капитализм заинтересованных сторон» (англ. *stakeholders capitalism*) [37], а также в идее со-конкуренции, нацеленной на объединение сотрудничества и конкуренции (англ. *co-competition* или *coopetition*) [24].

Выводы

Ноосфера как сфера человеческого разума получает в теории ноономики научное основание. Идея ноосферы на этой основе перестает быть лишь констатацией возросшей силы и значения человеческого разума и догадкой о грядущем духовном единстве человечества. Рост значения разума получает конкретное материальное объяснение в развитии современных технологий, ведущих к возрастанию знание-интенсивности производства, и к резкому ускорению инновационных процессов. Вместе с этим происходит рост уровня образования, квалификации и творческого потенциала занятых в производстве, а также возрастает роль сферы образования и науки, обеспечивающих развитие этого потенциала.

Изменяется характер человеческой деятельности, постепенно отдаляющейся от непосредственного участия в производстве и концентрирующейся на функциях контроля, целеполагания, творческого развития техники и технологий в относительно автономной техносфере. Вместе с этим меняются мотивы и цели деятельности людей, все более ориентирующихся на самореализацию в процессе творческой деятельности, а не на наращивание объема поглощаемых благ.

На этой основе развивается отход от критериев экономической рациональности, прекращается погоня за экономическим ростом, основанным на безудержном поглощении ресурсов Земли. Меняется

структура потребностей людей в пользу создания условий для саморазвития и обеспечения разумного уровня удовлетворения конкретных потребностей. Меняются господствующие социальные ценности, происходит преодоление социальной конфликтности и развитие тенденции к совместным солидарным действиям.

Результатом этих тенденций и выступает свободный обмен знаниями и информацией, действительное формирование единой сферы разума – ноосферы. Только ориентированные на возвышение человеческой личности ценности разума и культуры, не разделенные перегородками эгоистических экономических интересов, могут сделать разум орудием не разрушения и не войны всех против всех в борьбе за свой «кусочек пирога» в нашей цивилизации, а основой духовного единения человечества.

К этому ведет в первую очередь не проповедь высоких идеалов и не призыв одуматься перед лицом грозящих человечеству катастроф, а развитие объективных условий человеческой жизни и деятельности. Но эти объективные условия прокладывают себе дорогу через нелегкий труд познания и осознания противоречий общественного развития, через труд усвоения достижений разума и культуры, через совместное признание новых ценностей нашего совместного бытия, через многие практические решения в экономике, социальной и культурной политике, направленные на создание условий для подлинного ноопрогресса. Здесь лежит путь к торжеству истинно человеческой сущности рода людского, нашего общецивилизационного движения от «зоо» к «ноо» [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауэр Э.С. Теоретическая биология. М.–Л.: Изд. ВИЭМ, 1935.
2. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016.
3. Бодрунов С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
5. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. 2019. № 4 (62). С. 6–18.
6. Бодрунов С.Д. К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономии. 2020. № 3. С. 52–64.
7. Бодрунов С.Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. В: Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Том 1 / Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ИНИР, 2021. С. 11–28.
8. Вернадский В.И. Мысли о современном значении истории знаний. Доклад, прочитанный на Первом заседании Комиссии по истории знаний 14.X.1926 г. / Труды Комиссии по истории знаний. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.

9. Вернадский В.И. О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы / Проблемы биогеохимии. Вып. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
10. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113–120.
11. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
12. Гегель Г. Лекции по истории философии (1833). Книга первая. СПб.: Наука, 1993.
13. День экодолга в разные годы. <https://ecodolg.wwf.ru/den-ekodolga-v-raznye-gody>.
14. Зудилина Н.В. Основы учения о ноосфере: учебное пособие. Симферополь: Издатель Н.В. Зудилина, 2020.
15. Критическому времени критический подход: роль средств информации в построении миролюбивых, справедливых и инклюзивных обществ: Концептуальная записка. Всемирный день свободы печати, UNESCO, 2017. С. 11–12. https://en.unesco.org/sites/default/files/wpfd2017_concept_note_ru.pdf.
16. Менишуткин В.В., Левченко В.Ф. Основанная на вероятностных клеточных автоматах модель эволюции антропосферы // Биосфера. 2017. Т. 9. № 4. С. 275–285. DOI: 10.24855/BIOSFERA.V9I4.401.
17. Меррей Дж. Океан. Общий очерк наук о море / Перевод с английского / Под ред. и с предисловием проф. Н.Г. Лигнау. Одесса: Государственное издательство Украины, 1923.
18. Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 194–203.
19. Умов Н.А. Физико-механическая модель живой материи / Умов Н.А. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Московское общ-во испытателей природы, 1916. С. 184–200.
20. Ферсман А.Е. Геохимия в 4-х т. Т. 2. Л.: ОНТИ, 1934.
21. Bergson A. L'évolution créatrice. Paris, Felix Alcan, 1907.
22. Bodrunov S.D., Galbraith James K. New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study guide / Ed. by S.D. Bodrunov. Plekhanov Russian University of Economics: Moscow, Russia, 2017.
23. Bourgeois L. Solidarité. P.: Colin, 1896.
24. Brandenburger A.M., Nalebuff B.J. Co-opetition. New York: Doubleday, 1996.
25. Dana J.D. Manual of Geology: Treating of the Principles of the Science, with Special Reference to American Geological History. Philadelphia: Theodore Bliss & Co; London: Trübner&Co, 1863.
26. Hamilton C. and Grinevald J. (2015). Was the Anthropocene anticipated?// The Anthropocene Review. 2015. Vol. 2. Iss. 1. P. 59-72. DOI: 10.1177/2053019614567155.
27. Humboldt A. Ansichten der Natur / Alexander von Humboldt. Gesammelte Werke. Band 11. Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1889.
28. Immerman G. Emerging Industry 4.0 Technologies with Real-World Examples. Machinemetrics, Industry 4.0. September 17, 2020. <https://www.machinemetrics.com/blog/industry-4-0-technologies>.
29. Industry 4.0 and the fourth industrial revolution explained <https://www.i-scoop.eu/industry-4-0>.
30. Industry 4.0: 7 Real-World Examples of Digital Manufacturing in Action (2019). 28 March, 2019. Additive Manufacturing Execution System & Workflow Automation Software. <https://amfg.ai/2019/03/28/industry-4-0-7-real-world-examples-of-digital-manufacturing-in-action>.

31. Lamarck J.-B. *Système analytique des connaissances positives de l'homme*. Paris: Belin, 1820.
32. Le Conte J. (1877). On Critical Periods in the History of the Earth, and Their Relation to Evolution; on the Quaternary As Such a Period" // *American Naturalist* 1877. Vol. 11. No. 9. Pp. 540–557.
33. Leroux P. *De L'humanité de son Principe, et de son Avenir ou se Trouve Exposée, la Vraie Définition de la Religion et ou l'on Explique le Sens, la Suite, et L'enchaînement du Mosaisme et du Christianisme*. T. 1. Paris: Perrotin, Éditeur-Libraire, 1840; Bourgeois L. *Solidarité*. P.: Colin, 1896.
34. Le Roy E. *L'exigence Idéaliste et le Fait de L'Évolution*. Paris: Boivin & Cie, 1927.
35. Levit G.S. The Biosphere and the Noosphere. Theories of V. I. Vernadsky and P. Teilhard de Chardin: A methodological essay// *Archives Internationales d'Histoire des Sciences*. 2000. Vol. 50. No. 144. P. 160–177.
36. Measuring Stakeholder Capitalism: Towards Common Metrics and Consistent Reporting of Sustainable Value Creation. 22 September, 2020. <https://www.weforum.org/reports/measuring-stakeholder-capitalism-towards-common-metrics-and-consistent-reporting-of-sustainable-value-creation> accessed on 09.11.2020.
37. Murray J. *The depths of the ocean*. London: Macmillan, 1912.
38. Perkins J. *The secret story of the American empire*. NY, NY: Dutton, 2007.
39. Podolinsky S. 'Le Socialisme et l'unité des forces physiques'// *La Revue Socialiste*. 1880. Vol. 8. P. 353–365.
40. Stoppani A. *The Anthropozoic Era: Excerpts from Corso di Geologia*. Miliano: G. Ber-nardoni E. G. Brigola, Editori / Antonio Stoppani; Transl. by Valeria Federighi; Ed. By Valeria Federighi and Etienne Turpin // *Scapegoat*, 1873. http://www.scapegoatjournal.org/docs/05/SG_Excess_346-353_P_STOPPANI.pdf.
41. Suess E. *Die Entstehung der Alpen*. Wien: Wilhelm Braumüller, 1875.
42. Teilhard de Chardin Pierre (1925). L'Homínisation. Introduction à une étude scientifique du Phénomène humain, in: Pierre Teilhard de Chardin Oeuvres, t. 3: La vision du passé. Paris: Du Seuil, 1957. Pp. 75–111.
43. Trubetskova I.L. From biosphere to noosphere: Vladimir Vernadsky's theoretical system as a conceptual framework for universal sustainability education. University of New Hampshire, Durham. Doctoral Dissertations. 612. 2010. <https://scholars.unh.edu/dissertation/612>.
44. Veile J.W., Kiel D., Müller J.M. and Voigt K.-I. Lessons learned from Industry 4.0 implementation in the German manufacturing industry // *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2020. Vol. 31 No. 5. Pp. 977–997. <https://doi.org/10.1108/JMTM-08-2018-0270>. <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JMTM-08-2018-0270/full/html>.
45. Vernadsky W.I. *La Géochimie*, Paris, Librairie Félix Alcan, 1924.
46. Usselman S.W. Research and Development in the United States since 1900: An Interpretive History. // *Economic History Workshop*, Yale University. (November 11, 2013). https://economics.yale.edu/sites/default/files/usselman_paper.pdf.
47. Wyatt I. D., Hecker D. E. Occupational Changes during the 20th Century// *Monthly Labor Review*. 2006. Vol. 129. No. 3. Pp. 35–57.
48. Yang, F., Gu, S. (2021). Industry 4.0, a revolution that requires technology and national strategies. *Complex & Intelligent Systems*. 2021. Vol. 7. Pp. 1311–1325. <https://doi.org/10.1007/s40747-020-00267-9> <https://link.springer.com/article/10.1007/s40747-020-00267-9>.

REFERENCES

1. *Bauer E.S.* Theoretical Biology. M.: VIEM. 1935. (In Russ.).
2. *Bodrunov S.D.* The Future. The New Industrial State: Reset. M.: Kulturnaya revolutsiya. 2016. (In Russ.).
3. *Bodrunov S. D.* From ZOO to NOO: Man, Society and Production in the Conditions of a New Technological Revolution // *Voprosy filosofii*. 2018. Iss. No 7. Pp. 109–118. (In Russ.).
4. *Bodrunov S. D.* Noonomy. M.: Kulturnaya revolutsiya. 2018. (In Russ.).
5. *Bodrunov S. D.* Noonomy: Ontological Theses // *Economic Revival of Russia*. 2019. Iss. No. 4 (62). Pp. 6–18. (In Russ.).
6. *Bodrunov S. D.* On the Question of Comparative Analysis of the Theories of Noonomy and Socialism // *Problems in Political Economy*. 2020. Iss. No. 3. Pp. 52–64. (In Russ.).
7. *Bodrunov S.D.* Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Socialization of Society, Solidarism. Collection of plenary reports of the Joint International Congress SPEC-PNO-2020. M.: INID. Vol. 1. Pp. 11–28. (In Russ.).
8. *Vernadsky V. I.* Ideas on the modern value of the history of knowledge. Paper read at the First meeting of the Commission on the History of Knowledge. Proceedings of the Commission on the History of Knowledge. L.: AN SSSR, 1927. (In Russ.).
9. *Vernadsky V. I.* On the fundamental material and energy difference between living and inert natural bodies of the biosphere / *Problems of biogeochemistry*. Iss. No. II. L.: AN SSSR, 1939. (In Russ.).
10. *Vernadsky V. I.* A Few Words about Noosphere // *Uspekhi sovremennoi biologii*. 1944. Vol. 18. Iss. No. 2. Pp. 113–120. (In Russ.).
11. *Vernadsky V. I.* Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. M.: Nauka. 1991. (In Russ.).
12. *Hegel G.* Lectures on the History of Philosophy (1833). Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. 1993. (In Russ.).
13. Eco-Debt Day in different years. <https://ecodolg.wwf.ru/den-ekodolga-v-raznye-gody/>. (In Russ.).
14. *Zudilina N. V.* Fundamentals of the Doctrine of the Noosphere. Publisher: N.V. Zudilina. 2020. (In Russ.).
15. Critical Minds for Critical Times: Media's role in advancing peaceful, just and inclusive societies. Concept Note. WORLD PRESS FREEDOM DAY, UNESCO, 2017. Pp. 11–12. https://en.unesco.org/sites/default/files/wpfd2017_concept_note_ru.pdf. (In Russ.).
16. *Menshutkin V. V., Levchenko V. F.* A Stochastic Cellular Automata-Based Model of Evolution of the Anthroposphere // *Biosfera*. 2017. Vol. 9. Iss. No. 4. Pp. 275–285. DOI: 10.24855/BIOSFERA.V9I4.401. (In Russ.).
17. *Murray J.* The Depths of the Ocean. Translated and edited by Professor N. G. Lignau. Odessa: Gosizdat Ukrainy. 1923. (In Russ.).
18. *Vernadsky V. I, Florensky P. A.* Correspondence. New world. 1989. Iss. No. 2. Pp. 194–203. (In Russ.).
19. *Umov N.A.* Physical and mechanical model of living matter / *Umov N.A.* Collected works. Vol. 3. M.: Moscow Society of Naturalists. 1916. Pp. 184–200. (In Russ.).
20. *Fersman A. E.* Geochemistry in 4 vol. Vol. 2. L.: ONTI. 1934. (In Russ.).
21. *Bergson A.* L'évolution créatrice. Paris, Felix Alcan, 1907.
22. *Bodrunov S.D., Galbraith James K.* New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study guide / Ed. by S.D. Bodrunov. Plekhanov Russian University of Economics: Moscow, Russia, 2017.

23. *Bourgeois L. Solidarité*. P.: Colin, 1896.
24. *Brandenburger A.M., Nalebuff B.J.* Co-opetition. New York: Doubleday, 1996.
25. *Dana J.D.* Manual of Geology: Treating of the Principles of the Science, with Special Reference to American Geological History. Philadelphia: Theodore Bliss & Co; London: Trübner&Co, 1863.
26. *Hamilton C. and Grinevald J.* (2015). Was the Anthropocene anticipated?// The Anthropocene Review. 2015. Vol. 2. Iss. 1. P. 59–72. DOI: 10.1177/2053019614567155.
27. *Humboldt A.* Ansichten der Natur / Alexander von Humboldt. Gesammelte Werke. Band 11. Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger/, 1889.
28. *Immerman G.* Emerging Industry 4.0 Technologies with Real-World Examples. Machinemetrics, Industry 4.0. September 17, 2020. <https://www.machinemetrics.com/blog/industry-4-0-technologies>.
29. Industry 4.0 and the fourth industrial revolution explained <https://www.i-scoop.eu/industry-4-0>.
30. Industry 4.0: 7 Real-World Examples of Digital Manufacturing in Action (2019). 28 March, 2019. Additive Manufacturing Execution System & Workflow Automation Software. <https://amfg.ai/2019/03/28/industry-4-0-7-real-world-examples-of-digital-manufacturing-in-action>.
31. *Lamarck J.-B.* Système analytique des connaissances positives de l'homme. Paris: Belin, 1820.
32. *Le Conte J.* (1877). On Critical Periods in the History of the Earth, and Their Relation to Evolution; on the Quaternary As Such a Period // American Naturalist 1877. Vol. 11. No. 9. P. 540–557.
33. *Leroux P.* De L'humanité de son Principe, et de son Avenir ou se Trouve Exposée, la Vraie Définition de la Religion et ou l'on Explique le Sens, la Suite, et L'enchaînement du Mosaisme et du Christianisme. T. 1. Paris: Perrotin, Éditeur-Libraire, 1840; Bourgeois L. Solidarité. P.: Colin, 1896.
34. *Le Roy E.* L'exigence Idéaliste et le Fait de L'Évolution. Paris: Boivin & Cie, 1927.
35. *Levit G.S.* The Biosphere and the Noosphere. Theories of V. I. Vernadsky and P. Teilhard de Chardin: A methodological essay// Archives Internationales d'Histoire des Sciences. 2000. Vol. 50. No. 144. P. 160–177.
36. Measuring Stakeholder Capitalism: Towards Common Metrics and Consistent Reporting of Sustainable Value Creation. 22 September, 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/measuring-stakeholder-capitalism-towards-common-metrics-and-consistent-reporting-of-sustainable-value-creation> accessed on 09.11.2020.
37. *Murray J.* The depths of the ocean. London: Macmillan, 1912.
38. *Perkins J.* The secret story of the American empire. NY, NY: Dutton, 2007.
39. *Podolinsky S.* 'Le Socialisme et l'unité des forces physiques'// La Revue Socialiste. 1880. Vol. 8. P. 353–365.
40. *Stoppani A.* The Anthropozoic Era: Excerpts from Corso di Geologia. Miliano: G. Ber-nardoni E. G. Brigola, Editori / Antonio Stoppani; Transl. by Valeria Federighi; Ed. By Valeria Federighi and Etienne Turpin // Scapegoat, 1873. http://www.scapegoatjournal.org/docs/05/SG_Excess_346-353_P_STOPPANI.pdf.
41. *Suess E.* Die Entstehung der Alpen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1875.
42. *Teilhard de Chardin Pierre* (1925). L'Hominisation. Introduction à une étude scientifique du Phénomène humain, in: Pierre Teilhard de Chardin Oeuvres, t. 3: La vision du passé. Paris: Du Seuil, 1957. Pp. 75–111.

43. Trubetskova I.L. From biosphere to noosphere: Vladimir Vernadsky's theoretical system as a conceptual framework for universal sustainability education. University of New Hampshire, Durham. Doctoral Dissertations. 612. 2010. <https://scholars.unh.edu/dissertation/612>.
44. Veile J.W., Kiel D., Müller J.M. and Voigt K.-I. Lessons learned from Industry 4.0 implementation in the German manufacturing industry // Journal of Manufacturing Technology Management. 2020. Vol. 31 No. 5. Pp. 977–997. <https://doi.org/10.1108/JMTM-08-2018-0270>. <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JMTM-08-2018-0270/full/html>.
45. Vernadsky W.I. La Géochimie, Paris, Librairie Félix Alcan, 1924.
46. Usselman S.W. Research and Development in the United States since 1900: An Interpretive History. //Economic History Workshop, Yale University. (November 11, 2013). https://economics.yale.edu/sites/default/files/usselman_paper.pdf.
47. Wyatt I. D., Hecker D. E. Occupational Changes during the 20th Century// Monthly Labor Review. 2006. Vol. 129. No. 3. Pp. 35–57.
48. Yang, F., Gu, S. (2021). Industry 4.0, a revolution that requires technology and national strategies. Complex & Intelligent Systems. 2021. Vol. 7. Pp. 1311–1325. <https://doi.org/10.1007/s40747-020-00267-9> <https://link.springer.com/article/10.1007/s40747-020-00267-9>.

Дата поступления рукописи: 07.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Bodrunov Sergey Dmitrievich – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director of the S.Yu. Witte Institute for New Industrial Development, Saint Petersburg, Russia
inir@inir.ru

NOONOMY AND NOOSPHERE: INTERRELATION AND DIFFERENCES OF CONCEPTS

A starting point for the development of the noonomy theory was the concept of the noosphere. However, originally this concept did not revealed issues concerning the conditions and laws of the formation of the planetary "mind realms", which this concept deals with. The development of the theory of noonomy helps to fill this gap. This theory gives a clue to realise what conditions material production puts the human mind forward to the role of a decisive factor in production, and at the same time – a decisive factor in the development of the shell of our planet. Such characteristics are gained by the mind not initially, but only at a certain stage of the development of production, when it becomes possible to abandon economic rationality and subordinate human activity to the criteria of reason and culture.

Keywords: *noosphere, noonomy, biosphere, technology, knowledge, creative activity, solidarity, reason, culture.*

JEL: A130, O100, O300, Q320.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.М. БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель Центра федеративных отношений и регионального
развития ФГБУН Институт экономики РАН

«ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ»: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье предпринята попытка проанализировать ряд основных положений принятого в ноябре 2021 г. документа «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования». Исходной посылкой его подготовки стало намерение восполнить те очевидные пробелы и неясности, изначально обозначившиеся в федеральном законе № 172 –ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Принятию «Основ государственной политики в сфере стратегического планирования» предшествовала большая работа целого ряда научных коллективов и экспертного сообщества в целом. Однако, как показано в статье, итоговый вариант этого документа существенно разошелся с предварительными наработками: он имеет не только расхождения с федеральным законом № 172-ФЗ, в т. ч. по ряду значимых позиций, но, главное, не формирует четких представлений о его целевой функции, о том, что конкретно он должен уточнить или чем дополнить практику стратегического планирования в стране.

Ключевые слова: «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования», стратегическое планирование, правовое регулирование, федеральный, региональный и муниципальной уровни стратегического планирования.

JEL: H79, O18, R11.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_32_49.

Введение

Длительный период (порядка 6–7 лет) разработки и общественно-экспертного обсуждения федерального закона о стратегическом планировании (далее – ФЗ № 172)¹ не смог обеспечить высокое качество этого нормативно-правового документа. В ходе работы над данным

---

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.

законом на стадии законопроекта неоднократно менялись представления о сфере его регулятивного действия, о содержании и соотношении отраслевой и пространственной компоненты стратегического планирования, о составе документов стратегического планирования на каждом уровне управления и пр. [1, с. 16–26; 6, с. 143–151; 13, с. 6–11]. Трудно решаемой задачей оказалась адекватная «федерализация» предложенной в законе модели стратегического планирования, т. е. ее выстраивание в виде сбалансированной вертикали, предполагающей согласованное участие федерального центра, субъектов Федерации и органов местного самоуправления [7, с. 17–28; 9, с. 229–249; 17, с. 145–149].

Эти и иные просчеты, допущенные в итоговой версии ФЗ №172, весьма негативно сказались на основанной на нем правоприменительной практике, которая складывалась и складывается весьма противоречиво. С одной стороны, есть формальные признаки того, что документальное оформление стратегического планирования на всех уровнях публичной власти идет очень активно и непосредственно воздействует на практику государственного и муниципального управления. С другой стороны, хорошо заметно, что регулирующее воздействие ФЗ № 172 на социально-экономическое развитие страны не имеет системного, всеохватывающего характера. Свидетельством этому может служить откровенно провальная ситуация с подготовкой и принятием «базовой» Стратегии социально-экономического развития страны, отсутствие четких указаний на механизмы согласования федеральных, региональных и муниципальных стратегий, отсутствие блока институционального стратегирования, «запуск» целого ряда институтов и инструментов долговременного управления, выходящих за рамки ФЗ № 172. Как отмечала Е.Б. Ленчук, «...через шесть лет после принятия ФЗ-172 так и не удалось сформировать взаимоувязанный пакет документов, определяющих перспективы развития страны на период до 2030 г. ...» [10, с. 26].

Кроме того, следует отметить еще два важных момента. Во-первых, ФЗ № 172 формально посвященный практике стратегического планирования в целом, в действительности затрагивает лишь ту сферу данного вида планирования, которая осуществляется публично-правовыми субъектами. Во-вторых, в законе идея стратегического планирования в известном смысле как бы «провисает в воздухе», т. к. закон ничего не говорит об общих принципах, методах и рамках планового управления в экономике преимущественно рыночного типа. Иначе говоря, закон как бы постулирует стратегическое планирование без планирования вообще или, иначе говоря, строит «дом без фундамента». В этом смысле обоснованно было ожидать, что существенный прогресс по всем названным направлениям будет достигнут в таком

документе, как «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования» (далее – «Основы...»)². Однако, как будет показано в статье, надежды на такую конструктивную роль данного документа в полной мере не оправдались.

Закон и «Основы...» в контексте практики стратегического планирования

В научной литературе было высказано немало гипотез, нацеленных на то, чтобы объяснить трудности и даже откровенные неудачи с реализацией практики стратегического планирования в экономике Российской Федерации. В их числе – и существенные претензии к содержанию ФЗ № 172 [15, с. 148–161; 18, с. 123–127]. Однако было бы неверно объяснять все эти трудности и неудачи только недостаточной проработанностью содержащихся в нем положений. Так, отсутствие до настоящего времени закрепленной в данном законе «базовой» стратегии социально-экономического развития Российской Федерации придает всей практике социально-экономического стратегирования черты слабой согласованности и даже явной фрагментарности. Однако этот факт не может быть объяснен только причинами правового характера и *требует обращения к различным факторам экономического, институционального, социально-политического и иного характера.*

С точки зрения восполнения действительно наличествующих просчетов и пробелов в ФЗ № 172 можно было действовать двумя путями. Первый – внести значительный блок изменений и дополнений в сам закон. Второй – разработать и принять особый документ, более подробно раскрывающий механизмы разработки и реализации основных документов стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; фиксирующий основные процедуры их взаимного согласования, а также их согласования с предпринимательским сообществом на базе различных форм государственно-частного и муниципально-частного партнерства.

С момента принятия ФЗ № 172 в него уже было внесено некоторое число изменений и дополнений. Они касались формирования схем территориального планирования субъектов Федерации; формирования и использования прогнозов социально-экономического развития, т. е. не затрагивали сущностных моментов практики стратегического планирования, ее основных институтов и инструментов, документаль-

---

² Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. Утверждены Указом Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 // <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-633-ot-8-nojabrja-2021-goda-08-11-2021.html>.

ного оформления и пр. Таким образом, принятие такого документа, как «Основы...» говорит о том, что для придания дополнительной «работоспособности» ФЗ № 172 была использована вторая из названных возможностей, а именно подготовка и принятие особого документа, сочетающего в себе некоторые регулятивные функции и функции методического обеспечения.

Следует отметить, что разработка и принятие документов, именуемых «основами», неоднократно имели место в российской практике правового регулирования различных направлений государственного и муниципального управления. Примером может служить такой действующий документ, принятый в 1999 г., как «Основные положения государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации»³. Еще один пример недавнего прошлого – «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»⁴.

При этом в каждом случае о конечном предназначении подобных документов можно только догадываться. «Основы...» по местному самоуправлению, скорее всего, должны были служить базой для целевого федерального закона, который тогда разрабатывался и окончательно был принят в 2003 г.⁵ Однако в итоге между «Основами...» и законом обнаружились существенные концептуальные расхождения, а многие положения этих Основ и спустя почти 20 лет остаются нереализованными [4, с. 5–14; 12, с. 4–8].

Что касается «Основ государственной политики регионального развития...», то этот документ (при отказе от принятия соответствующего федерального закона) можно было характеризовать как задел к разработке «Стратегии пространственного развития Российской Федерации»⁶. Однако анализ этой Стратегии показывает, что она лишь частично реализует основные положения «Основ государственной политики регионального развития...». Так, в данной Стратегии

---

³ Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24661.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». <http://ivo.garant.ru/#/document/71587690>.

⁵ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094.

были оставлены без внимания те важные положения этих «Основ...», которые касались совершенствования налогово-бюджетного процесса. Например, предложение о зачислении в бюджеты субъектов Российской Федерации и в местные бюджеты доли доходов от налогов и сборов, которые были дополнительно начислены в результате деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по наращиванию экономического и налогового потенциала территорий.

Содержание различных «Основ» все время оставляет чувство их логической незавершенности; формирует желание видеть далее что-то еще, позволяющее трактовать положения «Основ...» в достаточной степени конкретности⁷. Как будет отмечено ниже, «Основам...» по стратегическому планированию рассматриваемый упрек может быть адресован в наибольшей мере. Кроме того, анализ документов с титлом «Основы...» показывает, что им свойственна некоторая безадресность, отсутствие ясного указания на те органы законодательной или исполнительной власти, которым надлежит реализовывать те или иные положения этих Основ и, соответственно, нести ответственность, если эти положения в итоге остаются нереализованными. Все это характеризует разного рода «Основы...» как не очень надежный компас для разработки и реализации различных документов стратегического планирования.

С содержательной точки зрения специфика «Основ...» по стратегическому планированию как документа регулятивного и методического характера состоит в том, что на фоне ряда интересных новаций по сравнению с ФЗ №172 (утверждение института индикативного планирования; введение понятий циклов стратегического планирования и архитектуры его документов и пр.) практическая сторона этих новаций детального описания не получает, а значительная часть документа вообще представляет собой перефразировку положений закона.

Для четкого понимания того, как будут взаимодействовать два названных документа в сфере стратегического планирования, необходимо внести некоторые понятийные уточнения. Прежде всего это касается соотношения понятий «стратегическое планирование» и «государственная политика в сфере стратегического планирования». Важно также уточнить и то, что, собственно, относится к «основам» такой политики.

⁷ Так, к «Основам государственной политики регионального развития...» был принят особый «план реализации» (Распоряжение Правительства РФ от 5 июня 2017 г. № 1166-р «Об утверждении плана реализации Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г. Актуальная версия на декабрь 2020 г.: <https://docs.cntd.ru/document/436739078>).

Суть первого вопроса, казалось бы, проясняется наличием в рассматриваемых документах соответствующих определений. Так, ФЗ № 172 определяет стратегическое планирование как деятельность участников такого планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления. Согласно «Основам...», государственная политика в сфере стратегического планирования – это совокупность скоординированных мер, направленных на определение долгосрочных целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации с учетом ее национальных интересов. Эта политика включает в себя: выявление стратегических национальных приоритетов, путей и основных инструментов их достижения, прогнозирование рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности, а также совершенствование самой системы стратегического планирования.

На фоне этих определений грань между государственной политикой в сфере стратегического планирования и стратегическим планированием как таковым просматривается очень слабо. Важно также отметить, что ни один из названных документов не дает определения планирования в целом и, соответственно, не проводит содержательной грани между стратегическим планированием и иными вариантами (горизонтами) плановой деятельности государства.

По нашему мнению, более убедительным кажется определение, данное в ФЗ № 172. Напротив, определение, содержащееся в «Основах...», представляется весьма аморфным, по сути, лишь несколько более подробно представляющим то, что уже сформулировано в ФЗ № 172. Исключение составляет, пожалуй, лишь тезис о совершенствовании самой системы стратегического планирования. Как мы полагаем, понятие «государственная политика в сфере стратегического планирования» гораздо шире, чем само стратегическое планирование. Эту политику неправильно сводить к таким моментам, как «определение интересов, целей и приоритетов», «инструментов их достижения», «прогнозирование рисков» и пр., – все это есть задачи самого стратегического планирования, а не государственной политики в этой сфере. Что касается этой политики как таковой, то, по нашему мнению, ее основной смысл состоит в разностороннем обеспечении процесса стратегического планирования на всех уровнях управления (публичной власти). Это касается вопросов правового, методического, институционального, информационного и, конечно, экономического обеспечения формирования и реализации стратегий социально-экономического развития.

В этом смысле целесообразно обратиться к тому, как в «Основах...» трактуются именно основы этого вектора социально-экономической политики государства, и сравнить их с положениями ФЗ № 172. Здесь следует предположить, что эти «основы» в рассматриваемых «Основах...» включают в себя такие слагаемые, как цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере стратегического планирования, а также механизмы их реализации и мониторинга. При этом если в ФЗ № 172 имеется указание на задачи стратегического планирования (ст. 8), то в «Основах...» имеется «корреспондирующий» раздел II «Цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере стратегического планирования, в котором (п. 7) излагаются цели такой политики и отдельно – ее задачи, видимо, для того, чтобы избежать полного дублирования текстов двух нормативно-правовых документов.

В «Основах...» отдельным блоком выделены вопросы, касающиеся механизма реализации данного вектора социально-экономической политики государства. В ФЗ № 172 такого развернутого блока по «механизмам» нет, что подтверждает многократно сделанный экспертами вывод о том, что данный закон практически полностью игнорирует институционально-инструментальные основы стратегического планирования [2, с. 29–45]. Здесь лишь говорится о том, что Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации содержит «основные направления, мероприятия и механизмы реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации». «Основа...» принципы стратегического планирования не повторяют, но вводят раздел «Механизмы реализации государственной политики в сфере стратегического планирования», хотя собственно институционально-инструментальный аппарат этих «механизмов» данный раздел документа конкретно не раскрывает.

Однако, несмотря на такие ухищрения, полностью избежать дублирования и явного смешения понятий в «Основах...» все же не удалось, что еще раз подтверждает отсутствие у авторов документа четкой грани между стратегическим планированием как практикой плановой деятельности и государственной политикой в этой сфере. Так, в «Основах...» (п. 6 «а») отмечается, на совершенствование этой политики предполагает осуществление «координации стратегического управления и мер бюджетной политики». Это повторяет п. 1 ст. 8 ФЗ № 172, где говорится, что к числу задач стратегического планирования относится «координация государственного и муниципального стратегического управления и мер бюджетной политики». Далее, в «Основах...» (п. 12 «в») к механизмам реализации государственной политики в сфере стратегического планирования отнесено определение ресурсов «для достижения целей и реализации задач социально-экономической

ческого развития и обеспечения национальной безопасности...». Этот элемент «механизма» в «Основах...» является практически дословным повторением п. 6 ст. 8 ФЗ № 172, где в числе задач стратегического планирования значится такой момент, как определение ресурсов для достижения целей и решения задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Подобных более или менее явных повторов при сличении текста «Основ...» и ФЗ № 172 можно обнаружить немало. В этой связи закономерно возникает вопрос: а в чем, собственно, реальное продвижение «Основ...» в правовом и методическом обеспечении практики стратегического планирования и в чем конкретно их воздействие на систему государственного и муниципального управления?

Совершенствовать закон, а не дублировать и противоречить ему

Все сказанное выше свидетельствует о наличии известных сложностей с тем, как следует позиционировать «Основы...» в системе документов, регулирующих процесс стратегического планирования, и каким в этом смысле может быть их практическое влияние на стратегический сегмент государственного управления в целом.

Здесь сразу следует обратить внимание на три обстоятельства.

Во-первых, эксперты многократно указывали на то, что ФЗ № 172 на стадии законопроекта разрабатывался только в контексте государственного стратегического планирования. После того, как на заключительной стадии подготовки документа в него включили ряд положений относительно муниципального стратегирования, определение «государственное» из названия закона было снято. Однако «Основы...» снова приняли этого определение (по сути, ограничение). Действительно, за исключением ряда частных обращений, «Основы...» проблематику муниципального социально-экономического стратегирования не рассматривают. По нашему мнению, это совершенно неправомерно.

Это ограничение регулятивных рамок «Основ...» еще можно было бы понять, если бы в документе речь шла о плановой деятельности как таковой, которая на каждом уровне управления, действительно, характеризуется существенными особенностями. Но речь идет именно о принципиальных основах государственной политики в сфере стратегического планирования. Таковое для всех уровней управления (в т. ч. и муниципального) является объектом государственного регулирования. Названное выше ограничение представляется еще более неправомерным на фоне конституционных новаций 2020 г., которые инте-

грировали государственное и муниципальное управления в единый институт «публичной власти», целостно действующий и в системе стратегического планирования.

Во-вторых, следует иметь в виду то, что «Основы...» – это не закон, а подзаконный нормативно-правовой акт, и вносить какие-либо коррективы в ФЗ № 172 или как-то по-иному трактовать его ключевые положения «Основы...» юридически неправомерно. Не случайно, в ФЗ № 172 сказано, что данный закон устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями. В этом смысле при наличии каких-то разночтений между ФЗ № 172 (актуальная редакция 2020 г.) и «Основами...» органы государственного и муниципального управления по-прежнему должны руководствоваться именно законом, а не «Основами...». Сказанное в полной мере касается и регионального законодательства по стратегическому планированию.

Наконец, в-третьих, даже с учетом названных выше ограничений, понятие «руководствоваться» применительно к рассматриваемым «Основам...» можно принять лишь с существенными оговорками. Причина – уже названное выше ощущение логической незавершенности документа, отсутствие достаточной конкретности или законченности его положений, вызывающее еще к неким дополнительным комментариям и разъяснениям. Во многом это относится к таким уже названным документально-институциональным новациям «Основ...», как «архитектура документов стратегического планирования» и «циклы стратегического планирования». Заметим сразу, что в ФЗ № 172 упоминания такой «архитектуры» и подобных «циклов» вообще нет. Однако введение этих понятий в «Основы...» не является противоречием закону, т. к. идея внутренней согласованности документов, идея единой последовательности их разработки и реализации в полной мере отвечает тем принципам стратегического планирования, которые закреплены в ФЗ № 172.

Беда в том, что ряд важных новаций, которые можно было бы расценить как значимое дополнение к ФЗ № 172, в «Основах...» даются крайне схематично, отчего крайне сложно «привязать» их к действующим законодательным положениям и к реальной практике управления. Возьмем, например, тезис об индикативном планировании. Этот тезис нам представляется очень важным, поскольку в современных условиях и при различных обстоятельствах экономическая политика государства, в том числе и за рубежом, неизбежно строится на сочета-

нии (балансе) директивных и индикативных методов управления [5, с. 30–56; 16; с. 17–21; 20; с. 287–306; 21, с. 83–126].

«Основы...» не просто обращаются к институту индикативного планирования, но и закрепляют за ним едва ли не центральное место в стратегировании социально-экономического развития. В документе (п. 29) говорится: «Основными инструментами системы стратегического планирования являются индикативное планирование, предусматривающее формирование комплекса согласованных показателей, характеризующих состояние и цели социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, а также проведение балансовых расчетов и разработка на их основе мер для достижения поставленных целей и их ресурсной обеспеченности». В документе делается акцент на внедрении в практику государственного и муниципального управления современных методов прогнозирования, моделирования, индикативного планирования, балансовых расчетов и информационных технологий.

Однако в ФЗ № 172 ни об индикативном планировании, ни о балансовых расчетах ничего не говорится. Идея использования балансовых расчетов в принципе сомнения не вызывает: советская экономика строилась на тысячах балансовых расчетов (как материальных, так и финансовых балансов). Да и сегодня проект любого бюджета или крупного инвестиционного проекта, по сути, это тоже балансовый расчет. А вот с индикативным планированием ситуация намного сложнее. Документ не дает ответа на вопрос о соотношении стратегического и индикативного планирования. Является ли индикативное планирование сущностью стратегического планирования или только его сегментом, или одним из его инструментов? Если да, то не ясно, как следует разграничивать индикативные и иные (директивные?) сегменты (методы) стратегирования в действующей практике управления. «Основы...» на этот счет никаких четких разъяснений не дают, отчего все адресации документа к идее индикативного планирования просто теряют всякий практический смысл.

Во многом аналогичная ситуация складывается и вокруг идеи циклов стратегического планирования. В ФЗ № 172 эта идея также не обозначена. Напротив, в «Основах...» она получает широкое развитие как основа (последовательность) разработки, реализации и корректировки документов стратегического планирования. Так, в п. 5 документа указывается, что в рамках цикла стратегического планирования обеспечивается строгое соблюдение последовательности разработки и утверждения документов стратегического планирования. Но сразу же возникают вопросы: кем будет устанавливаться и контролироваться эта последовательность? на каких принципах она вообще будет формироваться?

Кроме того, идею названных циклов в «Основах...» можно понимать и как обеспечение единого временного горизонта документов стратегического планирования на всех уровнях управления. Было бы крайне важно, чтобы эти установки «Основ...» преодолели ситуацию, при которой документы стратегического планирования федерального и регионального уровня редко «проживают» весь отведенный им срок действия и часто тихо замещаются новыми подобными документами без подведения итогов сделанного ранее. Что касается стратегических документов регионального уровня, то, как часто о них говорят, их «циклы» определяются в основном сроками сменяемости высших должных лиц соответствующих субъектов Федерации.

Существенным преимуществом «Основ...» по сравнению с ФЗ № 172 выступает большое внимание к проблемам показателей, используемых в процессе стратегического планирования. В документе отмечается, что система показателей формируется в соответствии с архитектурой документов стратегического планирования и обеспечивает согласованность этих документов, разрабатываемых в рамках прогнозирования, целеполагания, планирования и программирования на федеральном уровне и на уровне субъекта Российской Федерации. Мы полагаем эту установку «Основ...» чрезвычайно важной, поскольку *система показателей для мониторинга и итоговой оценки остается одним из наиболее уязвимых мест нашей практики стратегического планирования*. Согласованность целевых показателей – по содержанию и по временному горизонту сама по себе выступает важным свидетельством системности и взаимной увязанности документов стратегического планирования всех уровней. Однако пока эта проблема далека от полного решения. Примером может служить откровенно убогий перечень показателей для оценки такого документа, как Стратегия пространственного развития Российской Федерации⁸ (Приложение к данной стратегии 5). Этих показателей всего 5. Они охватывают лишь малую долю тех целевых установок, которые содержатся в Стратегии пространственного развития и которые могут быть переведены в количественно измеримые индикаторы. Кроме того, эти показатели никак не согласуются с показателями иных документов стратегического планирования.

В качестве очевидной новации «Основы...» указывают на необходимость разработки документов стратегического планирования в соответствии с их архитектурой, которой «определяются характер подчиненности, очередность разработки и утверждения документов стратегического планирования исходя из их места в системе стратегического

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094.

планирования, периода (продолжительности) действия, а также этапа цикла стратегического планирования, в рамках которого разрабатывается документ». «Основы...» определяют данную архитектуру как иерархическую систему последовательно связанных документов стратегического планирования, обеспечивающую преемственность целей, сбалансированность по задачам и их ресурсному обеспечению.

Архитектуру документов стратегического планирования, как мы полагаем, можно трактовать «по горизонтали» и «по вертикали». В первом случае речь идет о согласованной по всем параметрам разработке, принятии и реализации документов стратегического планирования на одном уровне управления (например, на федеральном или региональном). Во втором случае речь идет о согласованной по всем параметрам процедуре разработки, принятия и реализации документов стратегического планирования по всей вертикали управления в рамках одного объекта такого планирования. Вопрос очень важный и имеющий глубокий практический смысл. Как уже было отмечено, ФЗ № 172 понятие «архитектуры» не использует, но сама идея согласованной по всем параметрам процедуры разработки, принятия и реализации документов стратегического планирования в нем, несомненно, присутствует. Отсюда возникает вопрос: а что, собственно, здесь добавляют «Основы...»? Ведь документ не раскрывает, кто и на какой методической базе будет эту «архитектуру» определять и в каком нормативно-правовом документе она будет фиксироваться.

Всех названных выше известных повторов и даже противоречий между ФЗ № 172 и «Основами...», конечно, было бы лучше избежать, но в целом они не имеют критического значения. В силу чрезвычайно общего характера постановок, даваемых в «Основах...», эти повторы и противоречия не могут слишком негативно повлиять на практику государственного управления. Однако есть случаи, когда противоречия между двумя названными нормативно-правовыми документами действительно приобретают значимый деконструктивный характер. Это вопрос о составе документов стратегического планирования.

В ФЗ № 172 система таких документов четко представлена. В «Основах...» она воспроизводится, но с известными модификациями, недопустимыми с точки зрения неправомерности попыток корректировать закон положениями подзаконного акта. Так, в числе документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания на федеральном уровне, закон указывает на 4 позиции: а) ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ; б) Стратегия социально-экономического развития РФ; в) стратегия национальной безопасности, а также другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ; г) стратегия научно-технологического развития РФ.

В целом, «Основы...» повторяют эти позиции, однако с одной «поправкой». Позиция «Стратегия социально-экономического развития РФ» здесь подменена такой крайне расплывчатой группировкой, как «документы стратегического планирования социально-экономического развития, определяющие национальные цели развития Российской Федерации, систему долгосрочных приоритетов и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития».

Такая подмена кажется нам необоснованной. Перечень данной категории документов стратегического характера, по терминологии правоведов, носит «закрытый» характер, и изменения в нее могут быть внесены только путем принятия иного закона. Так, в 2016 г. (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 277-ФЗ) в этом список была добавлена позиция относительно Стратегии научно-технологического развития РФ. Таким образом, проблема «Основ...» не только в том, что они безосновательно «выкидывают» из сферы государственного управления такой ключевой документ, как Стратегия социально-экономического развития РФ, но и в том, что они переводят «закрытый» характер названного выше перечня документов в «открытый». Другими словами, такая общая формулировка, как «документы стратегического планирования социально-экономического развития, определяющие национальные цели развития Российской Федерации, систему долгосрочных приоритетов и задач...», позволяет до бесконечности насыщать практику стратегического планирования все новыми и новыми документами, ключевые требования к которым четко не сформулированы, а достаточная взаимная согласованность может не просматриваться. Также не ясно, должны ли эти документы отвечать принципам стратегического планирования, установленным в ФЗ № 172. Нет полной убежденности в том, что эти документы вообще смогут сыграть роль полноценного субститута «базовой» стратегии, т. е. документа, для которого должно быть характерно не только общее целеполагание, но и четкое определение механизмов реализации этих целей, а также необходимых для этого экономических, информационных, институциональных и иных ресурсов.

Можно указать и на иные «вольности» «Основ...» по сравнению с ФЗ № 172. Так, в числе документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках прогнозирования на федеральном уровне на долгосрочный период, изъята такая позиция, как прогноз социально-экономического развития РФ на среднесрочный период. По непонятным причинам в «Основы...» не попал и такой важный документ, как федеральные схемы территориального планирования.

Заключение

В целом, мы полагаем, что рассматриваемые «Основы...» должны получить позитивную оценку, по крайней мере, за особое внимание к проблеме мониторинга и корректировки документов стратегического планирования [8, с. 61–75], к вопросам адекватного информационного и научно-методического обеспечения этой практики управления. Однако ряд позиций этого документа все же нуждаются в серьезном уточнении.

Так, документ не отвечает своему названию: по сути, это основы не государственной, а только федеральной политики в сфере стратегического планирования. Хотя эта политика на уровне субъектов Федерации также является государственной, но в документе она не раскрывается. «Основы...» должны четко позиционировать практику стратегического планирования в системе иных элементов планового управления, так или иначе используемых в экономике преимущественно рыночного типа (бюджетный процесс, система государственных закупок, различные виды государственно-частного партнерства и пр.).

Нуждаются в серьезной аргументации причины и последствия изъятия из блока федеральных документов стратегического планирования «базовой» Стратегии социально-экономического развития страны и ее замены некими иными документами.

Сюда же, несомненно, следует отнести и такую задачу, как указание на пути согласования стратегий социально-экономического развития с документами по национальной и экономической безопасности. В действующем ФЗ № 172 неоднократно говорится о ключевой роли стратегии национальной безопасности, как основы всех иных документов стратегического планирования, однако механизмы реализации этой «ключевой роли» конкретно не раскрываются, отчего не ясно: реализуется ли вообще эта роль или нет [3, с. 146–154]. Существенным недостатком «Основ...», по нашему мнению, является отсутствие указания на необходимость использования сценарного варианта плановых разработок, на необходимость априорной разработки моделей стратегического управления на случай чрезвычайных ситуаций экономике, типа разного рода пандемий [11, с. 62–68]. Аналогичным пробелом можно считать отсутствие в «Основах...» прямого указания на такой инструмент политики стратегического планирования, как государственно-частное партнерство [19, с. 27–32].

Логично предположить, что целый ряд положений «Основ...» целесообразно закрепить как изменения и дополнения к ФЗ № 172 в целях полной согласованности этих документов. Для обеспечения

конструктивного вклада в практику стратегического планирования «Основы...» (также как, например, Стратегия пространственного развития) должны быть дополнены Планом их реализации с перечнем необходимых нормативно-правовых и методических документов, раскрывающих конкретные стороны и процедуры воздействия «Основ...» на практику стратегического планирования в стране и ее регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афиногенов Д.А., Назаров В.П. О некоторых неотложных задачах по совершенствованию государственной политики в области стратегического планирования // *Власть*. 2020. Т. 28. № 2. С. 16–26.
2. Бухвальд Е.М. Стратегическое планирование в России: в тупике или на перепутье? // *ЭТАП: Экономическая теория. Анализ. Практика*. 2019. № 5. С. 29–45.
3. Бухвальд Е.М. Безопасность и целеполагание в системе стратегического планирования // *Экономическая наука современной России*. 2021. № 1 (92). С. 146–154.
4. Васильев В.И. Местное самоуправление: закон четвертый // *Журнал российского права*. 2004. № 1 (85). С. 5–14.
5. Вертакова Ю.В. Развитие системы индикативного и стратегического планирования при реализации государственной экономической политики на всех уровнях управления // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 4 (25). С. 30–56.
6. Глазунова И.В. Стратегическое планирование как метод административно-правового регулирования // *Вопросы устойчивого развития общества*. 2021. № 8. С. 143–151.
7. Домаков В.В., Матвеев В.В. Философские коллизии «стратегического планирования» и его правового обслуживания // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2020. № 2 (30). С. 17–28.
8. Емельянов А.С. Мониторинг и контроль в механизме стратегического планирования // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 8. С. 61–75.
9. Лаврентьев А.Р. О системе документов стратегического планирования в современной России. / В сб.: *Государство и право в изменяющемся мире: национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации*. Нижний Новгород. 2020. С. 229–249.
10. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // *Экономическое возрождение России* 2021. № 3 (69). С. 25–30.
11. Маркова Е.С., Кузнецов М.М. Оценка инструментов стратегического планирования в условиях пандемии // *Инновационная экономика и право*. 2021. № 1 (16). С. 62–68.
12. Мирошников С.Н. О реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // *Местное самоуправление в Российской Федерации*. 2007. № 3. С. 4–8.

13. Парфенов Д.А. Перспективы реализации системы стратегического планирования в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 4. С. 6–11.
14. Самыгин Д.Ю. Сущность и значение стратегического планирования в решении национальных задач // Финансовый бизнес. 2021. № 4 (214). С. 172–177.
15. Смирнова О.О. Контуры трансформации стратегического планирования в России: от документов к стратегическому управлению // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 2. С. 148–161.
16. Смирнова О.О. Стратегическое индикативное планирование: принципы и возможности применения // Инновации. 2020. № 6 (260). С. 17–21.
17. Суханова Д.Е. Стратегическое планирование в Российской Федерации: понятие, сущность и проблемы реализации. / В сб.: Развитие системы стратегического планирования в Российской Федерации. Орел: Среднерусский институт управления. 2020. С. 145–149.
18. Чмышенко Е.Г., Чмышенко Е.В. Современные проблемы стратегического планирования в российской экономике // Экономические науки. 2020. № 184. С. 123–127.
19. Щукина Т.В. Форма стратегического планирования российской экономики – государственно частное партнерство: к вопросу правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2021. № 153. С. 27–32.
20. Barker, T.S., Smith, H.W. Strategic planning: Evolution of a model // Innovative Higher Education. 1997. No. 21. Pp. 287–306.
21. Sutherland J.W. Structured Strategic Contingency Planning. In: Towards a Strategic Management and Decision Technology. Springer. Dordrecht. 1989. Pp. 83–126.

REFERENCES

1. Afinogenov D.A., Nazarov V.P. On some urgent tasks for the improvement of state policy in the field of strategic planning // Power. 2020. Vol. 28. No. 2. Pp. 16–26. (In Russ.).
2. Buchwald E.M. Strategic planning in Russia: at a dead end or at a crossroads? // STAGE: Economic Theory. Analysis. Practice. 2019. No. 5. Pp. 29–45.
3. Buchwald E.M. Security and goal-setting in the strategic planning system // Economic science of modern Russia. 2021. No. 1 (92). Pp. 146–154. (In Russ.).
4. Vasiliev V.I. Local self-government: the fourth law // Journal of Russian Law. 2004. No. 1 (85). Pp. 5–14. (In Russ.).
5. Vertakova Yu.V. Development of the system of indicative and strategic planning in the implementation of state economic policy at all levels of management // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2017. Vol. 7. No. 4 (25). Pp. 30–56. (In Russ.).
6. Glazunova I.V. Strategic planning as a method of administrative and legal regulation // Issues of sustainable development of society. 2021. No. 8. Pp. 143–151. (In Russ.).
7. Domakov V.V., Matveev V.V. Philosophical collisions of “strategic planning” and its legal service // National security and strategic planning. 2020. No. 2 (30). Pp. 17–28.
8. Emelyanov A.S. Monitoring and control in the mechanism of strategic planning // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 8. Pp. 61–75. (In Russ.).

9. *Laurentiev A.R.* About the system of strategic planning documents in modern Russia. In the collection: State and Law in a Changing World: national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation. Nizhniy Novgorod. 2020. Pp. 229–249. (In Russ.).
10. *Lenchuk E.B.* Strategic planning as a tool to accelerate the socio-economic development of Russia // Economic revival of Russia 2021. No. 3 (69). Pp. 25–30. (In Russ.).
11. *Markova E.S., Kuznetsov M.M.* Evaluation of strategic planning tools in a pandemic // Innovative Economics and Law. 2021. No. 1 (16). Pp. 62–68.
12. *Miroshnikov S.N.* On the implementation of the Federal Law “On general principles of the organization of Local Self-Government in the Russian Federation” // Local Self-government in the Russian Federation. 2007. No. 3. Pp. 4–8. (In Russ.).
13. *Parfenov D.A.* Prospects for the implementation of the strategic planning system in modern Russia // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. Vol. 11. No. 4. Pp. 6–11. (In Russ.).
14. *Samygin D.Yu.* The essence and importance of strategic planning in solving national problems // Financial business. 2021. No. 4 (214). Pp. 172–177. (In Russ.).
15. *Smirnova O.O.* Contours of transformation of strategic planning in Russia: from documents to strategic management // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 148–161. (In Russ.).
16. *Smirnova O.O.* Strategic indicative planning: principles and application possibilities // Innovation. 2020. No. 6 (260). Pp. 17–21. (In Russ.).
17. *Sukhanova D.E.* Strategic planning in the Russian Federation: concept, essence and problems of implementation. In the collection: Development of the strategic planning system in the Russian Federation. Orel: Central Russian Institute of Management. 2020. Pp. 145–149. (In Russ.).
18. *Chmyshenko E.G., Chmyshenko E.V.* Modern problems of strategic planning in the Russian economy // Economic sciences. 2020. No. 184. Pp. 123–127. (In Russ.).
19. *Shchukina T.V.* The form of strategic planning of the Russian economy – public-private partnership: on the issue of legal regulation // Issues of economics and law. 2021. No. 153. Pp. 27–32. (In Russ.).
20. *Barker, T.S., Smith, H.W.* Strategic planning: Evolution of a model // Innovative Higher Education. 1997. No. 21. Pp. 287–306.
21. *Sutherland J.W.* Structured Strategic Contingency Planning. In: Towards a Strategic Management and Decision Technology. Springer. Dordrecht. 1989. Pp. 83–126.

Дата поступления рукописи: 13.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Buchwald Evgeny Moiseevich – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
buchwald@mail.ru

INRESOLVED ISSUES OF “PUBLIC POLICY FRAMEWORK FOR STRATEGIC PLANNING”

The article analyses the main provisions of the “Public policy framework for strategic planning”. The premise of the document was the intention to fill in those obvious gaps and ambiguities of the Federal law No.172 on strategic planning in the Russian Federation. The adoption of the “Public policy framework for strategic planning” was preceded by extensive work by a number of scientific communities and the expert community as a whole. However, as it is shown in the article, the final version of the document significantly diverged from the preliminary developments. The final version of the “Public policy framework for strategic planning” is in conflict with Federal law No.172, including a number of significant provisions. The most important point is the document does not contain clear ideas on the target function of the law and concrete ideas to revise the practice of strategic planning in the country.

Keywords: *“Public policy framework for strategic planning”, strategic planning, legal regulation, federal, regional and municipal level of strategic planning.*

JEL: H79, O18, R11.

И.В. КАРАВАЕВА

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель сектора экономической безопасности
ФГБУН Институт экономики РАН

А.Г. КОЛОМИЕЦ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора
экономической безопасности ФГБУН Институт экономики РАН

Ю.В. БЫКОВСКАЯ

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора
экономической безопасности ФГБУН Институт экономики РАН

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В статье представлен комплексный анализ различных направлений зарубежных исследований экономической безопасности на макроуровне, включая методы обеспечения эффективной конкуренции, снижения рисков развития, возможности регулирования глобальных рисков и другие теоретические и практические проблемы данной тематики. Рассматриваются последствия влияния пандемии COVID-19 на проблемы и акценты научных исследований в области экономической безопасности. Отмечается, что в последние годы активно разрабатываются новые подходы к этим вопросам, в частности, связанные с изучением «социетальной безопасности». Особое внимание уделяется методам регулирования социальных аспектов экономической безопасности с использованием финансово-правовых механизмов.

Ключевые слова: стратегия, экономическая безопасность, пандемия COVID-19, здравоохранение, глобальные экономические риски.

JEL: D81, E60, F55, H51, L18, J60.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_50_67.

Для России проблематика экономической безопасности уже не один десяток лет имеет особую остроту и требует пристального внимания со стороны руководства нашей страны, органов исполнительной власти, общественных организаций, специалистов-практиков. Не меньшую актуальность исследования этих проблем имеют и для всех социальных наук. На сегодняшний день существует большое количество научных работ по экономической безопасности, результаты которых демонстрируют важность и многоаспектность этой проблематики. Однако события 2020 г., связанные с коронакризисом, заставляют по-новому подойти к вопросу обеспечения экономической безопасности, учитывая новые вызовы и угрозы как для всего мирового сообщества, так и для отдельных стран и регионов.

Сложившаяся ситуация повлекла за собой ухудшение экономической обстановки, усугубление социальной напряженности в обществе, резкое сокращение доходов и колоссальный рост расходов бюджетов различных уровней, ослабление, а в некоторых случаях сведение к минимуму, международных связей, спад объемов производства и международной торговли и другие негативные последствия. В связи с этими событиями уже сегодня важно переосмыслить и систематизировать существующие стратегии обеспечения экономической безопасности, сформировавшиеся и развивающиеся в зарубежной теории и практике в течение нескольких последних десятилетий. Это необходимо сделать для того, чтобы, опираясь на результаты научных исследований в этой области и практический опыт обеспечения экономической безопасности, наработанные международным сообществом за многие годы, а также принимая во внимание итоги разрешения социально-экономических проблем в ходе борьбы с пандемией, максимально точно и полно спрогнозировать развитие событий на перспективу и наиболее эффективно выстроить пути и планы обеспечения экономической безопасности на будущее.

Эффективная конкуренция как метод снижения рисков развития

Само понятие «экономическая безопасность» сформировалось в период глобального экономического кризиса 1930-х годов и было неразрывно связано с защитой государственного суверенитета стран, конкурентных позиций отраслей и корпораций от рисков стагнации, угроз коррупции и криминала. В 1934 г. Ф.Д. Рузвельт сформировал Федеральный комитет по экономической безопасности (далее – КЭБ), в который вошли министр труда Ф. Перкинс (Frances Perkins), министры юстиции, финансов, торговли и службы по чрезвычайной помощи. Задачи КЭБ включали восстановление конкурентных позиций национальной экономики, стимулирование развития ее приоритетных отраслей, восстановление и оздоровление деятельности корпораций. А во времена Великой депрессии тематика экономической безопасности, поиска эффективных средств антикризисной политики, разработки инструментария прогнозирования и упреждения экономических кризисов, а также создания необходимых институтов государственного регулирования стала одним из базовых элементов «Нового курса» Президента США Ф.Д. Рузвельта.

Теоретическое обоснование государственной поддержки и регулирования бизнеса в целях обеспечения безопасности национальной экономики нашло отражение в работах известных теоретиков предвоенного периода, исследующих явление «конкурентной стратегии»

практически на всех уровнях управления: Ф.Х. Найта, А. Пигу, Э. Чемберлина, Дж. Робинсон, Дж. М. Кейнса, Й. Шумпетера¹. В теоретических исследованиях этого периода значительное внимание было акцентировано на негативных и пагубных для экономики рисках и провалах монополизации производства – последствиях роста безработицы, искусственного завышения цен, сдерживания объемов производства и уровня оплаты труда, торможения экономического роста и научно-технического прогресса и методах их нивелирования.

В 1950–1960-е годы Америка осознала факт отставания от Советского Союза в освоении космоса, и в 1958 г. в США был принят «Закон об образовании в области национальной обороны» (National Defense Education Act) [13]. В 1970-е годы, в ходе противостояния двух социально-экономических систем, была окончательно признана необходимость активного воздействия на ситуацию в сфере экономической безопасности в конкурирующих государствах, осуществляемого с помощью различных инструментов.

В работах последних десятилетий XX в. проблемы обеспечения национальной экономической безопасности уже тесно связаны с такими областями экономической теории, как исследование национальной конкурентоспособности, теория экономического роста, теория человеческого капитала. Так, значительный вклад в исследование понятия «конкурентоспособный экономический рост» был сделан М. Портером, который разработал теорию конкурентных преимуществ и модель трех стадий конкурентоспособного экономического роста государств в соответствии с условиями их развития [14]. Именно М. Портером конкурентоспособный экономический рост отождествляется со способностью страны добиться конкурентных преимуществ в мировом экономическом сообществе на основе высоких и устойчивых темпов экономического роста, а также с ростом жизненных стандартов, благосостояния населения, обеспечения социально-политической стабильности.

Возникновение и использование понятия «социетальная безопасность» в зарубежных научных исследованиях

В новом столетии исследования европейских ученых, посвященные проблемам национальной безопасности, все более заметно объединяют экономический и социальный аспекты. Широкое применение в теоретических трудах западных ученых сегодня получило понятие «социетальная безопасность» (societal security), которое было введено

¹ См. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12] .

в научный оборот в 1980–1990-х годах представителями копенгагенской школы Барри Бузеном (B. Busen) и Оле Ваэвером (Waever.)

В книге «Люди, государства и страх», впервые опубликованной в 1983 г., Б. Бузен определил «социетальную безопасность» (societal security) как «способность общества сохранять свою сущность в изменяющихся условиях и при возможных или явных угрозах». Бузен утверждает, что в современных условиях экономическая безопасность государства не сводится исключительно к проблемам конкурентоспособности, замедления экономического роста и снижения уровня благосостояния населения, – она распространяется на новые объекты в политической, экологической и общественной сферах, активно влияющих на развитие национальной экономики. В качестве основных угроз социетальной направленности для европейских стран им рассматриваются процессы миграции и взаимосвязанные с ней явления модификации структуры общества, распространение болезней, расширение влияния организованной преступности в сфере экономики [15].

Французский исследователь – представитель парижской школы Д. Биго (Bigo D.) считает, что работы Бузена расширили предметную направленность исследований в области безопасности и объединили экономический аспект исследований с необходимостью оценки рисков и степени их воздействия на экологическую, психологическую, демографическую ситуации в обществе. Объекты социетальной безопасности структурируются как международные, национальные, региональные, местные, или иначе как общество, нация, сообщество, группа, личность и т. д. Д. Биго исследует вопросы взаимосвязи новых экономических и социальных конфликтов и безопасности (внешней и внутренней). В работе «Очертания политики безопасности», в частности, он отмечает, что понятие «безопасность» должно включать в свою концепцию человека как субъект права и объединять этику и ответственность (вместо цинизма и суверенитета) в европейском и глобальном масштабах [16].

Ваэвер (Waever), исходя из основополагающих принципов концепции Бузена, разработал свою концепцию социетальной безопасности. Взяв за основу разработанные им категории, он разделил их на две группы: национальная безопасность и безопасность общества. По его словам, первое касается суверенитета и выживания режима, а второе касается идентичности и выживания общества. Сконцентрировав внимание на социальной стороне проблемы, он предложил дополнить исследование государства как такового и национального хозяйственного комплекса в качестве объектов безопасности и поднять последнее до статуса равноценного независимого объекта.

Представляя социетальную безопасность как «способность общества сохранять свои основные характеристики перед лицом меняющихся условий и перед лицом вероятных или реальных угроз»,

О. Ваэвер утверждает, что это связано с сохранением обществом своей идентичности. По его мнению, «общество затрагивает понятие идентичности, идею о том, что группы и индивиды формируют себя как члены сообществ, которые позволяют им идентифицировать себя». Тогда, с точки зрения Ваэвера, современные проблемы безопасности будут сосредоточены на сохранении идентичности и защите социально-культурных ценностей. Взгляды Ваэвера подробно рассмотрены в обобщающей работе Кейхана (Ceuhan) [17].

В то же время за рубежом продолжают активно разрабатываться и традиционные подходы в исследовании различных аспектов экономической безопасности на макроуровне с акцентом на ее социальных составляющих и диффузии национальных экономик. В качестве примера можно привести работы Майкла Портера, Майкла Роберта Кремера [14], Абхиджит Банерджи и Эстер Дюфло [18], в которых исследование различных аспектов эффективной конкуренции проводится с учетом необходимости снижения рисков развития явлений глобальной бедности.

Исследование возможностей финансовализации глобальных рисков

Необходимость изменения подходов к исследованию экономической и социальной проблематики безопасности на макроуровне констатировал в первой половине 1990-х годов немецкий исследователь Ульрих Бек. В современном мире, писал Бек, само понятие «бедствие» утрачивает границы во времени и пространстве и тем самым смысл. Оно становится событием, имеющим начало и не имеющим конца, проявляется как результат накладывающихся друг на друга волн разрушения. Атомные, химические, генетические и экологические мегаугрозы разрушают опоры исчисления рисков: возникает ущерб, часто непоправимый, предупредить который в полном объеме меры предосторожности не способны. Современное общество все больше сталкивается как с рисками, так и с неопределенными угрозами, которые характеризуются невозможностью локализации, невозможностью исчисления, невозможностью компенсации ущерба [19].

Опираясь на работы Бека и других исследователей, правомерно сделать вывод, что в современных условиях экономическая и социальная безопасность являются результатом способности общества, и в первую очередь способности его управляющих звеньев, своевременно обнаруживать угрозы и риски, идентифицировать их, оценивать, контролировать. Только на этой основе общество получает возможности, инструменты и способы противодействия неопределенным угрозам, инструменты управления поддающимися измерению и страхованию рисками, возможности блокировать деструктивные процессы и кон-

центрировать ресурсы на приоритетных направлениях, обеспечивающих экономическую и социальную безопасность.

При этом глобальные тенденции «финансиализации» экономических и социальных отношений, с одной стороны, расширяют спектр возможностей по регулированию финансовых потоков и управлению экономическими и социальными процессами с помощью инструментов финансового регулирования, а, с другой – увеличивают неопределенность и риски, прямо связанные с монетарной и фискальной политикой, с устойчивостью платежных систем, банковской системы и бюджетных отношений. Одновременно с расширением использования традиционных инструментов и методов бюджетирования и кредитования развиваются инновационные инструменты и системы, возникающие за пределами традиционных финансов, включающие краудфандинг, альтернативную кредитную и инвестиционную аналитику, альтернативные платежные системы, криптовалюты, технологию распределенного реестра (блокчейн), а также соответствующие нововведения в области регулирования.

Важнейшей целью финансового регулирования в этих условиях становится парирование угроз экономической и социальной безопасности, которое предполагает в первую очередь активное противодействие и активные меры по обеспечению безопасности, направленные на изменение характеристик самих угроз, а также уязвимых элементов социальных и экономических структур с целью повышения устойчивости последних.

Одним из ключевых условий снижения уязвимости общественных структур является обеспеченность их функционирования необходимыми финансовыми ресурсами за счет как бюджетных, так и внебюджетных источников. В первую очередь эта констатация относится к таким базовым для современного общества системам, как государственное управление, оборона, здравоохранение, образование, культура (за исключением масс-медиа и поп-культуры), которые в значительной степени зависят от «внешних» источников финансирования. Возможности «самообеспечения» этих систем финансовыми ресурсами объективно ограничены, и попытки расширения этих возможностей за пределы объективных границ, как показывает опыт, могут иметь деструктивные последствия для общества.

Существенно актуализировались в последние годы угрозы здоровью и благополучию сотен миллионов людей, которые включают увеличение подверженности инфекционным заболеваниям, нехватку воды, нехватку продовольствия, стихийные бедствия и миграцию населения [20]. Эти угрозы требуют разработки целого комплекса мер по их парированию – финансовых и организационных, как в экономической, так и в социальной сферах.

Сложившаяся в результате пандемии COVID-19 ситуация и связанное с ней усугубление социальных проблем практически во всех странах мира не могли не оказать негативного воздействия на экономическую безопасность. Вопросы использования бюджетных средств и финансирования расходов бюджетов получили приоритетное значение с точки зрения обеспечения экономической безопасности. В рамках борьбы с коронавирусной инфекцией колоссальные объемы бюджетных ресурсов многих стран мира были направлены на борьбу с пандемией, в том числе на закупку средств индивидуальной защиты, медицинских препаратов, специального медицинского оборудования, на переоснащение больниц, увеличение коечного фонда, выплату заработной платы и надбавок врачам, среднему и младшему медицинскому персоналу, занятому лечением граждан, заразившихся COVID-19. Также большие объемы бюджетных ресурсов были выделены государствами на предоставление социальной помощи различным категориям граждан и организаций. По ряду направлений деятельности компаний и предприятий были введены налоговые каникулы и льготы. Льготы также были предоставлены различным наиболее уязвимым категориям граждан. Все это в конечном счете существенным образом сказалось на объемах бюджетных доходов.

Если рассматривать бюджетную сферу большинства государств, то можно отметить, что здесь возникли серьезные проблемы, в первую очередь касающиеся:

- резкого сокращения доходной части бюджетов;
- необходимости дополнительного и неотложного финансирования деятельности, направленной на борьбу с пандемией;
- необходимости перераспределения бюджетного финансирования и направления большого количества бюджетных ресурсов на социальную поддержку граждан и ряда категорий организаций.

Однако на сегодняшний день проблемы в бюджетной сфере многих государства не исчерпаны. Руководству стран предстоит сделать еще очень много для того, чтобы восстановить экономику и вернуться на путь устойчивого и эффективного развития. Как отмечается в докладах и исследованиях международных организаций и экспертов, на сегодняшний день бюджеты различных государств должны формироваться на среднесрочную перспективу с учетом²:

- условий беспрецедентной неопределенности развития экономики государств и мировой экономики после масштабного «бюд-

² Budgeting in a Crisis: Guidance for Preparing the 2021 Budget. June 29, 2020. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/covid19-special-notes/en-special-series-on-covid-19-budgeting-in-a-crisis-guidance-on-preparing-the-2021-budget.ashx>

- жетного шока» 2020 г. и слабо прогнозируемого развития ситуации с COVID-19;
- понимания необходимости ориентации на сохранение среднесрочного бюджетного планирования;
  - готовности к более крупным, чем обычно, перераспределениям бюджетных средств на основе вертикальной и горизонтальной интеграции в ближайшей перспективе;
  - наличия огромных ограничений в обеспечении потребностей в бюджетных ресурсах и возможностях бюджетного финансирования различных направлений государственной деятельности;
  - четкого обоснования возможных бюджетных рисков;
  - необходимости разработки более мягких и гибких бюджетных планов, внедрение которых, с одной стороны, является нужным и важным, с другой стороны, при неверном планировании, может подорвать доверие к экономике и увеличить издержки, связанные с бюджетным финансированием отдельных направлений и сфер деятельности того или иного государства;
  - планирования более частого внесения изменений в макро бюджетную политику;
  - более четкого определения приоритетных областей и направлений расходования бюджетного финансирования;
  - расширения способов применения механизмов обеспечения гибкости бюджета в течение года;
  - резервирования в большем объеме «экстренных расходов» на случай возникновения непредвиденных обстоятельств;
  - всесторонней оценки бюджетных возможностей для дальнейшего осуществления первоочередных расходов, связанных с кризисом, с ликвидацией последствий воздействия коронавируса и принятием мер по восстановлению экономики;
  - усиления прозрачности бюджетных расходов;
  - пересмотра ряда существующих целей налогово-бюджетной политики и временной приостановки действия ряда бюджетных правил;
  - более частого изменения бюджетных прогнозов;
  - более частого информирования заинтересованных министерств и ведомств о первоочередных расходах и необходимом перераспределении бюджетных средств;
  - заморозки отдельных видов бюджетных ассигнований на среднесрочную перспективу;
  - более тщательного мониторинга и контроля в ходе исполнения бюджета;
  - укрепления доверия граждан к бюджетной, экономической и социальной стратегии государства.

Проблемные аспекты регулирования экономической безопасности в условиях пандемии

Пандемия COVID-19 стала своего рода «спусковым механизмом», который перевел часть неопределенных угроз, в данном случае эпидемических, из числа потенциальных в разряд актуальных и существенных, которые способны поставить общество в целом на грань экономических и социальных катастроф. В настоящее время широкое распространение получило мнение, что «идеальный шторм 2020 года только начал разворачиваться и продлится много лет» [21, с. 75].

Пандемия обнажила системные проблемы здравоохранения развитых и развивающихся стран, поставив под вопрос эффективность социальных и финансовых институций, обеспечивающих дееспособность здравоохранения. Прежде всего, это система медицинского и социального страхования. Рост частных и особенно бюджетных расходов на здравоохранение стал проблемой, которую правительства многих стран пытались решить в последние десятилетия как правило на основе расширения медицинского страхования и усиления контроля использования медицинских услуг, предоставляемых бесплатно. В развитых странах эти попытки подкреплялись убеждением, что «почти все страны ОЭСР достигли всеобщего охвата рисков для здоровья» [22, с.18].

Однако «побочным эффектом» действий в этих направлениях стало то, что подразделения системы здравоохранения, прежде всего службы и подразделения первой помощи и первичной диагностики, ориентированные на бесплатную помощь всем нуждающимся, зачастую оказывались в роли аутсайдеров при получении финансирования. В целом рынок услуг здравоохранения, в том числе сегмент первичной помощи и первичной диагностики, развивался в значительной степени в соответствии с классической моделью рынка. Такая модель имела значительное число влиятельных лоббистов, в первую очередь компаний-посредников, концентрирующих финансовые потоки между участниками системы страхования. Между тем данная модель основана на неявном допущении об отсутствии (минимуме) отрицательных экстерналий, связанных с исключением неконкурентоспособных (недостаточно платежеспособных) потребителей.

Пандемия заставила, образно говоря, оплачивать все эти отрицательные экстерналии и показала, что их реальная «цена» не поддается исчислению. Не случайно эпицентрами пандемии оказались мегалополисы и агломерации – Нью-Йорк, Лондон, Париж, Мадрид, Рим и другие, где имеет место комбинация высокой плотности населения, плохой экологии, высокой доли социально уязвимых групп насе-

ния, включая большое количество полулегальных мигрантов. Такие факторы, как высокая доля пожилых людей, урбанизация, распространность ожирения и загрязнение воздуха, увеличивают вероятность роста числа заболевших и/или уровень их смертности [23]. Бедные и пожилые люди, а также мигранты, оказались не только наиболее уязвимыми группами, которые не могли получить медицинскую помощь, в том числе по причине недостаточной платежеспособности, но и очагами распространения пандемической инфекции, поражающей представителей всех социальных групп, независимо от уровня дохода. Именно эти социальные проблемы стали одной из главных причин того, что США, где проживает 4,2% населения мира, в 2020–2021 гг. оказались среди лидеров по количеству зараженных и количеству жертв пандемии³.

Опыт борьбы с пандемией показал также, что в развивающихся странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где были сделаны практические шаги по реализации обязательств, принятых в соответствии с декларацией «Всеобщего охвата услугами здравоохранения», удалось ощутимо смягчить влияние пандемии на здоровье населения и экономику⁴. Пандемия со всей очевидностью продемонстрировала необходимость расширения такой социальной институции, как равный и бесплатный доступ всего населения, проживающего на данной территории (независимо от полноты гражданских прав и доходов различных социальных групп), к первой медицинской помощи.

В условиях пандемии сформировался и ключевой вопрос обеспечения первой экстренной медицинской помощи: какими должны быть основные финансовые источники равного доступа населения к первой медицинской помощи и в дальнейшем достижения стратегических целей, предусмотренных концепцией всеобщего охвата услугами здравоохранения⁵? Кто и как должен оплачивать бесплатные медицинские услуги и стоимость резервов медицинского оборудования и фармацевтических

---

³ Worldometer. Covid-19 Coronavirus Pandemic. <https://www.worldometers.info/coronavirus> (дата обращения: 18.06.2021).

⁴ Asian Development Bank (2020). How countries in Asia and the Pacific are working toward universal health coverage and controlling COVID-19. Article 15 September 2020. <https://www.adb.org/news/features/how-countries-asia-and-pacific-are-working-toward-universal-health-coverage> (дата обращения: 18.06.2021).

⁵ 23 сентября 2019 г. мировые лидеры приняли Политическую декларацию совещания Организации Объединенных Наций высокого уровня о всеобщем охвате услугами здравоохранения (ВОУЗ), которая представляет собой наиболее полный набор обязательств в отношении сферы здравоохранения, принятый на таком уровне. <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2019-who-welcomes-landmark-un-declaration-on-universal-health-coverage> (дата обращения: 18.06.2021).

средств? Здравый смысл подсказывает – тот, кто получает прибыль, должен оплачивать издержки, связанные с извлечением прибыли, не перекладывая их прямо или косвенно на других налогоплательщиков. Соответственно, источниками для этих целей должны стать:

– во-первых, дополнительные целевые отчисления из доходов страховых фондов. Такие отчисления оправданы, поскольку снижение эпидемических рисков напрямую снижает возможные страховые выплаты;

– во-вторых, бенефициары, которые напрямую используют для получения прибыли уязвимость различных социальных групп, и (косвенно) общественные услуги, которые уменьшают пагубные последствия этой уязвимости, должны нести бремя соответствующих издержек общества. Экономическая теория называет таких бенефициаров «безбилетниками». Например, «безбилетниками» являются менеджеры и предприниматели, которые используют мигрантов в качестве дешевой рабочей силы, чтобы не платить заработную плату, соответствующую условиям рынка, уклоняться от налогов, платежей в пенсионные фонды и т. д. Работники же (независимо от их гражданства), которые исключены полностью или частично из систем социального страхования и здравоохранения, не могут в такого рода случаях рассматриваться как «безбилетники». Напротив, повышение социальной защищенности таких работников увеличивает способность общества парировать пандемические и аналогичные угрозы. Поэтому дополнительные расходы для обеспечения равного и бесплатного доступа к первой медицинской помощи должны финансироваться за счет доходов, возникающих в результате повышения прозрачности транзакций, в частности прозрачности потенциальных транзакций «безбилетников» с рабочими, служащими и другими лицами, принадлежащими к уязвимым социальным группам;

– в-третьих, перспективным направлением мобилизации финансовых ресурсов для отражения угроз, масштабы которых невозможно определить ex-ante, является банковское кредитование инвестиционных проектов в развитие инфраструктуры здравоохранения, экологически нейтральной утилизации отходов и защиты окружающей среды, осуществляемое под государственные гарантии.

Эксперты ООН подчеркивают, что в период пандемии имеющиеся социальные проблемы усугубились, а меры, принятые для их сдерживания, вызвали беспрецедентные нарушения в жизни людей, в экономиках различных стран мира и на рынках труда. Кризис высветил массу новых проблем в обеспечении жизнедеятельности населения, которые выразились в отсутствии у многих людей возможности удаленно работать с использованием сети Интернет, в ограниченном доступе к онлайн обучению, а также к медицин-

скому обслуживанию, при отсутствии адекватных мер социальной поддержки. Он показал уязвимость здоровья человека, высокий уровень неопределенности и рисков для жизни многих людей, неустойчивость их финансового и социального положения. Многие люди из групп с низкими и средними доходами не обладают финансовыми ресурсами, чтобы выдержать потрясения, связанные с пандемией. Это особенно проявляется в условиях отсутствия гарантий занятости, в том числе в неформальной экономике, и доступа к социальной защите, включая страхование по безработице. При этом данная ситуация характерна для абсолютного большинства государств, а не только для развивающихся стран.

Более того, как отмечают эксперты ООН, кризис, вызванный пандемией Covid-19, возник на фоне ускоряющегося процесса технологических изменений, которые на протяжении ряда последних лет приводят к глубоким трансформациям во многих отраслях экономики, и, соответственно, отражаются на многих аспектах жизни граждан. Опыт решения проблем с обеспечением бесперебойной работы организаций и предприятий по время активной борьбы с пандемией в 2020 г. за счет перевода сотрудников на работу в удаленном режиме с использованием новых информационно-коммуникационных технологий усилил опасения граждан, что роботы и искусственный интеллект в ближайшей перспективе заменят их на рабочих местах и будут выполнять те задачи, которые раньше могли выполнить только люди⁶.

Исследования, проведенные Национальным институтом охраны труда и здоровья (NIOSH), подтвердили, что в период коронакризиса граждане США всерьез были обеспокоены временной или постоянной потерей рабочих мест и связанной с этой ситуацией потерей доходов и доступа к социальным льготам и программам. Миллионы людей во время распространения коронавируса и введения органами власти ограничительных и запретительных мер, не надеясь на положительный исход ситуации, подали заявление на получение пособия по безработице. Некоторые из тех, кто не лишился рабочего места, всерьез задумались о том, что они могут потерять работу из-за того, что предприятия, на которых они работали, сильно пострадали от пандемии. Опасения были также связаны с тем, что из-за потери работы гражданам придется полностью оплачивать стоимость медицинского страхования, которое ранее спонсировалось работодателем, а, учитывая тяжесть заболевания коронавирусом, они без него обойтись не смогут. Ряд граждан переживали из-за отсутствия возможности тратить

---

⁶ Официальный сайт ООН. <https://www.un.org/development/desa/dspd/2021/01/a-new-global-deal-must-promote-economic-security>.

денежные средства во время пандемии в связи с низкими заработками и отсутствием финансовых накоплений, прежде всего на приобретение продуктов питания и другие товары первой необходимости. Многие граждане, которые в период пандемии не лишились рабочего места, из-за отсутствия средств телекоммуникационной связи и возможности их приобрести в кратчайшие сроки, не могли работать удаленно. У этой категории граждан обеспокоенность вызывала не только ситуация с возможной потерей работы и доходов, но также то, что многим из них приходилось работать в обычном режиме, что было связано большей подверженностью заражению инфекцией⁷.

Исследователи NIOSH также отмечают, что связанные с пандемией множественные изменения в социальной сфере, влияющие на экономическую безопасность работников, стали происходить одновременно, быстро, по разным направлениям и в глобальном масштабе, что способствовало снижению уровня экономической безопасности в социальной сфере. Однако в связи с тем, что экономическая безопасность является определяющим фактором благополучия работников, независимо от общих экономических условий, то, как утверждают эксперты NIOSH, текущая пандемия дает возможность разрабатывать различные стратегии как на политическом, экономическом, так и на организационном уровнях, которые позволят улучшить состояние экономической безопасности и повысить ее уровень.

В научных работах появились новые взгляды на модификацию внешних глобальных угроз экономической безопасности, обусловленных созданием в мировой экономике новых сфер влияния [24]. К ним западные исследователи относят активно изучаемые различные аспекты формирования новых центров мирового лидерства, в частности противостояние США и Китая, которое существенно активизировалось, стало более открытым, оказывает очевидное влияние на существующий миропорядок и затрагивает интересы многих стран. В контексте данных направлений исследований необходимо также упомянуть о стремительно развивающейся киберпреступности, распространение которой зарубежные политики и ученые также связывают с изменением структуры мирового лидерства. Киберпреступность на фоне распространения пандемии и действия запретительных мер стала не только усугубляться, но и приобретать колоссальные масштабы и новые формы. При этом изучение киберпреступности в качестве одного из глобальных рисков национальной безопасности приобретает не только экономический, но и социальный, этический, и политологический характер.

---

⁷ Официальный сайт Национального института по охране труда и здоровья США (NIOSH). <https://blogs.cdc.gov/niosh-science-blog/2020/06/22/economic-security-covid-19>.

* * *

В целом, как видим, направления исследований в сфере экономической безопасности на национальном и региональном уровнях в западной научной литературе весьма разнообразны и одновременно разнонаправлены, если не сказать, фрагментарны. Укрупненно их можно охарактеризовать как направления:

- исследования рисков ограничения экономического роста;
- исследования рисков потери социетальной идентичности на уровне регионов, государств и территориально-государственных образований;
- исследования рисков снижения потенциальной эффективности административно-управленческих и финансовых регуляторов экономических и социальных процессов на глобальном и национальном уровнях;
- исследование рисков глобальной бедности и угроз жизни и здоровью населения во взаимосвязи со структурными и качественными изменениями человеческого капитала.

Как показывает зарубежный опыт последних лет, пандемия, разразившаяся в 2020 г. во всем мире, оказала воздействие на проблематику, акцентность и ракурс проводимых исследований в области экономической безопасности, в первую очередь работ, которые посвящены социальным аспектам экономической безопасности, использованию финансовых, бюджетных, правовых механизмов обеспечения экономической безопасности. В данной области вскрылись новые острые вопросы, характерные не только для отдельно взятого государства, но практически для всех стран мира.

Коронакризис породил и *новое глобальное противоречие* между обеспечением безопасности жизни основных масс населения, требующего резкого ограничения производственных и потребительских контактов между участниками рынка, с одной стороны, и необходимостью обеспечения непрерывного, устойчивого, эффективного развития производственных и потребительских контактов, без которых невозможны рост и развитие экономики, – с другой стороны. Обратной стороной этого противоречия явился и социально-гуманитарный кризис, за горизонтами которого просматривается более глубокий цивилизационный кризис.

В период пандемии активизировался процесс возрастания значения социальных интересов общества по отношению к сохранению экономической устойчивости и обеспечению экономического роста. В условиях эпидемиологического кризиса повсеместно происходило активное перераспределение значительного объема производственных, финансовых, управленческих и иных ресурсов с экономических на социальные цели. Впервые практически всеми странами социальный фактор воспринимается не как некое дополнение к обеспечению

национальной экономической безопасности, а как ее полноценная приоритетная составляющая.

Сегодня все чаще ставится вопрос о том, что те стратегии и концепции по обеспечению экономической безопасности в социальной и бюджетной сферах, в сфере противодействия преступности экономической направленности, которые действовали ранее, либо стали неэффективны, либо не могут полноценно работать в новых условиях пандемического кризиса. В настоящее время нужны новые мероприятия политического, экономического, управленческого, административного, организационного характера, которые должны реализовываться системно и комплексно, в том числе в глобальном масштабе, для того чтобы не допустить ситуации, когда многие сферы деятельности оказались не готовы к подобного рода стремительным и неуправляемым потрясениям. Необходимы меры, направленные не только на ликвидацию последствий возникающих ситуаций, но работающие на опережение. Это должны быть согласованные, взаимосвязанные действия государств, основанные на международных отношениях и международном сотрудничестве. И ситуация с беспрецедентным и стремительным распространением коронавируса, и те решения, которые принимались правительствами разных стран в срочном порядке, должны, во-первых, многому научить всех заинтересованных лиц, в том числе научное сообщество, а во-вторых, при систематизации и анализе слабых и сильных сторон этих решений, использоваться в разработке перспективных методов государственного регулирования экономической безопасности на различных уровнях управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль (*Risk, Uncertainty and Profit*, 1921) / Перевод с англ. М.Я. Каждан. М.: АНХ при Правительстве РФ, изд. «Дело», 2003.
2. Пигу А. Колебания промышленной активности (*The Industrial Fluctuations*, 1929).
3. Пигу А. Теория безработицы (*The Theory of Unemployment*, 1933).
4. Пигу А. Экономика стационарных состояний (*The Economics of Stationary States*, 1935).
5. Пигу А. Занятость и равновесие (*The Employment and Equilibrium*, 1949).
6. Робинсон Дж. Экономика несовершенной конкуренции, 1933.
7. Робинсон Дж. Теорема Эйлера и проблема распределения // Вехи экономического мысли. Том 3. Рынки факторов производства / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000.
8. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег (*The General Theory of Employment, Interest and Money*, 1936); Keynes, John M. *The General Theory of Employment, Interest and Money* // *The Collected Writings of John Maynard Keynes*. Cambridge University Press, 2012.
9. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции (реориентация теории стоимости) (*Theory of Monopolistic Competition*, 1933) / Пер. с англ. Э.Г. Лейкина, Л.Я. Розовского / под ред. Ю. Я. Ольсевича. М.: Экономика, 1996.

10. Шумпетер Й. Современная мировая депрессия. Предварительный диагноз (*The Present World Depression: A tentative diagnosis*, 1931).
11. Шумпетер Й. Обзор общей теории Кейнса (*Review of Keynes's General Theory*, 1938).
12. Шумпетер Й. Бизнес-циклы: теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса (*Business Cycles: a Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*, 1939).
13. Урбан Уэйн Дж. Больше, чем наука и спутник: Закон об образовании в области национальной обороны 1958 года. University of Alabama Press, 2010.
14. Porter M.E. *The Competitive Advantage of Nations* – New York: Free Press, 1998. porter_1990_-_the_competitive_advantage_of_nations.pdf (ens.fr). Porter M. E., Kramer M. R. Strategy and society: the link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard business rev. Boston, 2006.
15. Buzan B. *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton, Sussex: Wheatsheaf Books, 1983.
16. Bigo Didier. Contours d'une politique sécuritaire // Une Europe du rejet, № 57, juin 2003. <https://www.gisti.org/spip.php?article4226>.
17. Seyhan Aysel. Analyser la sécurité: Dillon, Waever, Williams et les autres. <https://journals.openedition.org/conflicts/541>.
18. Банерджи Абхиджит, Дюфло Эстер. Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности /Перевод с англ. М. Маркова, А. Лашева/ под ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
19. Бек Ульрих. От индустриального общества к обществу риска. THESIS, 1994. Вып. 5. (Ulrich Beck. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society, February 1992. V. 9. №. 1. P. 97–123. © Theory, Culture and Society Ltd., 1992. (Перевод с англ. к.ф.н. А.Д. Ковалева).
20. Myers Samuel S. and Patz Jonathan A. (2009). Emerging Threats to Human Health from Global Environmental Change. *Annual Review of Environment and Resources*, Volume 34, 2009, Myers. Pp. 223–252. <https://www.annualreviews.org/doi/full/10.1146/annurev.environ.033108.102650>.
21. Aspalter Christian. The Long Year 2020 and the «Perfect Storm» that Starts to Unfold – As Humanity Awakens to a New World in 2021 and Thereafter (November 18, 2020). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3732590>.
22. Docteur E. and Oxley H. (2003). Health-care System: Lessons from the Reform Experience. OECD Health Working Papers No.9, OECD Economics Department Working Papers No. 374. <https://dx.doi.org/102139/ssrn1329305>.
23. Sheng Fang & Colin Xu L. & Yuanjuan Yi. The interplay of Policy, Institutions, and Culture in the Time of Covid-19. Policy Research Working Paper Series 9470. 2020. The World Bank. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-9470>.
24. Адайя Стоетман, Минке Мейндерс, Мерел Мартенс. Экономическая безопасность с китайской спецификой. (Adája Stoetman, Minke Meijnders and Merel Martenshttps. Economic Security with Chinese Characteristics.) <https://www.clingendael.org/pub/2019/strategic-monitor-2019-2020/economic-security-with-chinese-characteristics>.

REFERENCES

1. Knight F.H. Risk, uncertainty and profit (Risk, Uncertainty and Profit, 1921) / Translated from the English by M.Ya. Kazhdan. M.: ANKH under the Government of the Russian Federation, ed. Delo, 2003.
2. Pigou A. Fluctuations of industrial activity (The Industrial Fluctuations, 1929).
3. Pigou A. The Theory of unemployment (The Theory of Unemployment, 1933).
4. Pigou A. The Economics of stationary States (The Economics of Stationary States, 1935).
5. Pigou A. Employment and equilibrium (Employment and equilibrium, 1949).
6. Robinson J. The Economics of Imperfect Competition, 1933.
7. Robinson J. Euler's theorem and the distribution problem // Milestones of economic thought. Volume 3. Factor markets / Edited by V.M. Galperin. St. Petersburg: Economic School, 2000.
8. Keynes J. M. General theory of employment, interest and money (*The General Theory of Employment, Interest and Money*, 1936); Keynes, John M. The General Theory of Employment, Interest and Money // The Collected Writings of John Maynard Keynes. Cambridge University Press, 2012.
9. Chamberlin E. The theory of monopolistic competition (reorientation of the theory of value) (Theory of Monopolistic Competition, 1933) / Translated from English by E.G. Leikin, L.Ya. Rozovsky / edited by Yu. Ya. Olsevich. M.: Economics, 1996.
10. Schumpeter J. The modern world depression. Preliminary diagnosis (The Present World Depression: A tentative diagnosis, 1931).
11. Schumpeter J. Review of the General Theory of Keynes (Review of the General Theory of Keynes, 1938).
12. Schumpeter J. Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process (Business Cycles: a Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process, 1939).
13. Urban Dwayne J. More than Science and Satellite: The National Defense Education Act of 1958. University of Alabama Press, 2010.
14. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations – New York: Free Press, 1998. porter_1990_-_the_competitive_advantage_of_nations.pdf (ens.fr). Porter M.E., Kramer M. R. Strategy and society: the link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard business rev. Boston, 2006.
15. Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton, Sussex: Wheatsheaf Books, 1983.
16. Bigo Didier. Contours d'une politique sécuritaire // Une Europe du rejet, № 57, juin 2003. <https://www.gisti.org/spip.php?article4226>.
17. Ceyhan Ayse. Analyser la sécurité: Dillon, Waever, Williams et les autres. <https://journals.openedition.org/conflits/541>.
18. Banerji Abhijit, Duflo Esther. Economic science in difficult times. Thoughtful solutions to the most important problems of our time / Translated from the English by M. Markov, A. Lashev/ edited by D. Raskov. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2021.
19. Beck Ulrich. From an industrial society to a risk society. DISSERTATION, 1994. Issue 5. (Ulrich Beck. From an industrial society to a risk society // Theory, Culture and Society, February 1992. Vol. 9. No. 1. pp. 97-123. © ООО "Theory, Culture and Society", 1992. (Translated from the English by Ph.D. A.D. Kovalev).
20. Myers Samuel S. and Patz Jonathan A. (2009). Emerging Threats to Human Health from Global Environmental Change. Annual Review of Environment and Resources,

- Volume 34, 2009, Myers. Pp. 223–252. <https://www.annualreviews.org/doi/full/10.1146/annurev.environ.033108.102650>.
21. *Aspalter Christian*. The Long Year 2020 and the «Perfect Storm» that Starts to Unfold – As Humanity Awakens to a New World in 2021 and Thereafter (November 18, 2020). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3732590>.
  22. *Docteur E. and Oxley H.* (2003). Health-care System: Lessons from the Reform Experience. OECD Health Working Papers No.9, OECD Economics Department Working Papers No. 374. <https://dx.doi.org/102139/ssrn1329305>.
  23. *Sheng Fang & Colin Xu L. & Yuanyuan Yi*. The interplay of Policy, Institutions, and Culture in the Time of Covid-19. Policy Research Working Paper Series 9470. 2020. The World Bank. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-9470>.
  24. Adaya Stoitman, Minke Meinders, Meryl Martens. Economic security with Chinese specifics. (Adája Stoitman, Minke Meijnders and Merel Martenshttps. Economic Security with Chinese Characteristics.) <https://www.clingendael.org/pub/2019/strategic-monitor-2019-2020/economic-security-with-chinese-characteristics>.

Дата поступления рукописи: 25.10.2021 г.

ABOUT THE AUTHORS

Karavaeva Irina Vladimirovna – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Economic Security Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia ikaravaeva30@yandex.ru

Kolomiets Andrey Grigoryevich – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Economic Security Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia agk1807@mail.ru

Bykovskaya Yulia Viktorovna – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher of the Economic Security Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia zima7327@yandex.ru

ECONOMIC SECURITY STRATEGIES IN FOREIGN THEORY AND PRACTICE

The article presents comprehensive analysis of macro economic security research abroad, including the methods to ensure effective competition, to reduce development risks, to regulate global risks, as well as other theoretical and practical problems of the subject. An analysis of the COVID-19 pandemic impact on the research topics and emphasis in the realm of economic security is presented. There is a recent trend to develop new approaches in investigating these issues, including the topic of "societal security". Particular attention to the methods to regulate the social aspects of economic security through financial and legal mechanisms is paid.

Keywords: *strategy, economic security, COVID-19 pandemic, healthcare, global economic risks.*

JEL: D81, E60, F55, H51, L18, J60.

О.С. СУХАРЕВ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

УМНЫЙ ГОРОД И ТЕРРИТОРИЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРУКТУРНОГО РАЗРЫВА

В статье исследуются проблемы развития умного города и умной территории. Выявлены различия между умными и обычными городами и территориями и причины разрывов в развитии самих умных городов и территорий. Показано, что на уровень распространения цифровых и интеллектуальных технологий в городах и на территориях влияет наличие структурного разрыва между ними. Обосновано положение, что по величине дисфункции базовых функций можно отграничить умный город и территорию от обычных. Представлена модельно-проектная композиция городского хозяйства, включающая в себя помимо индустриального и сервисного ядра еще как минимум две периферии в виде жилищно-коммунального комплекса и аграрного пояса вокруг города. Выявлены особенности процесса распространения технологий умного города, зависящие от структуры городского хозяйства, состояния информационной инфраструктуры и ресурсных возможностей, которые заданы величиной душевого продукта/дохода, и формирующими потенциал для развертывания соответствующих технологий управления и городской логистики. Как перспективная, выделена задача исследования динамики развития умного города и территории в зависимости от душевого продукта, технологичности и уровня дисфункции.

Ключевые слова: *цифровые технологии, умный город, умная территория, структура «город-село», дисфункция, модельно-проектная композиция городского хозяйства, информационные технологии, структурный разрыв.*

JEL: O18, R11, R58.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_68_84.

Введение

Концепция умного города предусматривает развитие городского хозяйства на базе современных информационно-коммуникационных и интеллектуальных технологий по многим направлениям функционирования [14]. Прежде всего она затрагивает систему управления – область обоснования и принятия решений. Кроме этого, умный город представляется хозяйственной единицей с развитыми системами науки и образования, составляющими основу городской экономики, и обеспечивающей комфортную среду проживания за счет достиже-

ния высокого экологического эффекта [9; 13]. Основу развития умных городов составляют человеко-машинные системы, которые проектируются для функционирования в чистой окружающей среде и подчинены этому требованию [13], а также коммуникационные технологии и интернет [11]. Такие города делают жизнь комфортабельнее, а их экосистема должна защищать жителей от различного рода формальных воздействий.

Считается, что умные города сокращают сроки выполнения операций. Однако надо учитывать, что освоение, внедрение и применение цифровых технологий, как и иных логистических и коммуникационных технологий, требуют времени и связаны с издержками, что обычно не принимают во внимание адепты концепции «умный город». Конечно, современные цифровые и информационные технологии изменяют поведение агентов умного города. Но при этом проблемы ресурсной эффективности сохраняют свое значение [7]. В рамках развития умных городов они не решаются автоматически.

Концепция умной территории во многом вытекает из концепции умного города, но они не являются полностью тождественными. Это связано с разрывом в развитии, включая информационное развитие, городских и сельских территорий. Умная территория, представляя собой довольно масштабный регион, может охватывать не только города, включая малые и поселения городского типа, но и сельскую местность, уровни развития которых, в том числе и информационного развития, могут отличаться [18]. Это обусловлено прежде всего особенностями сформировавшихся и являющихся устойчивыми структур городского и сельского хозяйства, сложившихся хозяйственных пропорций и связей. Хотя интегральные интеллектуальные и информационные технологии, включая цифровые, – это общий атрибут, но применение их на сельских территориях менее распространено, чем в городах, что является одним из проявлений структурного разрыва между городом и селом [3]. Однако указанная проблема преодолевается за счет развития и повышения эффективности интернет-технологий связи и коммуникационных сетей, общей инфраструктуры и транспорта. Отметим также, что для сельских территорий, помимо информационного фактора, центральное значение имеет экология, в частности борьба с лесными пожарами, от которых могут страдать и города [15]. Поэтому функции умной территории применительно к сельской местности могут и должны быть расширены и специфицированы за счет экологической составляющей и обеспечения безопасности.

С позиции обозначенного структурного разрыва в статье рассматриваются ключевые проблемы развития умных городов и территорий в контексте общих задач регионального и пространственного развития

России. При этом основной целью исследования выступает выявление ограничений и стимулирующих условий для развития умных городов и территорий в России. Также проводится анализ способов преодоления структурного разрыва в функционировании городских и сельских территорий и характеристик структурных моделей развития современных городов, связанных с возникновением сельскохозяйственного пояса на их окраинах в условиях сокращения числа сел.

Методологию исследования составили структурный и сравнительный анализ, методы таксономии, модельно-проектной композиции городского хозяйства и типизации функций умного города и территории. Их применение для достижения поставленных целей обусловило необходимость рассмотрения теории разрывов в региональном аспекте, определения ресурсной основы развития умного города и территории, а также анализа базовых функций и особенностей их обеспечения в рамках умной территории.

Теория разрывов и развитие умных городов и территорий. Ресурсы умного города

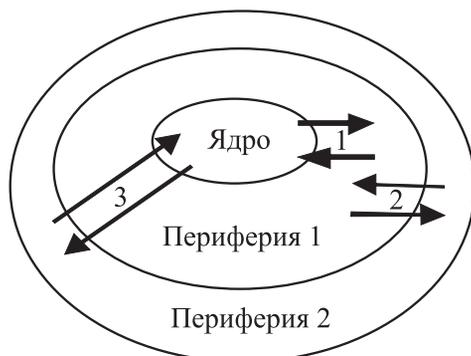
Теория разрывов, в развитие которой внесла определяющий вклад шведская макроэкономическая школа, оценивает недопроизводство ВВП в силу наличия безработицы и инфляции, а также таких мер экономической политики, как, например, повышение налогов или сжатие денежной массы. Однако сложившиеся пропорции в экономическом развитии городского и сельского хозяйства также могут вызывать недопроизводство ВВП. Причинами выступают сокращение числа сельских поселений, рост безработицы, миграция в города, где эффект адаптации не позволяет быстро и полноценно включить эти кадры в решение задачи наращивания создаваемого в городе продукта, что компенсировало бы сельские потери. В такой ситуации увеличение населения городов выступает функцией сокращения сельского населения, влияя на ВВП страны в целом [3; 10]. При этом институты территориального развития могут не оказать значимого влияния, если проводимая политика не учитывает необходимости ликвидации структурного разрыва «город–село» [2], а формируемая на основе официальных методик оценка эффективности управления [5] будет малоинформативной и не отразит реальное состояние. Проектирование умных городов и территорий может либо закрепить структурный разрыв, либо нивелировать его, при условии, что в ходе их создания ставится именно такая цель и предусматриваются необходимые способы ее достижения.

Поиск причин роста одних регионов и упадка других не уходит с повестки дня современных регионально-территориальных исследо-

ваний [17]. Акцент, как правило, делается на углубляющихся социально-экономических диспропорциях, изучении различных вариантов региональной политики [8], формировании новых подходов к этой политике в условиях кризисных ситуаций, в том числе таких форс-мажорных, как «вирусная атака» 2020 г. [16]. Особую значимость приобрели вопросы оценки пространственно-географических особенностей, включая транспортную инфраструктуру, которые существенно влияют на развитие даже такой мощной экономики, как китайская [20; 21; 22; 23].

Стандартный набор факторов регионального и пространственного развития [6; 12; 19] не может не воздействовать на рост умных городов и территорий. При этом разница в производительности труда, технологичности, кадровом обеспечении, составе населения, территориальном размещении субъектов существенно влияет на возможности внедрения новых технологий и обучения им. Таким образом, развитие умных городов и территорий, сводимое по своему смысловому содержанию к вводу новейших технологий инфраструктурного назначения (в области информации, коммуникации, управления, транспорта, связи, услуг), всецело зависит от исходных хозяйственной и иных структур конкретной территории. Наличие разрыва между городом и селом по кадрам, производству, фондам и знаниям воспроизводит неравенство и в области освоения «умных» технологий, поскольку масштаб их внедрения, уровень распространения и применения зависят от всего набора характеристик регионального развития, в том числе и в городах, отличающихся по развитию, размеру, вкладу в экономический рост.

Городское хозяйство характеризуется различной структурой, и оно может быть построено по-разному. На рис. 1 показан его модельно-проектный вариант согласно представлению «ядро-периферия» (стрелки – это перемещение труда между ядром и двумя перифериями).

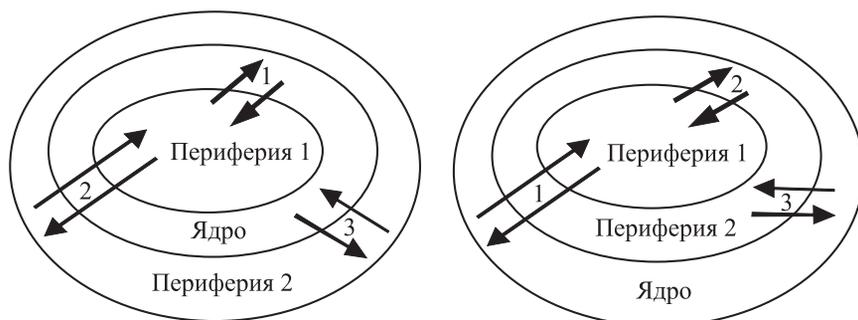

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Ядро-периферия городского хозяйства

В ядре находится система управления городом, а также офисные услуги. Здесь же возможна и производственная деятельность. Таким образом, ядро может включать индустриальный и сервисный потенциал городского хозяйства. В периферию № 1 входят объекты жизнеобеспечения и расселения городского населения, включая жилищно-коммунальную инфраструктуру, а в периферию № 2 – сельскохозяйственный пояс, садово-огородные участки, первичная переработка. На рис. 1 стрелками 1–2 показаны короткие маршруты перемещения между ядром и периферией № 1 и двумя перифериями соответственно. Стрелками 3 показан длинный маршрут, в наибольшей степени связанный с транспортными издержками – перемещение между ядром и периферией № 2.

Значимость потоков 1–2 выше для современного города, нежели значимость потоков под номером 3. В связи с этим представленная на рисунке композиция городского хозяйства более приемлема, чем на рис. 2, на котором отражено изменение композиции городского хозяйства по расположению ядра и двух периферий относительно центра города.

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Варианты композиции городского хозяйства и схемы перемещения населения

При иной структурной композиции городского хозяйства (рис. 2, слева) потоки 3 становятся короткими, но потоки под цифрой 2, связывающие две периферии, становятся длинными, что увеличивает издержки. Учитывая большую значимость для города потоков под цифрой 2, уровень затрат при таком размещении городского хозяйства возрастает. На рис. 2 (справа) показан еще один вариант композиции, связанный с увеличением потоков под цифрой 1, причем это наиболее значимые потоки перемещения труда. Издержки в этом случае выше, и данная структура менее приемлема. Конечно, необходимо учитывать не только перемещение трудовых потоков в рамках города, хотя именно они составляют основную транспортную проблему, особенно в городах со значительной численностью населения, но и грузо-

вые перевозки. Однако они во многом повторяют логистику перемещения населения.

Обозначенные композиционные структуры городского хозяйства содержат объекты, различающиеся по способности обеспечить внедрение цифровых технологий и интеллектуальных систем. Ядро и промежуточная периферия, включающие офисные службы и производства, в наибольшей степени готовы к этому в отличие от жилищно-коммунального хозяйства и сельскохозяйственного пояса. Поэтому процесс расширения умного города не будет происходить однородно и одинаково по всем направлениям и элементам его композиционной структуры.

Внедрение информационных технологий и композиция транспортных сетей должны связывать указанные на рис. 1 структурные элементы города. При этом развитие этих связей и самой композиции зависит от имеющихся у города ресурсов. Именно поэтому возможности малых городов России, как и моногородов, предполагающих градообразующий принцип функционирования, в части внедрения «умных» технологий существенно ограничены. Сказывается и недостаточное развитие информационной, экологической и социальной инфраструктуры.

Как критерий отличия умного города и территории от обычных (традиционных) можно рассматривать степень охвата цифровыми и интеллектуальными технологиями. Этот критерий можно использовать и при сравнении развития двух умных городов, а также умного города и некой умной территории. Помимо этого, нужно учитывать уровень интеллектуализации городских функций, включая весь социальный блок и информационную инфраструктуру. Релевантным параметром также выступает время исполнения функций, их полезность, быстрота получения требуемого результата без ущерба качеству. Тем самым при тех же ресурсах в умных городах и на территориях достигается экономия времени без значительного роста числа добавочных и промежуточных функций.

Дадим сравнительную характеристику умного города и территории по наиболее релевантным параметрам: цель развития, область приложения, функционал, издержки, время как ресурс, способность к изменению (см. табл. 1).

Отличия, как видно из табл. 1, связаны не только с областью приложения, но и с функциями, разным уровнем издержек в городе и на территории, отношением к ограничению по времени, со способностями изменяться. Цель развития применительно к умному городу касается городского хозяйства и его информационного и технологического обеспечения, а применительно к территории она связана с решением множества территориальных задач развития, имеющих ее только урбани-

Сравнительная характеристика умного города и умной территории

Параметр	Умный город	Умная территория
Цель развития	Обеспечить комфорт городской жизни, результативное управление	Обеспечить решение территориальных задач развития на основе информационно-коммуникационных технологий
Область приложения	Городское хозяйство	Регион, сектор, отрасль, сельскохозяйственная территория
Функционал	Задан рамками городского хозяйства, его размером	Определен функциями развития конкретной территории
Издержки	Обусловлены вводом новых технологий, масштабом городского хозяйства, характеристиками его развития	Определены размером территории и вводом новых технологий на ней
Время	Высоки ограничения по этому главному ресурсу городской жизни	Лимиты по времени менее значимы, что влияет на степень распространения новых технологий и потребность в них
Способность к изменению	Вытекает из структуры городского хозяйства и уровня его технологичности	Обусловлена потенциалом территории, его структурой, масштабом, а также влиянием пограничных территорий

Источник: составлено автором.

стический, как в случае с умным городом, характер. По мере распространения новых технологий и общего повышения технологического уровня городов и территорий отличия по отдельным параметрам будут нивелироваться. Свою лепту в это, а значит и в преодоление структурного разрыва между городом и территорией (селом), внесет распространение цифровых технологий. И город, и территория будут подпадать под наименование «умных», хотя здесь требуется выработка комплекса общепризнанных критериев, которые бы обеспечивали количественное измерение и качественную сравнительную оценку.

Другой вопрос, насколько наличие структурного разрыва будет тормозом для распространения новейших технологий и соответствующей им системы управления городом и территорией. Иными словами, речь идет о том, что передовых технологий, особенно инфраструктур-

ного назначения, может быть недостаточно для ликвидации тормозящих развитие факторов. Потребуется разработка и реализация общей согласованной политики развития городов и сельских территорий как части проводимой в стране региональной политики, а при проведении аналитической и текущей плановой работы системы управления особое место должно быть отведено решению задач согласованного технологического развития территорий и преодоления региональных диспропорций.

Функции и дисфункция умного города, умной территории

Освоение новых технологий, включая информационные, не становится автоматически атрибутом эффективности, которая зависима от многих факторов. Изменяя текущий функционал умного города и умной территории, новые технологии могут увеличивать дисфункцию по одним функциям, понижая ее по другим. Общий результат определит дисфункцию как характеристику умного города и территории. Функциональный анализ последних представляется важным приемом не только в рамках сравнительного анализа умных городов и территорий, но и необходим для получения картины их развития с выяснением направлений дальнейшего применения интеллектуальных технологий.

Дисфункцию объекта требуется изучать по набору базисных функций, которые он должен исполнять. Применительно к умному городу и умной территории этот набор практически совпадает, а вот содержание функций и степень их расстройств различаются. В табл. 2 представлены самые важные с позиции достижения целей развития умного города и умной территории функции.

Для умного города центральной функцией выступает управление на основе интеллектуальных технологий, которое бы позволяло обеспечивать его комплексное развитие. Для умной территории важнее всего интеграция территориальных агентов, но также в рамках единой системы управления, построенной на базе электронных технологий, работы с информацией и в перспективе – на искусственном интеллекте.

Важным показателем качества развития умного города и территории выступает снижение транзакционных издержек предоставления различных услуг, реализации функций, экономия времени. При этом для умной территории в отличие от умного города параметр времени не является пока критически значимым. Как правило, территория, включающая не только урбанизированные, но и сельскохозяйственные пространства [18], чем кардинально и отличается от умного города, относительно богата временем. В связи с этим и подфункция быстрого действия не является лимитирующей развитие умной территории.

Базовые функции умного города и умной территории

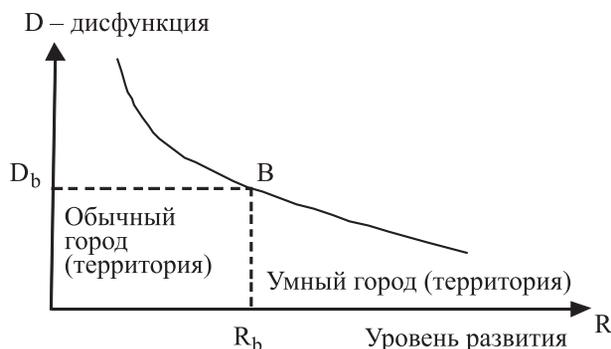
Основные функции	Подфункции – содержание	
	умный город	умная территория
Управление	Электронная система управления городом на базе искусственного интеллекта и цифровых технологий	Интеграция территориальных агентов в единой системе управления на базе интеллектуальных технологий
Кибербезопасность	Защита информационных систем городского хозяйства и территории, системы управления, снижение числа преступлений в информационной сфере	
Коммуникация	Связь в рамках города	Информационная связность территории
Транспорт и логистика	Перемещение в рамках города людей и грузов с оптимальными затратами времени и ресурсов	Перемещение в границах территории с наименьшими затратами времени
Экология	Достижение чистоты городской среды, озеленение, контроль выбросов и чистоты воды, утилизация отходов	Зеленая защита территории, рекреация земель, сохранение лесов и водоемов, утилизация отходов
Социальный комфорт жизни	Оптимальность процедур, быстрое действие операций	Функциональная полнота, связанность территории, восполнение недостатка функций повышением их качества, расширением содержания и реализацией на разных участках территории

Источник: составлено автором.

Такое различие – одно из отражений наличия структурного разрыва «город – село», который внедрение цифровых технологий автоматически не снимает. Более того, этот разрыв может усиливаться благодаря исполнению базисных функций, а также в силу различий по их дисфункции в условиях города и конкретной территории. В связи с данным обстоятельством *развитие умного города и умной территории налагает ограничение на формирование целей, которые должны включать элиминирование дисфункций по релевантным функциям в аспекте сближения функционального набора по числу и качеству исполнения.* Такая, являющаяся новой постановка задачи при ее реализации в ходе внедрения новых технологий будет работать или на снижение указанного

структурного разрыва, или не позволит этому разрыву усиливаться. При этом нужно особо учитывать специфику условий развития каждой территории, в том числе климатических, исторических, культурных и др.

Для умного города и умной территории повышение издержек и понижение степени полноты и качества исполнения функций чревато возникновением дисфункции и ее углублением. В связи с этим один умный город может отличаться от другого умного города и при близких параметрах может проигрывать в конкуренции по развитию. Тем более, по этим причинам будет отличаться функционирование умного города и умной территории. Однако если проанализировать набор базовых функций (см. табл. 2), то нетрудно заметить, что эти же функции исполняются в городах и территориях, отнюдь не претендующих на статус «умные», который как устойчивое понятие стал использоваться в научных работах по урбанистике и территориальному развитию совсем недавно. Учитывая сказанное, можно предположить, что степень и качество исполнения базовых функций городского хозяйства и территории характеризует уровень дисфункции. Представление о дисфункции основных функций (см. рис. 3) позволяет также определить границы между умными и обычными городами и территориями.

Источник: составлено автором.

Рис. 3. Уровень развития умного города (территории) и дисфункция

Наше предположение связано с тем, что с увеличением расстройств функций или их неисполнением, если считать функции, обеспечиваемые новейшими интеллектуальными технологиями, городское и территориальное хозяйство будет удаляться от статуса «умного». Тогда границу между умными и обычными городами или территориями может обозначить некая величина дисфункции и отвечающей ей уровень развития хозяйства по критерию «умности». На рис. 3 это показано величиной R_b и штриховой линией BR_b . Данному уровню

развития умного города и территории отвечает величина дисфункции D_b по базисным функциям. Главным свойством такой дисфункции является то, что набор функций исполняется без ввода новых интеллектуальных технологий.

С одной стороны, новые технологии, базирующиеся на цифровом принципе, увеличивают быстроту исполнения многих процедур и функций в рамках городского хозяйства. Это приводит к росту самих функций, повышению их качества, так как экономится время. Причем этот положительный эффект в конце концов начнет проявляться не только в городах, но и на территориях. С другой стороны, увеличиваются затраты на внедрение, освоение, применение, усовершенствование, обучение персонала и граждан использовать эти технологии. Значение этих затрат, как и отношение граждан к новым технологиям, как весомый тормозящий фактор развития умных городов и территорий, изучены пока недостаточно. Особенно интересен эффект возрастной структуры городского населения. В развитых странах старение населения в урбанистических центрах приобрело значительный размах и давно уже стало существенным ограничителем их развития. Указанные затраты могут заблокировать либо как минимум затормозить распространение новых технологий (снизить уровень распространения в единицу времени).

Функция распространения умного города и территории, по всей видимости, зависима от исходного душевого продукта (дохода) и технологического уровня экономики данного города и территории, а также таких производственных факторов, как основной капитал и труд, которые, собственно, определяют возможности создания душевого продукта. Поэтому можно выбрать такое формальное представление данной функции:

$$P = f(y, T, D), \quad (1)$$

где P – степень распространения «умного города» в городском хозяйстве или соответственно территории в конкретном регионе; y – величина душевого продукта (дохода); T – уровень технологичности или доля новейших технологий, участвующих в развитии данного хозяйства; D – величина дисфункции, расстройств или неисполнения основных функций.

Дисфункция, как и применение новейших технологий, конечно, может сказываться на создании душевого продукта и уровне технологичности городского хозяйства или территории. Тогда, исследуя подобные связи, можно будет свести модель распространения умного города и территории исключительно к какому-либо одному или двум параметрам. Поскольку душевой продукт не слишком информативен, имеет смысл рассматривать именно технологический уровень и дисфункцию базис-

ных функций как релевантные параметры, позволяющие охарактеризовать распространение умного города и территории в их экономиках.

Разумеется, речь идет о системной дисфункции по всему набору релевантных функций, которая динамически изменяется. По каждой отдельной функции степень ее неисполнения также варьируется по времени, динамически завися от многих факторов. В связи с этим очевидно, что оценка общей дисфункции является нетривиальной задачей. Однако попытки ее решения уже были предприняты в рамках российской экономической школы. Так, применительно к умному городу и умной территории можно использовать методiku оценки распространения цифровых технологий, созданную для промышленности и экономики в целом [4]. Оценка кибернетической автоматизации, предложенная еще в работах 1960-х годов, также может здесь рассматриваться как полезный инструмент [1].

Вводя количественные связи в приведенную формальную модель (1), удастся развернуть исследовательский аппарат развития умного города и территории в зависимости от изменяющихся условий, повышая аналитическую значимость принимаемых решений на уровне региональных, городских властей и муниципалитетов, связывая имеющиеся ресурсные возможности и готовность населения к необходимому вводу интеллектуальных технологий в практику.

Будет полезно развернуть процесс ввода новых технологий, исходя из композиционно-проектной структуры городского хозяйства, модельные варианты которой представлены на рис. 1–2, учитывая сложившиеся связи и потоки в рамках города или территории. Эта работа может строиться, исходя из задачи развертывания новых функций при недопущении их дисфункции, в том числе при обеспечении выполнения прежних функций без использования новых технологий управления информацией, связью, агентскими контактами, конфликтующих с новыми способами их предоставления.

Умный город и территория отличаются от обычных тем, насколько реализация основных функций осуществляется посредством новых технологий при повышении качества их предоставления и масштабов использования населением. Тем самым доступ к функциям расширяется, качество жизни должно повышаться, время, как основополагающий ресурс, экономиться. Конечно, дисфункция охватывает как функции, обеспечиваемые на низком технологическом уровне, так и функции, реализуемые на базе новейших технологий. Однако сам по себе более высокий технологический уровень их обеспечения является шагом вперед относительно предоставления этих же функций, но менее технологичным способом, который не может обеспечить большой охват населения, низкие издержки предоставления и повышение качества. Преимущество по времени должно стать основным атри-

бутом для умного города относительно обычного города, но и само «качество дисфункции» в двух сравниваемых вариантах различается принципиально. Этот аспект, по сути, должен находить отражение в измерении состояния дисфункции, но пока данную задачу следует признать нерешенной. Видимо, ее, как и проблему дисфункции умного города и территории, можно считать перспективными направлениями дальнейшей разработки теории умного города.

Заключение

Сформулируем имеющие принципиальное значение результаты, полученные на основе анализа структурной композиции городского хозяйства, изучения в сравнительном аспекте характеристик умного города и умной территории по базовым параметрам, а также изучения таксономии их функций с выделением дисфункции, по которой и предложено отделять умный город от обычного.

Во-первых, в условиях роста умных городов и территорий нет оснований полагать, что структурный разрыв «город – село» может быть преодолен только за счет внедрения новых технологий. Причина в том, что это внедрение, скажем, цифровых технологий, либо искусственного интеллекта, требует подготовки не только агентов, но и системы управления, а также существенных ресурсов, что и предопределяет глубину проникновения – степень использования «умных» технологий.

Во-вторых, внедрение и распространение технологий умного города происходит с разной скоростью по ядру и перифериям городского хозяйства и не меняет его структуру, как и структуру хозяйства территории.

В-третьих, по уровню дисфункции и технологичности городского хозяйства и территорий можно будет, как представляется, отделить умный город и умную территорию от обычных. Что касается различий между самими умными городами и территориями, то они сводимы к области приложения и содержанию отдельных функций. Тот функционал, который применяется в сельской местности, не может быть повторен в урбанизированных пространствах, что и формирует отличия умного города и умной территории.

Подводя итог, отметим, что развитие и рост числа умных городов и территорий выступает закономерным следствием процессов ввода новых технологий инфраструктурного назначения, направленных на повышение функциональной эффективности городской и территориальной жизни. При этом структурный разрыв может сохраняться. Для его нивелирования необходим широкий набор мер, влияющих на региональное развитие, не сводимый только к мерам, обеспечивающим распространение интеллектуальных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кваша Я.Б.* Избранные труды. Методологические основы статистического анализа. Т. 1. М.: Наука, 2003.
2. *Сухарев О.С.* Оценка институтов регионального развития и эффективности исполнительной власти субъектов Российской Федерации // *Федерализм*. 2021. № 2. С. 43–64.
3. *Сухарев О.С.* Городская и сельская экономика: структурный разрыв // Сборник «Формирование интегрированной системы «город–село» как фактор структурной модернизации российской экономики». М.: ИЭ РАН. 2020. С. 27–39.
4. *Сухарев О.С.* Цифровизация и направления технологического обновления промышленности России // *Journal of New Economy*. Т. 22. № 1. С. 26–52.
5. *Чичканов В.П., Сухарев О.С., Беляевская-Плотник Л.А.* Проблемы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в системе регионального стратегического планирования // *Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России*. 2021. № 2. С. 70–75.
6. *Azis I.J.* Regional Development and Noneconomic Factors // *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. 2020. P. 269–274.
7. *Barr S., Lampkin S., Dawkins L., Williamson D.* Smart cities and behavioural change: (Un)sustainable mobilities in the neo-liberal city // *Geoforum*. Vol. 125. October 2021. P. 140–149.
8. *Becker S.O., Egger P.H., Ehrlich M.* Effects of EU Regional Policy: 1989–2013 // *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 69. 2018, March. P. 143–152.
9. *Chu Z., Cheng M., Yu N.N.* A smart city is a less polluted city // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 172. 2021, November. 121037.
10. *Haavelmo T.* A Study in the Theory of Economic Evolution – Amsterdam: North-Holland Publishing Company/ 1954. Pp. viii, 114.
11. *Janani R.P., Renuka K., Aruna A., Lakshmi Narayanan K.* IoT in Smart Cities: A Contemporary Survey // *Global Transitions Proceedings*. <https://doi.org/10.1016/j.gltp.2021.08.069>.
12. *Ji J., Liang X., Ma G.* Political hierarchy and regional economic development: Evidence from a spatial discontinuity in China // *Journal of Public Economics*. Vol. 194. 2021, February. 104352.
13. *Kashef M., Visvizi A., Troisie O.* Smart city as a smart service system: Human-computer interaction and smart city surveillance systems // *Computers in Human Behavior*. Vol. 124. 2021, November. 106923.
14. *Kocaa G., Egilmez O., Akcakaya O.* Evaluation of the smart city: Applying the dematel technique // *Telematics and Informatics*. Vol. 62. 2021, September. 101625.
15. *Leone V., Tedim F., Xanthopoulos G.* 11 – Fire Smart Territory as an innovative approach to wildfire risk reduction. *Extreme Wildfire Events and Disasters // Root Causes and New Management Strategies*. 2020. P. 201–215.
16. *Martin R.* Rebuilding the economy from the Covid crisis: time to rethink regional studies? // *Regional Studies, Regional Science*. Vol. 8. 2021. Iss. 1. P. 143–161.
17. *Mukhopadhyay S.* Regional Development Models // *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. 2020. P. 281–295.
18. *Navio-Marco J., Rodrigo-Moya B., Gerli P.* The rising importance of the «Smart territory» concept: definition and implications // *Land Use Policy*. Vol. 99. 2020, December. 105003.

19. *Nijkamp P., Abreu M.* Regional Development Theory // International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition). 2020. P. 297–302.
20. *Sun P., Zhou L., Gea D., Lu X., Sun D., Lu M., Qiao W.* How does spatial governance drive rural development in China's farming areas? // Habitat International. Vol. 109. 2021, March. 102320.
21. *Wang Ya., He X.* Spatial economic dependency in the Environmental Kuznets Curve of carbon dioxide: The case of China // Journal of Cleaner Production. Vol. 218. 2019, 1 May. P. 498–510.
22. *Wang L., Acheampong R.A., He S.* High-speed rail network development effects on the growth and spatial dynamics of knowledge-intensive economy in major cities of China // Cities. Vol. 105. 2020, October. 102772.
23. *Wong Z., Li R., Zhang Yi., Kong Q., Cai M.* Financial services, spatial agglomeration, and the quality of urban economic growth—based on an empirical analysis of 268 cities in China // Finance Research Letters. Available online. 2021, 22 February. 101993.

REFERENCES

1. *Kvasha Ya.B.* Selected Works. Methodological foundations of statistical analysis. Vol. 1. M.: Science, 2003. (In Russ.).
2. *Sukharev O.S.* Assessment of the institutions of regional development and the effectiveness of the executive power of the constituent entities of the Russian Federation. //Federalism. 2021. No. 2. P. 43–64. (In Russ.).
3. *Sukharev O.S.* Urban and Rural Economies: Structural Gap. Collection "Formation of an integrated urban-rural system as a factor in the structural modernization of the Russian economy". M. IE RAS, 2020. P. 27–39. (In Russ.).
4. *Sukharev O.S.* Digitalization and directions of technological renewal of the Russian industry // Journal of New Economy. T. 22. No. 1. P. 26–52. (In Russ.).
5. *Chichkanov V.P., Sukharev O.S., Belyaevskaya-Plotnik L.A.* Problems of assessing the effectiveness of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the system of regional strategic planning. // Scientific Bulletin of the Russian Defense Industry Complex. 2021. No. 2. P. 70–75. (In Russ.).
6. *Azis I.J.* Regional Development and Noneconomic Factors // International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition). 2020. P. 269-274.
7. *Barr S., Lampkin S., Dawkins L., Williamson D.* Smart cities and behavioural change: (Un)sustainable mobilities in the neo-liberal city // Geoforum. Volume 125. October 2021. P. 140–149.
8. *Becker S. O., Egger P. H., Ehrlich M.* Effects of EU Regional Policy: 1989-2013 // Regional Science and Urban Economics, Volume 69, March 2018. P. 143–152.
9. *Chu Z., Cheng M., Yu N.N.* A smart city is a less polluted city // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 172. November 2021. 121037.
10. *Haavelmo T.* A Study in the Theory of Economic Evolution – Amsterdam: North-Holland Publishing Company/ 1954. Pp. viii, 114.
11. *Janani R.P., Renuka K., Aruna A., Lakshmi Narayanan K.* IoT in Smart Cities: A Contemporary Survey // Global Transitions Proceedings. <https://doi.org/10.1016/j.gltp.2021.08.069>.
12. *Ji J., Liang X., Ma G.* Political hierarchy and regional economic development: Evidence from a spatial discontinuity in China // Journal of Public Economics. Vol. 194. February 2021. 104352.

13. *Kashef M., Visvizi, A., Troisie O.* Smart city as a smart service system: Human-computer interaction and smart city surveillance systems // *Computers in Human Behavior*. Vol. 124. November 2021. 106923.
14. *Kocaa G., Egilmez O., Akcakaya O.* Evaluation of the smart city: Applying the dematel technique // *Telematics and Informatics*. Vol. 62. September 2021. 101625.
15. *Leone V., Tedim F., Xanthopoulos G.* 11 – Fire Smart Territory as an innovative approach to wildfire risk reduction. *Extreme Wildfire Events and Disasters // Root Causes and New Management Strategies*. 2020. P. 201–215.
16. *Martin R.* Rebuilding the economy from the Covid crisis: time to rethink regional studies? // *Regional Studies, Regional Science*. Vol. 8. 2021. Iss. 1. P. 143–161.
17. *Mukhopadhyay S.* Regional Development Models // *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. 2020. P. 281–295.
18. *Navio-Marco J., Rodrigo-Moya B., Gerli P.* The rising importance of the «Smart territory» concept: definition and implications // *Land Use Policy*. Vol. 99. December 2020. 105003.
19. *Nijkamp P., Abreu M.* Regional Development Theory // *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. 2020. P. 297–302.
20. *Sun P., Zhou L., Gea D., Lu X., Sun D., Lu M., Qiao W.* How does spatial governance drive rural development in China's farming areas? // *Habitat International*. Vol. 109. March 2021. 102320.
21. *Wang Ya., He X.* Spatial economic dependency in the Environmental Kuznets Curve of carbon dioxide: The case of China // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 218. 1 May 2019. P. 498–510.
22. *Wang L., Acheampong R. A., He S.* High-speed rail network development effects on the growth and spatial dynamics of knowledge-intensive economy in major cities of China // *Cities*. Vol. 105. October 2020. 102772.
23. *Wong Z., Li R., Zhang Yi., Kong Q., Cai M.* Financial services, spatial agglomeration, and the quality of urban economic growth—based on an empirical analysis of 268 cities in China // *Finance Research Letters*. Available online. 22 February 2021. 101993.

Дата поступления рукописи: 16.10.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Sukharev Oleg Sergeevich – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru

SMART CITY AND TERRITORY: OVERCOMING STRUCTURAL GAP

The problem of the development of a smart city and territory is investigated, differences between smart and regular ones are identified. It is shown that the existence of a structural gap in the development of urban and rural areas will affect the level of spread of digital and intelligent technologies. It is justified that it is possible to distinguish between a smart and non-smart object depending on the magnitude of dysfunction of the basic functions of a smart city and territory. A model of a modern urban economy is elaborated. Along an industrial or service core it also includes at least two periphery areas (a housing and com-

munal complex and an agrarian belt around the urban territory). The essential features of the spread of smart city technologies depending on the structure of the urban economy, the state of the information infrastructure and resources (determined by per capita product/income) has been identified. This builds up the potential for the deployment of appropriate management technologies and urban logistics. In the perspective, the scale of the spread of a smart city and territory should be investigated, depending on product per capita, technological effectiveness and level of dysfunction.

Keywords: *digital technologies, smart city, smart territory, urban-rural structure, dysfunction, model-design composition of urban economy, information technologies, structural gap.*

JEL: O18, R11, R58.

И.О. ЖАРИНОВ

доктор технических наук, профессор,
профессор факультета безопасности информационных технологий
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет ИТМО»

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ СО СМАРТ-КОНТРАКТОМ В КОНТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Рассматривается задача экономического управления хозяйствующими субъектами, имплементировавшими смарт-контракты в практику договорных отношений. Специфика управления бизнесом, учитывающая влияние технологий смарт-контрактов, связана с глубокой цифровизацией операционной деятельности хозяйствующих субъектов и соответствует институциональным условиям цифровой экономики. Предлагается схема и описаны особенности применения системы экономического управления бизнесом, актуальные для высокотехнологичных отраслей промышленности, реформированных под инфраструктурные концепты Индустрии 4.0. Объектами экономического управления определены «фабрики будущего»: цифровая, умная и виртуальная фабрики, бизнес-отношения которых образуют сквозную цепочку создания и распределения потребительской ценности в общей бизнес-системе. Экономическое управление реализуется для контракта полного жизненного цикла продукции, в котором цифровая фабрика осуществляет разработку, умная фабрика выполняет изготовление, а виртуальная фабрика обеспечивает обслуживание продукции. Система экономического управления синтезирована по схеме замкнутого контура с обратными связями и субрегуляторами, поддерживающими принцип автономности бизнес-процессов каждой из фабрик.

Ключевые слова: *хозяйствующий субъект, экономическое управление, смарт-контракт, Индустрия 4.0.*

JEL: G34, J54, M11.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_85_95.

Введение

Цифровизация промышленности в концепции Индустрия 4.0 [1; 2] радикальным образом трансформирует¹ устоявшиеся формы хозяйствования бизнеса, связанные с регулированием договорных отношений сторон, осуществляющих процессы создания и распределения ценности. Перспективным инструментом правового закрепления экономических обязательств сторон (бизнес-партнеры, государственный заказчик, потребительское сообщество) является смарт-контракт² [3; 4], по своей форме и содержанию включающий предмет, условия и протокол исполнения сделки, удостоверенные цифровой подписью и документированные в программном коде.

Идея внедрения смарт-контрактов в практику хозяйствования экономических субъектов принадлежит N. Szabo и заключается в установлении, контроле соблюдения и прекращении юридически значимых обязательств сторон средствами электронного договора, состоящего

---

¹ К настоящему времени отсутствует точное определение понятия «цифровая трансформация», применяемого в отношении компаний промышленного сектора экономики. Имеются различные трактовки и определения, выполненные специалистами и используемые в руководящих документах на концептуальном уровне, в частности:

а) в Методических рекомендациях по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием (2020 г.): «цифровая трансформация — комплексное преобразование бизнеса, связанное с успешным переходом к новым бизнес-моделям, каналам коммуникаций с клиентами и поставщиками, продуктам, бизнес- и производственным процессам, корпоративной культуре, которые базируются на принципиально новых подходах к управлению данными с использованием цифровых технологий, с целью существенного повышения его эффективности и долгосрочной устойчивости»;

б) в Руководстве по цифровой трансформации производственных предприятий (2019 г.): «цифровая трансформация — изменение подхода к ведению бизнеса (бизнес-модели) за счет интеграции инновационных технологий во все аспекты бизнес-деятельности, требующее внесения коренных преобразований в технологии, культуру, операции и принципы создания новых продуктов и услуг с целью обеспечения коммерческого успеха в условиях новой цифровой экономики».

² Согласно дорожной карте развития сквозной цифровой технологии «Системы распределенного реестра», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, к решению технологической задачи внедрения смарт-контрактов в бизнес-процессы высокотехнологичных компаний на государственном уровне привлекаются следующие структуры: Министерство промышленности и торговли РФ, Фонд содействия инновациям, АО «РВК». Ожидаемые результаты программы разработчики связывают со снижением времени (не более 50 часов) внедрения смарт-контрактов в бизнес-процессы компаний и вовлечении в электронный бизнес на базе смарт-контрактов не менее 55% физических и юридических пользователей, обладающих цифровыми профилями.

из набора компьютерных алгоритмов [5]. Смарт-контракт, таким образом, выступает элементом системы экономического управления хозяйствующим субъектом, регулирующий бизнес-процессы в общем случае многостороннего взаимодействия участников цифровой сделки, поддерживающих в своей операционной деятельности технологии электронной коммерции.

Экономический эффект от перевода бизнеса на смарт-контракты обусловлен снижением издержек хозяйствующих субъектов на проведение и контроль финансовых платежей, повышением прозрачности и скорости выполнения расчетных операций и исключением рисков, ассоциированных с возможным недобросовестным поведением бизнес-сторон [6]. Эффект достигается в результате автоматического внутри- и межфирменного контроля установленных в смарт-контракте регламентов, основанных на функциях учета и аудита. Объединение различных практик хозяйствования в едином договорном цифровом инструменте потребует решения задачи по синтезу нового поколения систем экономического управления инновационным бизнесом со смарт-контрактом в контуре управления.

Смарт-контракт как элемент системы управления бизнесом

В соответствии с результатами работы [7] экономический смысл использования смарт-контрактов определяется тремя моментами: наличием «цифрового следа» сделки, поддающегося аудиту и не требующего государственного регулирования; возможностью автоматической проверки достоверности данных, актуальных для условий сделки и наступления юридически значимых событий; возможностью использования электронных платежей, включая криптовалюту, для дистанционных расчетов по сделке с минимальными транзакционными издержками.

Регулированию в системе экономических отношений бизнес-сторон подлежат бизнес-процессы, формализованные на уровне процедур и условий создания и распределения ценности и распространяющиеся на технологический и финансовый аспекты хозяйствования. Целевая функция регулирования заключается в автоматическом поддержании точного соответствия предустановленных требований смарт-контракта, опирающихся на идентифицируемые данные хозяйствующих субъектов, фактическим действиям бизнеса, публично или приватно прослеживаемым на контролируемом этапе жизненного цикла продукции.

Механизмы исполнения смарт-контрактов реализуются через сетевые каналы передачи транзакций, образованные технологиями элек-

тронной коммерции. Транзакции сопровождают движения материальных и нематериальных активов, рассматриваемых в качестве предмета, составной части или средства обеспечения сделки. Гарантией автоматического расчета по обязательствам смарт-контракта между сторонами выступает цифровой алгоритм, имеющий уникальный доступ к ресурсам бизнеса и обрабатывающий релевантные бизнес-проекту данные, формируемые в производственно-сбытовых бизнес-процессах.

Обработка данных осуществляется в их фиксированной хронологической последовательности, генерируемой с временными метками в цепочках создания ценности. Данные, прошедшие валидацию и верификацию, проверяются на соответствие условиям-триггерам, решающие правила которых контролируют факт наступления ожидаемого в жизненном цикле продукции события и разрешают или запрещают логически запрограммированные на этот случай транзакции, систематизируемые в реестре³ и направленные на исполнение возникающих из смарт-контракта обязательств (распределение платежей, снятие обременений или ограничений на движение активов и др.) без дополнительных распоряжений бизнес-сторон.

Практические кейсы использования смарт-контрактов в бизнесе

Практический кейс реализации смарт-контрактов по данным исследования [8] демонстрирует компания S7 Airlines, осуществляющая маркетинговую бизнес-стратегию реализации билетов на авиaperевозки с использованием технологий распределенного реестра блокчейн, имплементированных в хозяйственную деятельность и поддерживающих финансовые транзакции в операционном цикле, объединяющем производственную среду компании и банковские коммерческие структуры. Аналогичные проекты на основе смарт-контрактов

³ Согласно дорожной карте развития сквозной цифровой технологии «Системы распределенного реестра», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, экономический эффект от развития и внедрения технологий распределенных реестров и смарт-контрактов оценивается разработчиками программы как совокупность дополнительной выручки компаний и снижение их издержек в масштабах Российской Федерации в ожидаемом к 2024 г. размере 782 млрд руб. Косвенный экономический эффект разработчиками дорожной карты сформулирован как сокращение на рынке объема контрафактной продукции и сокращение объемов теневой экономики, оцениваемый к 2024 г. в размере 823 млрд руб. Наибольший синергетический эффект предполагается от совместной реализации в промышленности субтехнологий распределенного реестра, субтехнологий «Новые производственные технологии» и субтехнологий искусственного интеллекта, способной генерировать бизнес-ценности в промышленных масштабах.

получили практическое воплощение в экономических сегментах автомобильных и морских перевозок компаний Uber Technologies Inc., США; Maersk, Дания; Harag-Lloyd, Германия и др.

Субъектами отечественной экономики для первоочередного применения технологий распределенного реестра и смарт-контрактов бесспорно являются⁴ государственные институты (министерства), осуществляющие выделение, распределение и контроль потоков финансов, циркулирующих в процессах выполнения национальных проектов, федеральных целевых государственных программ, государственного оборонного заказа и др.

Экономическое и правовое регулирование смарт-контрактов в настоящее время в Российской Федерации находится в стадии законодательных инициатив, в то время как, например, в Швеции и Южной Корее смарт-контракты на государственном уровне являются юридически значимыми и поддерживаются специальными налоговыми льготами. Вместе с тем, сегодня отсутствуют⁵ универсальные решения,

⁴ Согласно дорожной карте развития сквозной цифровой технологии «Системы распределенного реестра», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, целевые ориентиры отечественной промышленности концентрируются в направлениях создания на государственном уровне полноценной базы данных приложений и отраслевых решений, поддерживающих смарт-контракты, в том числе на Internet-of-Things-устройствах, а также максимизации бизнес-процессов, автоматизированных инструментами смарт-контрактов. Динамика рыночных показателей технологии смарт-контрактов, прогнозируемая разработчиками дорожной карты, следующая: число компаний-разработчиков смарт-контрактов и соответствующих программных приложений, шт.: 2019 г. – 100; 2021 г. – 500; 2024 г. – 3000; число стандартизированных программ-оракулов, предназначенных для работы со смарт-контрактами, шт.: 2019 г. – 0; 2021 г. – 100; 2024 г. – 1000; доля бизнес-процессов компаний, цифровизированных за счет внедрения смарт-контрактов, %: 2019 г. – 5; 2021 г. – 30; 2024 г. – 75.

⁵ Согласно дорожной карте развития сквозной цифровой технологии «Системы распределенного реестра», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 43% бюджетных ассигнований от общего объема (23,1 млрд руб.) средств, выделяемых в РФ на развитие технологий распределенных реестров, в ближайшее время планируется выделить на разработки и практическое внедрение в промышленность по линии «Технологии создания и исполнения децентрализованных приложений и смарт-контрактов», что обусловлено наименьшим уровнем готовности (менее 6 по ГОСТ Р 58048-2017) этой субтехнологии, рассматриваемой тем не менее как базовая для реального сектора цифровой экономики. Стандарт оценки зрелости технологий не является единственным. Отечественным аналогом, применяемым на практике, является методика Organizational Digital Manufacturing Maturity Model Московской школы управления «СКОЛКОВО». Зарубежные аналоги, релевантные технологиям Индустрии 4.0, предложены, в частности, Немецкой академией технических наук (методика Industrie 4.0 Maturity Center) и определяют индекс зрелости технологий, повышенное значение которого соответствует ожиданиям лучшего бизнес-результата.

имеющие перспективы внедрения смарт-контрактов в экономические модели отношений «бизнес для бизнеса» и «бизнес для потребителя», что обусловлено также и ограниченной пропускной способностью интернет-каналов поддержки технологий распределенных реестров.

Система экономического управления цифровым бизнесом в Индустрии 4.0

Схема системы экономического управления бизнесом со смарт-контрактом в контуре управления приведена на рис. 1. В основу логики управления хозяйствующими субъектами Индустрии 4.0 положены рассмотренные в [9] принципы, системно влияющие на межфирменные бизнес-процессы фабрик – основных форм промышленного хозяйствования в цифровой экономике, а также их коммуникативные взаимодействия с потребительским сообществом: принцип стоимости, цепочки которой объединяют фабрики в бизнес-систему создания ценности; принцип предложения и спроса, бизнес-модели которых реализуются в системе отношений «продукт по требованию потребителя» и «продукт по предложению изготовителя» через механизмы смарт-контрактов и кастомизацию; принцип цикличности, регулирующий внутренние бизнес-проекты и бизнес-процессы фабрик через замкнутый контур предоставления потребителю ценности и ее воспроизводства с прибылью; принцип конкуренции, учитывающий восприимчивость бизнес-системы к рыночному влиянию внешних экономических субъектов, процессов и явлений, и др. Субконтур управления в системе поддерживают на локальных уровнях специальные бизнес-процессы фабрик, рассматриваемых в качестве «фокусных фирм», т. е. фирм, бизнес-модели и возможности которых структурированы на свой тип производительного (сервисного) бизнеса в составе общей бизнес-системы.

Разделение цепочек создания ценности по модульному принципу и сценариям предоставления потребителю полезности, свойственными сетевому способу [10] организации цифрового бизнеса⁶, обуславливает необходимость определения компактных границ бизнес-

⁶ Согласно определению дорожной карты развития сквозной цифровой технологии «Новые производственные технологии», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации:

а) «цифровое проектирование включает технологии, обеспечивающие реализацию концепции передового цифрового «умного» проектирования; драйвером этого процесса выступает технология разработки цифрового двойника на основе создания и применения многоуровневой матрицы целевых показателей и ресурсных ограничений, на основе математических моделей разных классов, уровней сложности и адекватности (в самых общих случаях описываемых нестационарными не-

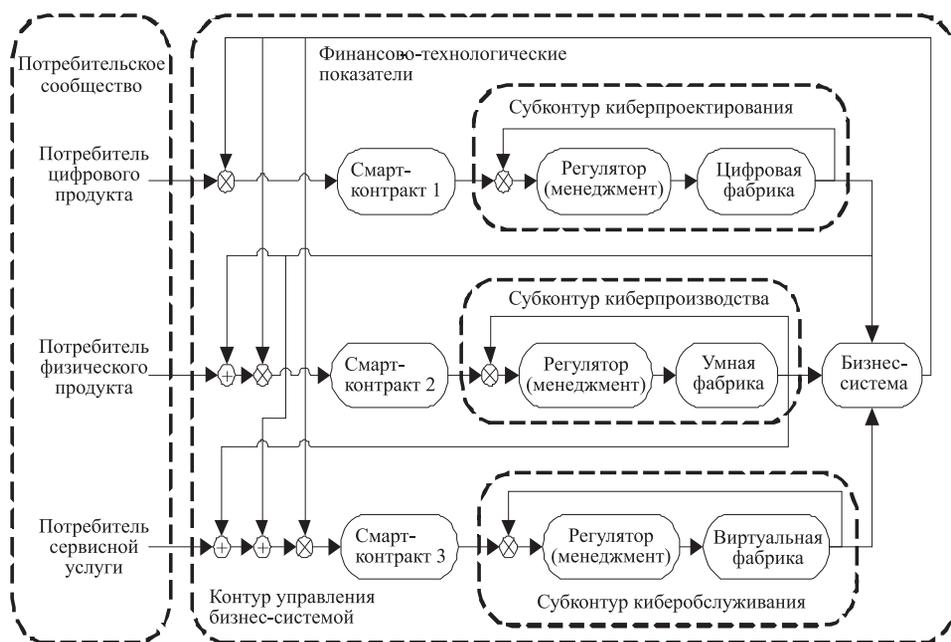

Рис. 1. Схема системы экономического управления высокотехнологичным бизнесом со смарт-контрактом в контуре управления

моделей и бизнес-процессов, реализуемых фабриками в парадигме Индустрии 4.0 с четко детерминированными интересами и влияющих на рыночную устойчивость общей бизнес-системы. Частные бизнес-модели фабрик и их внутренние цепочки ценности в этом случае становятся объектами управления, одновременно реагирующими на регулирующие воздействия со стороны бизнес-системы и на «возмущения» со стороны рынка, представленного профильными конкурентами фабрик и взыскательным потребительским сообществом.

Сочетание влияния на операционную деятельность фабрик факторов внутренней и внешней бизнес-среды является элементом инфраструктурных и институциональных экономических условий, соответствующих наблюдаемой сегодня цифровизации промышленности.

линейными уравнениями в частных производных), на основе проведения виртуальных испытаний, применения виртуальных стендов и виртуальных полигонов»; б) «цифровое производство включают технологии, обеспечивающие реализацию концепции «умного» производства: технологическая подготовка и реализация производственного процесса с минимальным участием человека на основе данных PLM (Product Lifecycle Management)-системы, операционное управление технологическими процессами, производством, предприятием; технологическая подготовка и реализация производственного процесса для кастомизированной продукции широкой номенклатуры на основе гибких, реконфигурируемых и модульных машин, оборудования и робототехники».

В связи с этим синтез системы управления хозяйствующими субъектами выполнен в согласии с требованиями социально-экономической и регулирующей системы государства, рассматриваемой как система более высокого порядка [11].

Заключение

Интеграция смарт-контрактов в системы экономического управления бизнесом является стратегически значимым направлением развития высокотехнологичных хозяйствующих субъектов, претендующих на лидирующие рыночные позиции в институциональных условиях цифровой экономики и инфраструктурных условиях Индустрии 4.0. По своему содержанию и правовым последствиям смарт-контракты следует рассматривать в качестве электронных аналогов традиционным бумажным договорам, переведенным в программный код.

Цифровое исполнение смарт-контракта позволяет алгоритмически формализовать и структурировать принятые бизнес-сторонами на себя договорные обязательства, распространяющиеся на различные этапы жизненного цикла продукции. Контрольно-учетные функции смарт-контракта реализуются путем его информационного подключения через программы-оракулы к объектам внутренней и внешней среды хозяйствующего субъекта, выступающего участником сделки. Статус смарт-контракта определяет его состояние как элемента системы экономического управления бизнесом, обладающего триггерным эффектом срабатывания.

Информационными объектами (источниками и приемниками данных) смарт-контрактов в сегменте высокотехнологичной промышленности являются производственное оборудование, выполненное в классе автономных киберфизических систем, и финансовые активы, объединенные в общее сетевое решение на основе интернет-протоколов и каналов беспроводной связи. В связи с этим автоматический мониторинг значимых для статуса смарт-контракта данных целесообразно организовывать в виртуальном пространстве (цифровой экосистеме⁷ или цифровой платформе⁸ бизнеса [12; 13]), к которому под-

⁷ Согласно определению дорожной карты развития сквозной цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, «экосистема — это экономическое сообщество, которое состоит из совокупности взаимосвязанных организаций и физических лиц. Экономическое сообщество производит товары и услуги, ценные для потребителя, которые также являются частью экосистемы».

⁸ Согласно дорожной карте развития сквозной цифровой технологии «Новые производственные технологии», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового

ключены разработчики, изготовители, дистрибьютеры, заказчики и потребители продукции, входящие в состав глобальной цепочки создания и распределения ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов К.В. Перспективы формирования киберфизических систем в промышленности в условиях Индустрии 4.0 // Экономика и управление в машиностроении. 2020. № 4. С. 27–31.
2. Анохов И.В. Движущие силы Индустрии 4.0 и ее последствия для человека и экономики // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 3. С. 379–387.
3. Гаркушенко О.Н. Информационно-коммуникационные технологии в эпоху становления смарт-промышленности: проблемы определения и условия развития // Экономика промышленности. 2018. № 2(82). С. 50–75.
4. Захаркина А.В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 66–82.
5. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118–147.
6. Фокина Д.А. Информационно-технологические платформы машиностроительных предприятий // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 11(79). С. 2642–2651.
7. Жиронкин С.А., Гасанов М.А., Гузырь В.В., Жиронкин В.С. Блокчейн как технологическая платформа сетевого типа структурогенезиса в экономике // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 49. С. 259–275.
8. Михайлова Л.В., Сазонова М.В., Дикова О.Д. Особенности бизнес-модели и проблемы реализации новой технологической концепции в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 66–73.
9. Шаталова Т.Н., Чебыкина М.В. Ключевые факторы, влияющие на управление инновационной активностью промышленных предприятий // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. Т. 12. № 1. С. 123–131.
10. Акбердина В.В., Смирнова О.П. Сетевые сопряженные производства в контексте четвертой промышленной революции // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 116–125.
11. Жаринов И.О. Экономическое управление бизнес-системами Индустрии 4.0 // Петербургский экономический журнал. 2021. № 3. С. 20–25.

развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, «цифровая платформа — это ресурс для проектирования и производства глобально конкурентоспособных продуктов нового поколения, проведения виртуальных испытаний, создания виртуальных полигонов и стендов, «цифровых двойников» изделий и процессов их производства с применением передовых производственных технологий».

12. Захаров В.Я., Трофимов О.В., Фролов В.Г., Новиков А.В. Управление экосистемой: механизмы интеграции компаний в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // *Лидерство и менеджмент*. 2019. Т.6. № 4. С. 453–468.
13. Корецкий А.С. Принципы формирования цифровой экосистемы управления процессами на основе бизнес-модели // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 84. С. 221–240.

REFERENCE

1. Anisimov K.V. prospects for the formation of cyber-physical systems in industry in the context of Industry 4.0 // *Economics and management in mechanical engineering*. 2020. № 4. Pp. 27-31. (In Russ).
2. Anokhov I.V. drivers of Industry 4.0 and its implications for the individual and economy // *proceedings of the Baikal state University*. 2019. Vol. 29. № 3. Pp. 379–387. (In Russ).
3. Garkushenko O.N. Information and communication technology in the era of the formation of the smart industry: problems of definition and development conditions // *Industrial economics*. 2018. № 2(82). Pp. 50-75. (In Russ).
4. Zakharkina A.V. Smart contract in the conditions of formation of the regulatory platform of the ecosystem of the digital economy of the Russian Federation // *Bulletin of the Perm University. legal sciences*. 2020. № 47. Pp. 66–82. (In Russ).
5. Truntsevsky Yu.V., Sevalnev V.V. Smart contract: from definition to certainty // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2020. № 1. Pp. 118–147. (In Russ).
6. Fokina D. A. Information and technological platforms of machine-building enterprises // *Scientific review: theory and practice*. 2020. Vol. 10. № 11(79). Pp. 2642–2651. (In Russ).
7. Zhironkin S.A., Hasanov M.A., Guzyr V.V., Zhironkin V.S. Blockchain as a technological platform of the network type of structurogenesis in economics // *Bulletin of the Tomsk State University. Economics*. 2020. № 49. Pp. 259–275. (In Russ).
8. Mikhailova L.V., Sazonova M.V., Dikova O.D. Features of the business model and problems of implementing a new technological concept in Russia // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics*. 2020. № 1. Pp. 66–73. (In Russ).
9. Shatalova T.N., Chebykina M.V. Key factors influencing the management of innovative activity of industrial enterprises // *Bulletin of the Samara University. Economics and management*. 2021. Vol. 12. № 1. Pp. 123–131. (In Russ).
10. Akberdina V.V., Smirnova O.P. Network associated production in the context of the fourth industrial revolution // *Journal of economic theory*. 2017. Vol. 4. Pp. 116–125. (In Russ).
11. Zharinov I.O. The economic management of the Industry 4.0 business systems // *Saint Petersburg economic journal*. 2021. № 3. Pp. 20–25. (In Russ).
12. Zakharov V.I., Trofimov O.V., Frolov, V.G., Novikov A.V. management of the ecosystem: the mechanisms of integration of companies in accordance with the concept of the «Industry 4.0» // *Leadership and management*. 2019. Vol. 6. № 4. Pp. 453–468. (In Russ).
13. Koretsky A.S. Principles of the digital ecosystem management processes based on the business model // *Public administration. Electronic bulletin*. 2021. № 84. Pp. 221–240. (In Russ).

Дата поступления рукописи: 02.11.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Zharinov Igor Olegovich – Dr. Sci. (Tech.), Professor, Professor at the Faculty of Security of Information Technology of the Federal State Budgetary Institution of High Education – ITMO National Research University, Saint Petersburg, Russia
mpbva@mail.ru

REGULATION OF INTERACTION PROCESS OF ECONOMIC ORGANIZATIONS
USING A SMART CONTRACT IN MANAGEMENT LOOP

Management of economic organizations using smart contracts is considered. The management of the organizations using smart contract technologies is associated with the deep digitalization of their operating activities and corresponds to the institutional conditions of the digital economy. The article outlines a framework and some details of management system, which are relevant for high-tech industries adopted to the infrastructure concepts of Industry 4.0. The management objects are defined as «factories of the future». They are digital, smart and virtual factories. Their business relations form a cross-cutting chain of creation and distribution of consumer value in the general business system. The management is implemented for a full product lifecycle contract, where a digital factory develops product, a smart factory manufactures the product, and a virtual factory provides product service. The management system is designed as closed loop with feedbacks and sub-regulators that support the principle of autonomy of the business processes of each of the factories.

Keywords: *economic entity, economic management, smart contract, Industry 4.0.*

JEL: G34, J54, M11.

Л.Н. ИВАНОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

РОССИЙСКИЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СЕКТОР: МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РОСТА ВЫПУСКА ПРОДУКЦИИ И ЭКСПОРТА

В статье рассмотрены вопросы, связанные с развитием агропродовольственного сектора и состоянием его материально-технической базы. Исследуются результаты поступления инвестиций в основной капитал агропродовольственных отраслей, а также трансформация институциональных условий их привлечения. Обосновывается позиция, согласно которой техническая модернизация производственных активов длительного пользования является необходимым условием выпуска агропродовольственной продукции в объемах, обеспечивающих потребности внутреннего рынка, а также расширение экспорта продовольствия.

Ключевые слова: аграрная политика, агропродовольственный сектор, производство и переработка сельхозпродукции, инвестиции в основной капитал, износ основных фондов.

JEL: O10, O20, Q10, Q18.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_96_111.

Агропродовольственный сектор представляет собой сердцевину агропромышленного комплекса (АПК). Он непосредственно связан с производством продовольствия и переработкой сырья¹. Его выделение в качестве самостоятельного объекта анализа позволяет рассматривать остальные отрасли АПК как ресурсные или логистические по отношению к центральному звену, отвечающему за выпуск продовольствия как для внутренних, так и для внешних нужд.

---

¹ С точки зрения классификации Росстата агропродовольственный сектор представляет собой совокупность пяти отраслей: сельское хозяйство, рыболовство и рыбоводство, производство пищевых продуктов, производство напитков и производство табачных изделий.

Все последние годы российский агропродовольственный сектор демонстрирует весьма неплохие показатели. За период с 2000 г. по 2020 г. выпуск продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах увеличился на 70%². К началу 2020 г. Россия оказалась крупнейшим в мире производителем ячменя, заняла 2-е место по производству семян подсолнечника, 3-е место – по производству картофеля и молока, 4-е место – по производству пшеницы и 5-е место – по производству яиц и мяса кур³.

Успехи агропродовольственного сектора связаны не только с сельским хозяйством. В России быстрыми темпами развивается производство пищевых продуктов, которое за период 2013–2020 гг. выросло на 36%⁴. В 2020 г. экспорт готовых продовольственных товаров составил 9,8 млрд долл.⁵, или треть всего продовольственного экспорта⁶. При этом объем экспорта готовой продукции растет: по сравнению с предшествующим годом он увеличился на 1,5 млрд долл.⁷

В целом можно констатировать, что совокупность мер, предпринимаемых российскими властями в отношении АПК и агропродовольственного сектора, как его важнейшей части, показала достаточно высокую эффективность с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности, стимулирования аграрного производства и экспорта. Тем не менее актуальным остается вопрос: насколько устойчивой является ситуация, сложившаяся в настоящее время в отраслях, непосредственно связанных с производством продовольствия и его экспортом, и какие задачи экономической политики в отношении данных отраслей следует рассматривать в качестве приоритетных? Для ответа на него обратимся к анализу инвестиционных процессов в российском агропродовольственном секторе и материально-технических и институциональных условий дальнейшего наращивания выпуска агропродовольственной продукции, обеспечивающего одновременно и расширение экспорта, и обеспечение устойчивости внутреннего продовольственного рынка.

² Рассчитано на основании данных Росстата: Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 138.

³ Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2020 г. № 993-р.

⁴ Рассчитано на основании данных Росстата: Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб./Росстат. М., 2018. С. 338.; Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 122.

⁵ Институт конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР). <http://ikar.ru/1/articles/313>.

⁶ По данным Росстата, объем российского продовольственного экспорта в 2020 г. составил 29,6 млрд долл. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>.

⁷ Институт конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР). <http://ikar.ru/1/articles/313>.

Инвестиционные процессы в российском агропродовольственном секторе и состояние его материально-технической базы

По своей сути задача роста аграрного производства, переработки и экспорта, являясь комплексной, «охватывает практически все аспекты аграрной проблематики и предполагает гармоничное развитие агропродовольственного сектора в целом»⁸. Однако до последнего времени успехи российской аграрной политики выражались преимущественно в увеличении валовых показателей развития, в то время как внутри самого агропродовольственного сектора сохранялись проблемные зоны, в том числе связанные с его недостаточной технической и технологической модернизацией, что потенциально способно сдерживать развитие выпуска и экспорта продовольствия.

Сохранение этих проблемных зон на фоне роста выпуска продукции во многом обусловлено характером инвестиционных процессов. За период 2014–2020 гг. суммарные инвестиции в основной капитал агропродовольственных отраслей составили 6,7 трлн руб. (65,5% инвестиций поступило в сельское хозяйство, 3,4% – в рыболовство и рыбоводство, 25,3% – в пищевую промышленность, 4,1% – в производство напитков и 1,6% – в производство табачных изделий). В общем объеме российских инвестиций в основной капитал доля агропродовольственных отраслей составляет 5,8%⁹. Анализ показывает, что, во-первых, это в целом эквивалентно вкладу данного сектора в производство валовой добавленной стоимости и экспорт. Во-вторых, соответствие доли сектора в производстве валовой добавленной стоимости, экспорте и инвестициях в основной капитал с незначительными отклонениями является достаточно устойчивым. Исключением стал 2020 г., когда увеличение доли продовольствия в структуре экспорта было связано с общим падением непродовольственного экспорта из-за сжатия мирового спроса на непродовольственные товары под воздействием эпидемиологического кризиса. В-третьих, доля сектора в инвестициях в основной капитал, как правило, оказывается несколько меньше его вклада в валовую добавленную стоимость (см. рис. 1). Представляется, что в совокупности все это отражает то обстоятельство, что инвестиции в основной капитал агропродовольствен-

⁸ Экспортный потенциал агропромышленного комплекса Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации // Аналитический вестник. 2019. № 18 (732). С. 4.

⁹ Рассчитано на основании данных Росстата: Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 85.

ных отраслей до последнего времени носили не столько стратегический, сколько оперативный характер¹⁰.

Источник: составлено автором на основании данных Росстата: Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2021; Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. М.: 2018; Валовая добавленная стоимость по отраслям экономики (в текущих ценах, млрд руб.) 2011–2020 гг. Росстат. 2021. <https://rosstat.gov.ru/accounts>.

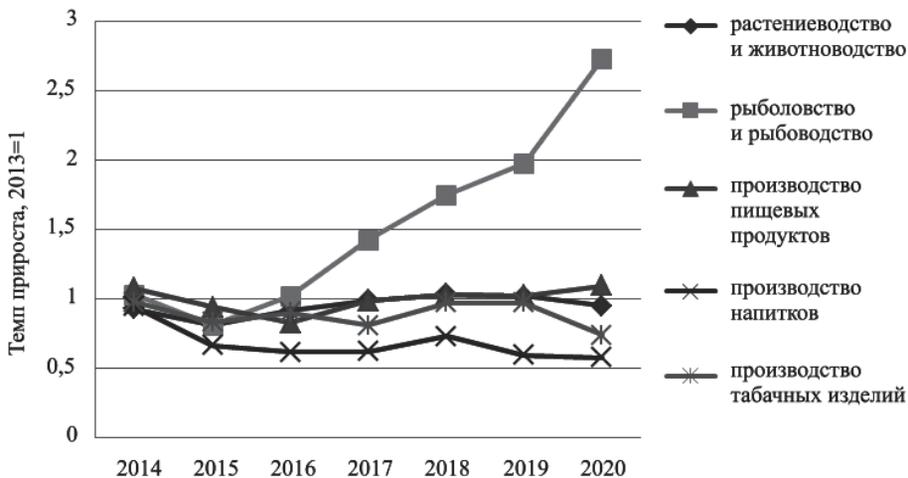
Рис. 1. Удельный вес агропродовольственных отраслей в валовой добавленной стоимости, инвестициях в основной капитал и экспорте товаров

При оперативном типе инвестирования рост выпуска осуществляется за счет использования интенсивных некапиталоемких факторов без обновления основных фондов и существенных внутриотраслевых структурных изменений. В сельском хозяйстве при подобном типе инвестирования рост выпуска растениеводческой продукции может быть сопряжен с масштабным применением более качественного семенного материала (в том числе иностранного производства), различных разработок в области селекции и средств защиты растений, оптимизацией севооборота и существенным наращиванием масштабов химизации (показатель внесения минеральных удобрений на 100 га посевной площади в сельхозорганизациях в 2010–2020 гг. увеличился

¹⁰ Хотя в данном случае выделение оперативного и стратегического типов инвестирования является в определенной мере условным, оно все же дает общее представление о степени изменений в состоянии основных фондов, структуре производства и росте выпуска продукции, к которым эти инвестиции приводят.

почти в два раза – с 38 кг до 69 кг.)¹¹. Рост выпуска животноводческой продукции в этом случае сопряжен преимущественно с активным использованием современных достижений генетики, использованием более качественных кормов и кормовых добавок (в том числе на основе импортируемого лизина). В свою очередь рост выпуска в перерабатывающих отраслях (пищевой промышленности, производстве напитков и табачных изделий) подразумевает использование простаивающих мощностей, некоторых относительно некапиталоемких современных технологий, современных видов упаковки, отдельных продуктовых инноваций имитационного свойства и т. д.

Стратегический тип инвестирования приводит к существенному обновлению основных производственных фондов и изменению внутриотраслевой структуры, т. е. к повышению уровня передела или появлению новых производственных подотраслей. Как показывает анализ, стратегический характер инвестирования в последние годы был свойственен только отрасли «рыболовство и рыбоводство». В 2014–2020 гг. темп прироста инвестиций в данной отрасли увеличился почти в три раза, в то время как в других агропродовольственных отраслях эти темпы остались практически неизменными (см. рис. 2).

Источник: рассчитано автором на основании данных Росстата: Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. / Росстат. М.: 2021; Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018; Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020; ФСГС РФ. Технологическое развитие отраслей экономики. Инвестиции. <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>.

Рис. 2. Динамика индекса физического объема инвестиций в основной капитал в отраслях агропродовольственного сектора в 2014–2020 гг. (2013 = 1)

¹¹ Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 142.

Трансформация отрасли «рыболовство и рыбоводство» в результате притока значительного объема инвестиций заслуживает самостоятельного изучения, но в рамках настоящего исследования выделим несколько основных моментов. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что долгое время в структуре российского экспорта фигурировала одна позиция – «рыба свежая и мороженная», и только в 2012 г. к ней добавляется позиция «ракообразные и моллюски». После этого объем экспорта по новому виду продукции стал быстро нарастать. Если к 2020 г. объем экспортируемой рыбы как в натуральной, так и стоимостной форме вырос только на 30%, то экспорт ракообразных и моллюсков в натуральном выражении вырос в 3 раза, а в стоимостном выражении – в 5,6 раза. В результате структура экспорта по отрасли «рыболовство и рыбоводство» изменилась: в 2012 г. ракообразные и моллюски занимали 13%, а рыба – 87%, а в 2020 г. – 39 и 61% соответственно. Под влиянием притока инвестиций износ основных фондов отрасли к 2020 г. сократился на 20 процентных пунктов по сравнению с 2010 г. Доля полностью изношенных машин и оборудования и транспортных средств в 2020 г. составила 8,5% и 8% соответственно. Это оказалось не только намного меньше, чем в остальных агропромышленных отраслях, но и во всем реальном секторе. Столь существенное «омоложение» рыбной отрасли связано с приобретением новых активов длительного использования, т. е. в данном случае – новых рыболовецких судов, оборудования для индустриальной аквакультуры и т. д. В итоге за счет инвестирования стратегического характера сформировалась принципиально новая экспортная подотрасль, которая во многом обеспечила почти удвоение стоимостного объема экспорта морепродуктов (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика стоимостных и натуральных показателей экспорта продукции по отрасли «рыболовство и рыбоводство»

	Рыба свежая и мороженная		Ракообразные и моллюски		Экспорт морепродуктов, всего	
	млн т	млн долл.	млн т	млн долл.	млн т	млн долл.
2012	13474,3	21071,2	436,9	3185,9	13911,3	24257,1
2020	17220,2	27969,1	1252,3	17854,6	18472,4	45823,7
2020/2012	1,3	1,3	2,9	5,6	1,3	1,9

Источник: составлено автором по: ЕМИСС. Официальные статистические показатели. Экспорт отдельных товаров. <https://fedstat.ru/indicator/37393>.

Если в рыбной отрасли наблюдался взрывной рост инвестиций в основной капитал и она существенно трансформировалась, то остальные отрасли агропродовольственного сектора продолжали

существовать в режиме оперативного некапиталоемкого инвестирования. Нельзя отрицать, что инвестиции оперативного типа на определенном этапе способствовали росту общего выпуска агропродовольственной продукции. В 2000–2020 гг. урожайность основных сельскохозяйственных культур выросла в среднем в 1,5–2 раза, в сельскохозяйственных организациях надои на одну корову увеличились в 2,9 раза, а производство мяса (скот и птица) в убойном весе – в 5,1 раза¹². Однако развитие сектора только за счет оперативного инвестирования без существенного обновления активов длительного пользования возможно только на ограниченных отрезках времени и несовместимо со стратегической задачей расширения экспорта при одновременном поддержании стабильности на внутреннем рынке.

Ввиду особенностей статистического учета в ретроспективе можно проследить динамику состояния основных фондов только по отраслям «сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих отраслях» и «рыболовство и рыбоводство». По остальным отраслям это можно сделать только начиная с 2017 г. Но даже при анализе такого урезанного формата данных хорошо видно, что «омоложение» основных фондов в наибольшей степени затронуло отрасли, непосредственно связанные с биоресурсами, т. е. рыбную отрасль и сельское хозяйство. При этом динамика износа основных фондов в сельском хозяйстве демонстрирует волнообразный характер. В 2000–2010 гг. происходило сокращение износа (не исключено, что определенную роль в этом сыграли принятие Земельного кодекса РФ и Приоритетный национальный проект «Развитие АПК»), а затем износ опять начинает нарастать и в 2013–2020 гг. увеличивается на 6,7 процентных пункта. Если исходить из того, что 2013 г. – это год начала реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., а также начала применения Правил предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники (Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1432), то очевидно, что с точки зрения технической модернизации сектора, запланированные в этих документах меры оказались недостаточно эффективны. Обращаем также внимание на то, что износ основных фондов в перерабатывающих отраслях, составляющий 50–60%, демонстрирует тенденцию к росту (см. табл. 2), что позволяет поставить под сомнение возможность серьезного наращивания объемов экспорта готовой продовольственной продукции в среднесрочной перспективе.

¹² Рассчитано на основании данных Росстата: Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2021. С. 144, 148, 139.

Таблица 2

Степень износа основных фондов (на конец года; по полной учетной стоимости) по коммерческим организациям (без субъектов малого предпринимательства), %

	2000	2005	2010	2013	2017	2018	2019	2020
Сельское хозяйство	50,4	42,6	32,7	35,5	40,2	40,7	40,7	42,2
Рыболовство и рыбоводство	–	51,5	60,3	51,3	50,1	49,5	48,4	40,2
Производство пищевых продуктов	–	–	–	–	46,7	48,3	50,2	51,6
Производство напитков	–	–	–	–	61,1	61,1	61,4	64,1
Производство табачных изделий	–	–	–	–	58,9	61,0	59,3	59,6

Источник: составлено на основании данных Росстата: Российский статистический ежегодник. 2003. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015.; ЕМИСС. Официальные статистические показатели. <https://www.fedstat.ru/indicator/58513>; <https://www.fedstat.ru/indicator/58505>.

Отдельного внимания заслуживает изучение состояния техники, непосредственно участвующей не только в производстве, но и транспортировке продукции. Это связано с тем, что при расширении выпуска аграрной продукции, и тем более ее экспорта, технические возможности транспортировки как составной части логистической инфраструктуры внутренних и внешних поставок приобретают дополнительное значение¹³.

Анализ имеющихся в открытом доступе статистических данных показывает, что износ используемых в агропродовольственных отраслях технических и транспортных средств находится на высоком уровне и продолжает расти. Относительно невысокая степень износа машин и оборудования, а также транспорта на уровне в 37 и 8% соответственно наблюдается только в отрасли «рыболовство и рыбоводство», хотя даже здесь произошло незначительное увеличение степени износа транспортных средств. В сельском хозяйстве и пищевой промышленности степень износа техники, включая транспорт, в среднем составляет 60%, а доля полностью изношенной техники находится на уровне 15–20%. В производстве напитков и табачных изделий уровень износа достигает 65–75%, а транспортных средств – 55–70%. При этом

¹³ Экспортный потенциал агропромышленного комплекса Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации// Аналитический вестник. 2019. № 18 (732). С. 5.

весьма важным является то обстоятельство, что уровень износа техники в сельском хозяйстве и переработке растет на протяжении всех последних лет, т. е. именно тогда, когда успехи российского АПК на внешнем рынке стали особенно заметны (см. табл. 3).

Таблица 3

Степень износа (на конец года; по полной учетной стоимости) и доля полностью изношенных машин, оборудования и транспортных средств коммерческих организаций (без субъектов малого предпринимательства), %

	Машины и оборудование				Транспортные средства			
	степень износа, %		полностью изношенные, %		степень износа, %		полностью изношенные, %	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
Сельское хозяйство	54,6	58,8	15,9	20,1	55,4	59,2	16,1	19,0
Рыболовство и рыбоводство	46,5	36,6	10,2	8,5	56,7	47,4	5,4	8,0
Производство пищевых продуктов	58,3	62,3	19,0	22,2	51,7	56,7	14,3	15,9
Производство напитков	72,8	75,2	37,6	40,4	63,5	66,4	27,9	30,6
Производство табачных изделий	64,2	63,5	34,7	35,7	68,3	70,2	42,7	43,9

Источник: ЕМИСС. Официальные статистические показатели. <https://www.fedstat.ru/indicator/58513>; <https://www.fedstat.ru/indicator/58505>.

Необходимо подчеркнуть, что проблема износа основных фондов агропродовольственного сектора в последние годы приобретает особую актуальность, на что обращено внимание в целом ряде исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6]. При этом нельзя исключить, что в краткосрочной, а возможно, и в среднесрочной перспективе российский агропродовольственный сектор продолжит демонстрировать рост валовых показателей. Однако без инвестиции в активы длительного пользования производительная деятельность агропромышленных предприятий будет сопряжена с рисками разного рода отклонений от технологических схем и сбоям в системе производства. В таких условиях будет весьма непросто обеспечить гарантированный объем производства продукции надлежащего качества, что является одним из условий завоевания устойчивой позиции в международной торговле[7]. Если же говорить об экспорте готовой продукции, то совершенно очевидно, что задача его устойчивого увеличения предполагает серьезные инвестиции в обновление материально-технической базы всех перерабатывающих отраслей.

Трансформация институциональных условий привлечения инвестиций в материально-техническое обеспечение роста выпуска агропродовольственной продукции

Технико-технологическая модернизация агропродовольственных отраслей всегда в той или иной мере находилась в фокусе российской аграрной политики. Даже в период острого трансформационного кризиса 90-х годов эти вопросы так или иначе решались, и часть сельскохозяйственных товаропроизводителей могла, хотя и в незначительных масштабах, получить некоторую помощь от государства на цели технического переоснащения.

В начале 2000-х годов предпринимаются шаги по перестройке механизмов, касающихся технического обеспечения российского АПК на основе привлечения частных инвестиций. Предполагалось, что созданные в этот период госкомпании – Россельхозбанк и Росагролизинг – смогут изменить качество бизнес-среды через льготное кредитование, лизинг с господдержкой, различные программы софинансирования бизнес-проектов, находясь при этом сами в рыночной среде и обеспечивая свою безубыточность. Однако в условиях ограниченности ресурсов, разрыва хозяйственных связей, слабости коммуникаций и невысокого уровня экспертизы на начальном этапе деятельность данных институтов развития мало отличалась от деятельности коммерческих структур. Но по мере того, как развивалась российская финансовая система и формировался каркас современной российской аграрной политики, вписанный в формат государственных программ, Россельхозбанк и Росагролизинг накапливали опыт и компетенции. Они начинали действовать более профессионально и более эффективно, тем более что оба эти института развития несколько раз были докапитализированы и активно участвовали в реализации Приоритетного национального проекта «Развитие АПК», а затем – Государственных программ развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Несмотря на то, что задача технической модернизации так или иначе была обозначена, а в госпрограммах развития сельского хозяйства были предусмотрены соответствующие статьи расходов, во-первых, данное направление, хотя и заявлялось как приоритетное, содержательно достаточно долго им не являлось, а, во-вторых, применяемый инструментарий был не вполне адекватен задаче модернизации непосредственно самых агропродовольственных отраслей. Основными реципиентами господдержки оказывались преимущественно наиболее крупные агрохолдинги, некоторые предприятия сельхозмашиностроения и коммерческие банки.

Ситуация начала меняться только в 2017 г., когда в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия был включен Приоритетный проект «Экспорт продукции АПК», а также начали действовать Правила предоставления из федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по льготным кредитам, выданным производителям и переработчикам сельхозпродукции (Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1528). В течение следующих нескольких лет правительство РФ приняло ряд нормативно-правовых актов, которые в совокупности сформировали новую систему стимулирующих мер, направленных на обновление материально-технической базы агропродовольственного сектора. В частности, было принято решение об использовании механизма возмещения предприятиям части прямых понесенных затрат, направленных на создание новых и (или) модернизацию существующих производственных объектов за счет средства федерального бюджета (Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2018 г. № 1413), а также решение о субсидировании льготных кредитов сельскохозяйственным товаропроизводителям при условии заключения соглашения о повышении конкурентоспособности (Постановление Правительства РФ от 26 апреля 2019 г. № 512). Благодаря этим решениям в стране была создана многоканальная система предоставления льгот и субсидий для сельхозпроизводителей, решающих задачи технического перевооружения. Россельхозбанк и Росагролизинг являются элементами данной системы наряду с привлеченными негосударственными компаниями.

Что касается кредитных ресурсов, то здесь действует пул кредитных организаций, которые обладают компетенциями для работы с аграриями и переработчиками, чей бизнес имеет свою специфику и, как известно, ярко выраженный сезонный характер. Представители агропродовольственного сектора могут воспользоваться льготным кредитом краткосрочного и инвестиционного плана (субсидируемые инвестиционные кредиты) через систему банков, уполномоченных Минсельхозом РФ кредитовать аграриев и переработчиков сельхозпродукции по ставке, не превышающей 5%. Недополученные при этом банковские доходы возмещаются напрямую из федерального бюджета. Начиная с 2017 г. право воспользоваться кредитом на данных условиях получили все предприниматели, осуществляющие производство, переработку, а также реализацию сельскохозяйственной продукции и продовольствия. В общей сложности в 2020 г. Минсельхоз РФ через систему уполномоченных банков просубсидировал 5,6 тыс. инвестиционных кредитов, общий объем субсидий по которым составил

23,3 млрд руб.¹⁴ По состоянию на ноябрь 2021 г. на сайте Минсельхоза РФ был размещен список из 44 банков, уполномоченных осуществлять льготное кредитования. Основным оператором льготного кредитования аграрной сферы остается Россельхозбанк, который обладает всеми необходимыми компетенциями, а также обширной сетью территориальных отделений, 70% которых расположены в сельских пунктах и малых городах¹⁵.

Если говорить о механизмах, стимулирующих предпринимателей приобретать новую технику и оборудование, то здесь необходимо выделить два основных направления. Первое связано с одновременной поддержкой и предприятий сельхозмашиностроения, и сельскохозяйственных товаропроизводителей. Речь идет о Правилах предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники (Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1432). Данные правила выдержали 12 редакций и продолжают действовать до сих пор, хотя и в измененном виде. В соответствии с ними субсидии получали производители сельхозтехники при условии предоставления скидок при продаже этой техники аграриям. Размер скидок составлял 25–30% в зависимости от региона. Как показала практика, данная мера оказалась эффективной прежде всего исходя из задач развития отечественного сельхозмашиностроения. До 2020 г. выделением соответствующих субсидий занимался Минсельхоз РФ. С 2020 г., согласно Постановлению Правительства РФ от 8 мая 2020 г. № 650, эта функция перешла к Минпромторгу РФ, однако общая установка на субсидирование государством покупки сельхозтехники отечественного производства полностью сохранена, и механизм, в соответствии с которым часть затрат на технику компенсируется за счет бюджета, продолжает действовать¹⁶. Второе направление связано с предоставлением аграриям и переработчикам лизинговых услуг с господдержкой. Крупнейшей компанией, действующей в этом сегменте рынка, является Росагролизинг: в 2020 г. его доля в лизинговых услугах, предоставляемых аграриям, составляла 56%¹⁷. Несколько лет назад была сделана ставка на привлечение к оказанию льготных лизин-

¹⁴ Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2020 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. С. 84. <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/953/953ee7405fb0ebba38a6031a13ec0021.pdf>.

¹⁵ Отчет АО «РОССЕЛЬХОЗБАНК». 2020. С. 5–6. https://www.rshb.ru/investors/year_report.

¹⁶ Бизнес.Ру – большой портал для малого бизнеса. <https://www.business.ru/article/2760-lizing-eto>.

¹⁷ Годовой отчет АО «Росагролизинг». 2020. С. 42. <https://www.rosagroleasing.ru/company/reports>.

говых услуг частных компаний. К настоящему времени в стране сформирована многоканальная система, в которую вовлечена часть частных лизинговых компаний, имеющих опыт работы в агропродовольственном секторе, заключивших соглашения с Минсельхозом РФ и получающих субсидии из бюджета в счет недополученных доходов. Помимо системы предоставления услуг по льготному лизингу, оператором которой является Минсельхоз РФ, представители агропродовольственного бизнеса могут воспользоваться льготным лизингом оборудования и техники через программы, координатором которых выступают другие государственные ведомства, например, Министерство экономического развития РФ, Министерство промышленности и торговли РФ и Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства.

В настоящее время можно считать, что формирование механизма стимулирования технического и технологического обновления российского агропродовольственного сектора в основных своих чертах приближается к завершению. Во-первых, произошло размежевание функций между регуляторами, отвечающими за субсидирование агропродовольственных отраслей, и за их материально-техническое обеспечение, т. е. между Минсельхозом РФ и Минпромторгом РФ. Во-вторых, в правовом и организационном плане отработана многоканальная система доведения льгот по кредиту и лизингу до представителей агропродовольственного сектора. В-третьих, нормативно-правовое обеспечение процессов технико-технологической модернизации существенно скорректировано. При утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на стимулирование спроса и повышение конкурентоспособности российской промышленной продукции (Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 1908) были признаны утратившими силу 46 нормативно-правовых актов, действовавших в этой сфере в 2014–2019 гг. И, в-четвертых, Правительство РФ, утвердив Правила предоставления государственной поддержки лизинговым организациям в целях возмещения недополученных доходов при уплате лизингополучателем платежей по договорам лизинга высокотехнологичного оборудования и техники, в том числе иностранного производства (Постановление Правительства РФ от 7 августа 2021 г. № 1313), существенно изменило условия роста уровня технологичности всей российской экономики. Теперь упор предлагается делать на льготный лизинг как хорошо отработанный и эффективный инструмент модернизации российского реального сектора, включая агропродовольственные отрасли.

Заключение

Подытоживая изложенное выше, можно сформулировать следующие выводы относительно материально-технических и институциональных условий роста выпуска продукции агропродовольственного сектора и ее экспорта.

Во-первых, неудовлетворительное состояние основных производственных фондов в условиях, когда достигнуты сравнительно высокие показатели производства и экспорта продовольствия, отражает специфический оперативный тип инвестирования в основной капитал. Последние годы именно такой тип инвестирования является преобладающим во всех отраслях агропродовольственного сектора, за исключением рыболовства и рыбоводства.

Во-вторых, развитие агропродовольственного сектора без существенного обновления активов длительного пользования возможно только на ограниченных отрезках времени и несовместимо с задачей расширения экспорта при одновременном росте внутреннего потребления. Поэтому переход к стратегическому типу инвестирования, при котором увеличение выпуска продукции связано с созданием новых или модернизацией существующих производственных активов, – необходимое условие устойчивого роста всех агропродовольственных отраслей.

В-третьих, несмотря на то, что в программных документах правительства задачи технической модернизации были обозначены еще в 90-е годы, фактически они не являлись приоритетными, а используемый инструментарий их достижения был неэффективным. Формирование нового механизма стимулирования технико-технологической модернизации агропродовольственных отраслей, начавшееся с 2017 г., к настоящему времени в основном завершено. Но результаты его внедрения будут заметны только в среднесрочной перспективе, а в ближайшие несколько лет данный механизм необходимо будет тестировать и дорабатывать с учетом предложений производителей и переработчиков сельхозпродукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов А.В. Рыночные предпосылки создания машинно-технологических компаний в структурах агробизнеса // Вестник сельского развития и социальной политики. 2017. № 4 (16). С. 37–39.
2. Гончаров А.А. Анализ выполнения целевых программ в решении проблемы технического перевооружения сельского хозяйства // Агроинженерия. 2021. № 4 (104). С. 53–58.
3. Гончаров В.Д., Селина М.В. Совершенствование процесса воспроизводства основных фондов // Пищевая промышленность. 2016. № 1. С. 12–15.
4. Иовлев Г.А., Голдина И.И. Формирование технического потенциала для введения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения // Дискуссия. 2020. Вып. 103. С. 88–98.
5. Кузьмин В.Н. Условия для эффективного воспроизводства машинно-тракторного парка // Агроинженерия. 2021. № 5 (105). С. 48–52.
6. Фомин А.А. Анализ переработки сельскохозяйственной продукции в России и законодательное обеспечение развития отрасли // Московский экономический журнал. 2017. №3. С. 45–55.
7. Яшалова Н.Н., Рубан Д.А., Михайленко А. В. Износ основных фондов в сельском хозяйстве российских регионов как фактор экономической безопасности // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2016. Т. 15. № 5. С. 753–779.

REFERENCES

1. Alpatov A.V. Market prerequisites of creating machine-technological companies in the structures of agribusiness // Bulletin of Rural Development and Social Policy. 2017. № 4. P. 37–39. (In Russ.).
2. Goncharov A.A. Critical assessment of the implementation of target programs in solving the problem of technical re-equipment of agriculture // Agricultural engineering. 2021. 4 (104). P. 53–58. DOI: 10.26897 / 2687-1149-2021-4-53-58. (In Russ.).
3. Goncharov V.D., Selina M.V. Improving the process of reproduction of fixed assets // Food industry. 2016. № 1. P. 1–215. (In Russ.).
4. Iovlev G.A., Goldina I.I. Formation of technical potential for the introduction of unused agricultural land into circulation // Discussion. № 6 (103). P. 88–98. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10086. (In Russ.).
5. Kuzmin V.N. Conditions for effective reproduction of the machine and tractor fleet // Agricultural engineering. 2021. P. 48–52. DOI: 10.26897 / 2687-1149-2021-5-48-52. (In Russ.).
6. Fomin A. Alexander. Analysis of processing of agricultural products in Russia and legislative support for the development of the industry // Moscow economic journal. 2017. № 3. P. 45–55. (In Russ.).
7. Yashalova N.N., Ruban D.A., Mikhailenko A.V. Fixed assets wear in the agriculture of russian regions as a factor of economic security // Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management. 2016. Vol. 15. No 5. P. 753–779. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 02.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Ivanova Lyudmila Nikolaevna – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
iva-lusa@yandex.ru

RUSSIAN AGRI-FOOD SECTOR: MATERIAL, TECHNICAL AND INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR OUTPUT AND EXPORT GROWTH

The article discusses issues related to the development of the agri-food sector and its material and technical base. The modern Russian agrarian policy is analyzed. The results of capital stock investments to agro-food industries, as well as the transformation of the institutional conditions for investment attraction, are investigated. It is shown that technical modernization of durable assets is a condition to meet the needs of the domestic agri-food market, as well as the expansion of food exports.

Keywords: *agricultural policy, agri-food sector, production and processing of agricultural products, capital stock investments, depreciation of fixed capital.*

JEL: O10, O20, Q10, Q18.

ФИНАНСЫ

И.Н. ГУРОВ

кандидат экономических наук, СЧА, доцент кафедры финансов и кредита
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ПО ДЕПОЗИТАМ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ИТОГИ 2020–2021 гг.

В первой половине 2020 г. были анонсированы изменения с 01.01.2021 г. в налогообложении доходов по депозитам, что привело к снижению привлекательности рублевых банковских вкладов для физических лиц, в том числе по сравнению с валютными вкладами. Цель настоящего исследования – оценить влияние изменений в области налогообложения на динамику рублевых и валютных вкладов домохозяйств. В исследовании применяются такие научные методы, как анализ, синтез, лонгитюдный метод, дескриптивный и регрессионный анализ. В соответствии с полученными результатами отток рублевых депозитов вследствие изменений налогообложения составил около 0,50–0,66% в месяц за период с мая 2020 г. по ноябрь 2021 г. (значимо на 5% уровне). За весь указанный период это составляет около 2,4 трлн руб., или 2,3% ВВП. В то же время наблюдался приток валютных депозитов в размере около 0,15–0,30% в месяц. За указанный период это соответствует около 0,35 трлн руб., или 0,33% ВВП. Также имеются основания полагать, что эти явления будут наблюдаться во второй половине 2022 г., по мере приближения к сроку исполнения налоговых обязательств по НДФЛ за 2021 г. На уровне экономики в целом переток рублевых вкладов в валютные, а также вывод средств с рублевых вкладов с целью увеличения текущего потребления может оказывать негативное влияние на доступность финансовых ресурсов для компаний с рублевой выручкой.

Ключевые слова: *банковские депозиты, налогообложение доходов домохозяйств, классы активов, финансовые инструменты.*

JEL: G14, G21, G23, H22, H24, E31.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_112_132.

Введение

До 2021 г. банковские депозиты физических лиц – резидентов Российской Федерации не облагались НДФЛ (в соответствии с налоговым законодательством процентные доходы облагались НДФЛ, только если ставка по депозиту превышала на 5 процентных пунктов ставку рефинансирования, однако на практике такие случаи были единичными).

В первой половине 2020 г. были анонсированы изменения в области налогообложения доходов по депозитам физических лиц, в соответствии с которыми начиная с 01.01.2021 г. процентные доходы каждого резидента Российской Федерации, полученные с депозитов, в общей сумме превышающих 1 млн руб., облагаются НДФЛ¹.

Как будет показано далее, специфика таких изменений в налогообложении приводит к снижению привлекательности рублевых вкладов относительно других классов финансовых активов, в частности, относительно валютных вкладов. Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена тем, что указанные изменения могут повлиять на отток средств из рублевых банковских депозитов домохозяйств и на их частичный переток в валютные депозиты. Это может снизить доступность рублевых финансовых ресурсов для компаний реального сектора и повысить спрос на иностранную валюту со стороны населения.

Цель настоящего исследования – оценить влияние изменений в области налогообложения доходов по депозитам физических лиц на динамику рублевых и валютных вкладов домохозяйств.

Обзор литературы

В рамках межвременного потребительского выбора домохозяйства принимают решения об объеме сбережений и потребления [4]. Домохозяйства, являющиеся чистыми дебиторами, размещают свои сбережения посредством различных финансовых инструментов. Также и домохозяйства – чистые кредиторы могут формировать портфель финансовых активов, в частности, по мотивам предосторожности. В экономической литературе хорошо изучена тема определения оптимальной структуры инвестиционного портфеля, исследования в этой области начинаются с работ Марковица [7] и Тобина [8].

Влияние налогообложения на привлекательность финансовых активов рассматривалось в работах Фишера и Модильяни [5], Бофинджера [3], где было показано, что даже при плоской шкале налогообложе-

¹ Ст. 214.2 Налогового Кодекса РФ в ред. Федерального закона от 01.04.2020 № 102-ФЗ.

ния рост инфляции приводит к увеличению ставки налогообложения реальных доходов, полученных, в частности, от банковских депозитов. Основная причина этого заключается в том, что налогом облагается весь номинальный доход, в то время как часть такого дохода фактически является компенсацией за ожидаемую инфляцию в структуре доходности финансовых инструментов (подробнее см. формулы (3) – (7)).

В современном исследовании банка Credit Suisse [6] рассматривается применение концепции управления активами с учетом обязательств (Asset-Liability Management) и инвестирования с учетом обязательств (Liability-Driven Investing). Было показано, что экономическим агентам в процессе выбора финансовых активов для своих инвестиционных портфелей необходимо принимать во внимание, от каких факторов зависит объем их будущих расходов и обязательств.

В статье А.В. Кузнецова [2] рассматривались такие факторы спроса домохозяйств на банковские вклады, как процентные ставки, а также объем доходов и сбережений.

Таким образом, в экономической литературе представлены работы, посвященные определению оптимального состава инвестиционного портфеля, анализу привлекательности банковских депозитов для физических лиц. Однако автору настоящего исследования не удалось найти исследования, посвященные последствиям изменений налогообложения доходов домохозяйств по депозитам в России.

Влияние изменений налогообложения депозитов физических лиц на сравнительную привлекательность рублевых и валютных депозитов

Банковские депозиты традиционно выступали популярным инструментом размещения сбережений домохозяйствами в России [1]. При этом физические лица традиционно малую долю своих активов вкладывали в другие, более высокодоходные активы (в частности, в акции), однако особое внимание уделяли валютам, в которых хранили свои сбережения. Домохозяйства учитывают ожидаемое обесценивание рубля относительно валют развитых стран, так как в противном случае единственной причиной размещать сбережения в низкодоходных (относительно рублевых) валютных депозитах было бы стремление профинансировать будущие расходы, номинированные в иностранной валюте. Таким образом, рублевые и валютные депозиты часто рассматриваются как субституты, сравнительная привлекательность которых определяется ставками по этим депозитам и ожидаемой динамикой валютных курсов. Однако чувствительность инвесторов к валютному риску ограничивает взаимозаменяемость рублевых и валютных депозитов.

Тем не менее, до того, как было объявлено об изменениях в налогообложении доходов по депозитам физических лиц, должно было выполняться следующее равенство в соответствии с непокрытым паритетом процентных ставок:

$$1 + i^{RUB} = (1 + i^{FC}) * \frac{\varepsilon_1^{RUBFC}}{\varepsilon_0^{RUBFC}}, \quad (1)$$

где i^{RUB} – ставка по рублевым депозитам, i^{FC} – ставка по валютному депозиту, $\frac{\varepsilon_1^{RUBFC}}{\varepsilon_0^{RUBFC}}$ – ожидаемое изменение обменного курса соответствующей валюты к рублю.

В соответствии с (1) доходность рублевых депозитов должна быть равна доходности валютных депозитов, выраженной в рублях, с учетом ожидаемого обесценения курса рубля.

С 01.01.2021 г. налогообложение по депозитам осуществляется следующим образом. Налоговая база будет определяться как сумма процентных доходов частного инвестора (физического лица):

$$B = \sum_j D_j * i_j - 1000000 * i_{keyrate}, \quad (2)$$

где B – налоговая база, D_j – j -й вклад частного инвестора, i_j – процентная ставка по j -му вкладу, $i_{keyrate}$ – ключевая ставка, устанавливаемая Банком России. При этом если $i_j < 1\%$, то проценты по такому депозиту не включаются в налогооблагаемую базу.

Отметим, что при расчете налоговой базы предусмотрен налоговый щит, равный произведению 1 млн руб. на ключевую ставку Банка России. Таким образом, налоговая база рассчитывается как процентные доходы по всем депозитам за вычетом налогового щита.

Налог с доходов по депозитам рассчитывается как:

$$T = B * \tau, \quad (3)$$

где T – налог с доходов по депозитам, τ – ставка НДФЛ (доходы в размере до 5 млн руб. в год облагаются по ставке НДФЛ 13%, а доходы, превышающие это пороговое значение, облагаются по ставке 15%).

В целях упрощения анализа предположим далее, что частный инвестор:

1. Имеет более 1 млн руб., которые размещает на депозитах. Это предположение позволяет перейти к рассмотрению предельного увеличения налогообложения при изменении объема рублевых и валютных вкладов у частного инвестора.

2. Распределяет указанные в п. 1 средства между рублевыми и валютными (в долларах или евро) вкладами.

3. Платит 13% налог на доходы физических лиц. Все выводы могут быть распространены на инвесторов с применимой ставкой НДФЛ 15%, причем эффект для них будет еще сильнее, так как рублевые вклады будут облагаться по более высоким ставкам.

В результате принятых предположений мы можем рассчитать, что номинальная посленалоговая доходность i_{at} рублевого депозита с процентной ставкой i составит:

$$i_{at} = (1 - \tau) * i, \quad (4)$$

или

$$i_{at} = 0,87 * i. \quad (5)$$

При этом реальная ожидаемая посленалоговая доходность рассчитывается исходя из:

$$r_{at} = \frac{i_{at}}{1 + \pi^e}, \quad (6)$$

или

$$r_{at} = \frac{0,87 * i}{1 + \pi^e}, \quad (7)$$

где r_{at} – реальная посленалоговая доходность, π^e – ожидаемая инфляция.

Налогообложение доходов по валютным депозитам имеет отличительную особенность. Выраженный в рублях доход инвестора по валютным вкладам де-факто складывается из двух составляющих – это процентный доход и прирост (или снижение) величины депозита и накопленных процентов вследствие изменения курсовых разниц. При этом налогом на доход физических лиц облагается только первая составляющая – процентный доход по валютным вкладам. Размещая денежные средства в валютных вкладах, частные инвесторы ожидают, что они получат не только процентный доход, но и доход от увеличения величины валютного вклада, выраженной в рублях (то есть от роста курса валют развитых стран относительно рубля), что, в частности, отражено в (1).

Если до введения налогообложения депозитов соблюдался непокрытый паритет процентных ставок (1), то инвесторы ожидали, что в долгосрочной перспективе вложения в финансовые инструменты с одинаковым уровнем риска, номинированные и в рублях, и в других валютах, будут давать одинаковый результат. Однако после введения налогообложения ожидаемая посленалоговая доходность рублевых депозитов стала меньше, чем ожидаемая посленалоговая доходность валютных депозитов:

$$1 + i_{at}^{RUB} < (1 + i_{at}^{FC}) * \frac{\varepsilon_1^{RUBFC}}{\varepsilon_0^{RUBFC}}. \quad (8)$$

Таким образом, при соблюдении непокрытого паритета процентных ставок в условиях налогообложения депозитов валютные вклады становятся более привлекательными после введения изменений в налогообложение депозитов.

Для иллюстрации покажем пример, основанный на реальных данных по доходностям банковских вкладов. Также при расчетах будем использовать ставки по рублевым и долларovým депозитам в Банке ВТБ² (вклады сроком 366 дней «Новое время» в рублях с доходностью 7,5% годовых и «Вклад в будущее» в долларах с доходность 0,65% годовых, доступные в ноябре 2021 г.). С одной стороны, это позволит продемонстрировать потенциальное поведение инвестора, который планирует разместить депозит. С другой стороны, в условиях конкуренции коммерческих банков за средства населения процентные ставки по депозитам в ВТБ могут быть использованы как прокси для среднерыночных ставок по депозитам. В табл. 1 представлен расчет посленалоговой доходности рублевых вкладов.

Таблица 1

Посленалоговая доходность по рублевым вкладам

Показатель	Значение, %
Номинальная доходность до НДФЛ	7,50
Номинальная доходность после НДФЛ	6,525

Источник: расчеты автора.

Для валютных вкладов ситуация иная. В частности, номинальная ставка доходности по долларовому вкладу существенно ниже рублевой. Однако в соответствии с паритетом процентных ставок следует ожидать, что доллар будет систематически укрепляться относительно рубля. Как было отмечено выше, существенным моментом является то, что переоценка курсовых разниц по валютным вкладам не будет облагаться НДФЛ. Поэтому реальная ожидаемая посленалоговая доходность по долларovým вкладам, выраженная в рублях, будет существенно выше посленалоговой доходности по рублевым депозитам (см. табл. 2).

² www.vtb.ru (дата обращения: 28.11.2021).

Таким образом, номинированная в рублях ожидаемая посленалоговая доходность долларовых депозитов на 0,975 п. п. выше посленалоговой доходности рублевых депозитов.

Таблица 2

Расчет реальной номинированной в рублях посленалоговой доходности по долларовым вкладам

Показатель	Значение, %
Номинальная доходность до НДФЛ	0,65
Номинальная доходность после НДФЛ	0,65
Ожидаемое укрепление доллара на основании непокрытого паритета процентных ставок	6,7
Ожидаемая номинальная доходность в рублях после НДФЛ	7,5

Источник: расчеты автора.

Основная причина этого факта заключается в том, что для рассмотренного примера с дохода по рублевому вкладу выплачивается НДФЛ в размере 0,975% от суммы вклада, а доход по долларовому вкладу не облагается НДФЛ, в связи с тем, что процентная ставка по нему меньше 1% (подробнее см. формулу (2)). Однако даже если бы доход по долларовому вкладу облагался налогом, то по нему был бы выплачен НДФЛ в размере всего 0,0845% от суммы вклада.

Добавим, что по состоянию на вторую половину 2020 г., когда уже было известно об изменениях в налогообложении, рублевые ставки были ниже, в частности, доходность по вкладу «Время роста» в рублях в ВТБ была равна 4%. Однако и в этом случае разница в посленалоговой доходности рублевого депозита по сравнению с номинированной в рублях доходностью долларовых вкладов составляла 0,52 п.п. Такая ситуация будет соблюдаться до тех пор, пока вследствие снижения спроса на рублевые и роста спроса на валютные банковские вклады не произойдет последующее изменение процентных ставок и валютных курсов и не установится новое равновесие.

Для вкладов в евро будет наблюдаться такая же ситуация, как и для вкладов в долларах.

Сделанные выводы справедливы только для случая, когда доллар или евро будут укрепляться относительно рубля в соответствии с непокрытым паритетом процентных ставок. В действительности такое может не произойти даже в долгосрочном периоде, а в каждый конкретный год будет выполняться лишь с небольшой вероятностью. Однако в этом контексте важен тот факт, что в России под

налогообложение попадают доходы по депозитам, в общей сумме превышающим 1 млн руб. Для домохозяйств, имеющих такие депозиты, риск того, что в каждый конкретный год курсы валют не будут изменяться в соответствии с паритетом процентных ставок, не является сравнительно менее существенным относительно домохозяйств, имеющих депозиты на меньшие суммы. А.В. Кузнецов [2] предлагал считать обеспеченными физических лиц с объемом депозитов более 700 000 руб. по состоянию на 2017 г.³ Это обосновывалось тем, что такая сумма накоплений сопоставима с годовой средней зарплатой в стране (и даже превышает ее). Соответственно, сумма в 700 000 рублей могла считаться сбережениями по мотивам предосторожности. Все, что превышает эту сумму, – это либо сбережения на крупные покупки, либо накопления с целью получения процентного дохода. Рассчитанная в указанном исследовании сумма несколько меньше, но с учетом накопленной инфляции сопоставима с пороговым значением общей суммы депозитов (1 000 000 руб.), с доходов, по которым взимается налог (отметим, что индекс потребительских цен на 2021 г. по отношению 2017 г. составляет 1,19, следовательно 700 000 руб. в ценах 2017 г. соответствует около 840 000 руб. в ценах 2021 г.). Такие домохозяйства будут в меньшей степени чувствительными к валютному риску [6], поэтому в ожидании введения налогообложения процентных доходов по депозитам с 01.01.2021 г. они могут выводить часть своих сбережений с рублевых банковских вкладов и, в том числе переводить эти средства в валютные вклады. В то же время такие домохозяйства могут увеличить потребление в текущем периоде, либо инвестировать выведенные с рублевых депозитов средства на рынке акций.

Можно предположить, что такой вывод средств с рублевых вкладов и их частичный переток в валютные вклады должны были начаться с мая 2020 г., когда домохозяйствам стало известно о налоговых изменениях. Но в целом этот процесс может занять несколько лет, так как на длительность вывода и перетока средств оказывают влияние следующие факторы:

- 1) сроки, когда у инвестора заканчиваются рублевые вклады;
- 2) технические сложности вывода средств с рублевого вклада в период локдауна;
- 3) время, когда инвестор узнал и понял принципы налогообложения доходов по депозитам;
- 4) общая занятость частного инвестора.

³ Депозиты в общем объеме более 700 000 руб. в 2017 г. имели около 3 млн человек (то есть 4% рабочей силы, или 2% населения РФ).

Если указанные причины не были релевантными для конкретного домохозяйства, то оно могло уже в мае 2020 г. вывести средства с рублевых вкладов и часть из них направить на валютные вклады. Однако в связи с указанными выше факторами вывод средств с рублевых вкладов может осуществляться и во второй половине 2020 г., и в 2021 г., и в дальнейшие годы.

В связи с этим основная исследовательская гипотеза заключается в том, что в результате изменений налогообложения доходов по депозитам отток денежных средств с рублевых вкладов начался с мая 2020 г. и продолжается в 2021 г. Также в исследовании предполагается, что часть выведенных средств в эти же периоды была перенаправлена в валютные депозиты.

Дальнейшая часть исследования посвящена количественной проверке этой гипотезы.

Методология научной работы

В исследовании применяются такие научные методы, как анализ, синтез, лонгитюдный метод, дескриптивный и регрессионный анализ.

Проверка гипотезы о влиянии изменений в налогообложении доходов по депозитам на отток средств с рублевых вкладов и их частичный переток в валютные депозиты осуществлялась на основе оценок коэффициентов регрессий (9), (10):

$$\ln(DEP_{RUB}) = \text{const}_1 + b_1X + b_2T + \varepsilon, \quad (9)$$

$$\ln(DEP_{FC}) = \text{const}_2 + k_1Y + k_2T + \delta, \quad (10)$$

где DEP_{RUB} – объем рублевых депозитов домохозяйств, DEP_{FC} – объем валютных депозитов домохозяйств, измеренный по курсу бивалютной корзины, const_1 , const_2 – константы, X – набор регрессоров, объясняющих динамику объема рублевых депозитов, Y – набор регрессоров, объясняющих динамику объема валютных депозитов (переменные X и Y в явном виде не содержат в себе информацию об изменении налогообложения доходов по депозитам физических лиц), T – дамми-переменная, которая равна 1 с мая 2020 г. по ноябрь 2021 г. включительно и 0 в другие месяцы (также в качестве T использовался вектор из 19 дамми-переменных для каждого месяца из указанного периода), b_1 , b_2 , k_1 , k_2 – векторы коэффициентов регрессии, ε , δ – ошибки регрессии.

В связи с нестационарностью используемых в исследовании переменных при проведении расчетов использовались первые разности объясняемых переменных, а также переменных, входящих в наборы

регрессоров X и Y . Первые разности для всех использованных переменных являются стационарными временными рядами.

Использование натуральных логарифмов объясняемой (и в ряде случаев объясняющих) переменной обосновано тем, что это позволяет трактовать полученные результаты в терминах процентного, а не абсолютного изменения этих показателей: в частности, «на сколько процентов изменится объем депозитов физических лиц при изменении объема денежной массы $M2$ на 1%».

Оценка регрессий (9), (10) осуществлялась за период с апреля 2014 г. по ноябрь 2021 г. на основе метода наименьших квадратов и на основе метода максимального правдоподобия (при оценке этих уравнений с процессом авторегрессии 1 и 12 порядков $AR(1)$, $AR(12)$). Принимая во внимание предполагаемую эндогенность оттока рублевых и притока валютных вкладов, оценка зависимостей (9) и (10) также осуществлялась на основе системы одновременных уравнений с применением обобщенного метода моментов, в этом случае в состав регрессоров X и Y включались данные по приросту валютных и рублевых депозитов физических лиц соответственно.

В наборы регрессоров X и Y были включены следующие показатели, объясняющие динамику рублевых и валютных депозитов:

- натуральные логарифмы рублевых DEP_{RUB} и валютных депозитов домохозяйств DEP_{FC} с лагом 1 и 12 месяцев, что позволяет учесть потенциальные трендовые и циклические составляющие динамики объема депозитов.
- натуральный логарифм денежной массы $M2$.
- ставки по банковским депозитам в рублях $DepRate_{RUB}$, в долларах $DepRate_{US}$ и евро $DepRate_{EUR}$.
- обратный обменный курс валютной корзины к рублю $ExchangeRate_t$. При расчете этого показателя использовалась гипотетическая валютная корзина с 50% весом доллара и 50% весом евро, при расчетах проводилась ежемесячная ребалансировка для поддержания указанного соотношения валют в портфеле.
- рублевая инфляция за последние 12 месяцев, что позволяет учесть влияние инфляционных процессов на сберегательное и инвестиционное поведение домохозяйств.
- спреда между средней ставкой по депозитам и бескупонной доходностью к погашению суверенного долга. Этот показатель является прокси-переменной для стремления банков привлекать финансирование, номинированного в соответствующей валюте (так как если этот спред является высоким, то банки готовы платить высокую цену за привлечение депозитов в соответствующей валюте относительно средней доходности

на финансовом рынке инструментов с фиксированным доходом, номинированных в этой валюте). Спреды были рассчитаны следующим образом:

$$Spread_{RUB} = DepRate_{RUB} - YTM_{RUB}, \quad (11)$$

$$Spread_{US} = DepRate_{US} - YTM_{US}, \quad (12)$$

$$Spread_{EUR} = DepRate_{EUR} - YTM_{EUR}, \quad (13)$$

где $DepRate$ – средняя ставка по банковским депозитам сроком погашения 1 год в соответствующей валюте, YTM – доходность к погашению суверенных облигаций в соответствующей валюте сроком погашения 1 год.

Для оценки влияния изменений в области налогообложения доходов по депозитам физических лиц в соответствии с тестом Чоу проводился анализ значимости b_2 и k_2 . Этот тест позволяет определить, имелись ли в период с мая 2020 г. по ноябрь 2021 г. иные факторы (кроме регрессоров X и Y), которые значимо влияли на динамику объема депозитов.

При анализе и интерпретации полученных результатов предполагается, что:

- 1) модели (9) и (10) учитывают все существенные факторы, влияющие на динамику объема рублевых и валютных депозитов;
- 2) изменения в налогообложении не оказывают влияние на значения регрессоров X и Y ;
- 3) в период с мая 2020 г. по ноябрь 2021 г. не имелось других (кроме изменения налогообложения) значимых факторов, которые бы повлияли на динамику рублевых и валютных депозитов и, следовательно, на оценки коэффициентов b_2 и k_2 .

Перечисленные предположки могут не выполняться, в частности в связи с тем, что на динамику объема рублевых и валютных депозитов оказывали влияние пандемия COVID-19, повышение доступности данных о наличии банковских вкладов физических лиц для органов государственной власти и прочие, не рассмотренные в настоящем исследовании факторы. Также отток рублевых вкладов может приводить к росту рублевых депозитных ставок в связи с желанием банков избежать этого оттока. Указанные проблемы могут привести к смещенности и повышению стандартных ошибок коэффициентов.

Основные данные для исследования (объем рублевых и валютных депозитов, денежная масса, ставки по депозитам, обменный курс)

были получены с сайта Банка России⁴. Данные по бескупонной доходности были получены из базы данных Bloomberg⁵. Описательные статистики использованных переменных представлены в Приложении (см. табл. 3).

Основные полученные результаты научной работы

Оценка модели (9) позволяет сделать вывод, что с мая 2020 г. и по ноябрь 2021 г. включительно вследствие изменений в области налогообложения доходов по депозитам физических лиц наблюдался отток средств с рублевых депозитов в среднем в размере 0,50%–0,66% в месяц. В соответствии с тестом Чоу оценка величины этого оттока является значимой на 1% уровне.

Оценка модели (9) представлена в Приложении (см. табл. 4). Оценки величин оттока рублевых депозитов, не объясненных регрессорами X , отдельно для всех месяцев с мая 2020 г. по декабрь 2021 г. представлены в Приложении (см. табл. 7). Во всех представленных моделях отсутствует автокорреляция остатков, однако с сентября 2020 г. по апрель 2021 г. ежемесячно имел место необъясненный регрессорами X отток рублевых депозитов домохозяйств, причем наиболее значимым он стал в I квартале 2021 г., то есть когда новые правила налогообложения доходов по депозитам физических лиц уже вступили в силу:

- в январе 2021 г. отток, не объясненный регрессорами X , составил около 2,2% от объема рублевых депозитов на начало месяца (значим на 1% уровне), что соответствует 0,6 трлн руб., или 0,54% ВВП;
- в феврале 2021 г. отток, не объясненный регрессорами X , составил около 1,9% от объема рублевых депозитов на начало месяца (значим на 5% уровне), что соответствует 0,5 трлн руб., или 0,45% ВВП;
- в марте 2021 г. отток, не объясненный регрессорами X , составил около 1,5% от объема рублевых депозитов на начало месяца (значим на 10% уровне), что соответствует 0,4 трлн руб., или 0,36% ВВП.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что в результате введения налогообложения произошел отток средств с рублевых депозитов.

Оценка модели (10) позволяет сделать вывод, что с мая 2020 г. и по ноябрь 2021 г. включительно вследствие изменений в области

⁴ www.cbr.ru (дата обращения: 12.12.21 г.).

⁵ www.bloomberg.com (дата обращения: 12.12.21 г.).

налогообложения доходов по депозитам физических лиц наблюдался небольшой приток средств на валютные депозиты в размере, в среднем, 0,25–0,3% в месяц. Однако для всего периода, в соответствии с тестом Чоу, оценка величины притока валютных депозитов не является статистически значимой. Это может быть связано с тем, что в валютные депозиты перетекла только часть средств, выведенных с рублевых депозитов домохозяйствами, а модель оценки динамики валютных депозитов в целом имеет меньшую точность, чем модель оценки динамики рублевых депозитов.

Оценки модели (10) представлены в Приложении (см. табл. 5). Оценки притока валютных депозитов, не объясненных регрессорами Y , отдельно для всех месяцев с мая 2020 г. по декабрь 2021 г. представлены в Приложении (см. табл. 8). В частности, наиболее значимый приток валютных депозитов наблюдался в январе и феврале 2021 г., то есть когда новые правила налогообложения доходов по депозитам физических лиц уже вступили в силу:

- в январе 2021 г. приток, не объясненный регрессорами Y , составил около 2,7% от объема валютных депозитов на начало месяца (значим на 25% уровне), что соответствует 0,18 трлн руб., или 0,17% ВВП;
- в феврале 2021 г. приток, не объясненный регрессорами Y , составил около 2,4% от объема валютных депозитов на начало месяца (значим на 25% уровне), что соответствует 0,17 трлн руб., или 0,16% ВВП.

Поскольку в условиях изменения налогообложения доходов по депозитам физических лиц отток рублевых вкладов частично транслируется в приток валютных депозитов, то в рамках исследования также была построена оценка на основе системы одновременных уравнений с применением обобщенного метода моментов (оценки представлены в Приложении, см. табл. 6). Полученные результаты подтвердили гипотезу, что за период с мая 2020 г. по ноябрь 2021 г. наблюдался не объясненный регрессорами X отток рублевых депозитов, причем средний размер такого оттока составил 0,66% в месяц (значимо на 5% уровне). За весь указанный период это составляет около 2,9 трлн руб., или 2,8% ВВП. В то же время наблюдался приток валютных депозитов в размере 0,15% в месяц. За указанный период это соответствует около 0,24 трлн руб., или 0,23% ВВП.

Таким образом, полученные результаты говорят о существенном влиянии изменений в области налогообложения доходов по депозитам физических лиц на отток рублевых банковских вкладов. В то же время только около 8–12% от объема оттока рублевых депозитов было направлено на валютные депозиты (в отдельные месяцы – не более 30%). Это может быть связано с тем, что экономические агенты

во многих случаях не рассматривали валютные депозиты как заменители рублевых, и в связи с этим они:

1) открывали брокерские счета и начинали приобретать, в частности, акции публичных компаний вместо перевода средств на валютные депозиты;

2) предпочитали снизить сбережения и увеличить потребление в условиях снижения привлекательности рублевых депозитов.

Выводы

Полученные оценки подтверждают предположения, в соответствии с которыми для домохозяйств снизилась привлекательность рублевых депозитов вследствие изменений в области налогообложения. Вызванный этим отток рублевых депозитов домохозяйств происходит постепенно. Это связано с различиями в датах истечения сроков открытых ранее рублевых депозитов, занятостью экономических агентов, ограничениями в связи с локдаунами, а также с тем, что экономические агенты не сразу узнали о таких изменениях. В соответствии с полученными результатами отток рублевых депозитов, не объясненный другими факторами (объемом денежной массы M2, процентными ставками, инфляцией и т. п.), продолжается и в конце 2021 г. Некоторые домохозяйства, обладающие крупными депозитами, могут еще не знать (или не осознавать) бремя введенного налогообложения. Во второй половине 2022 г., когда такие домохозяйства получают требования по уплате НДФЛ, следует ожидать также увеличение оттока средств с рублевых депозитов.

Выше было показано, что имеет место приток средств на валютные депозиты в результате изменений в области налогообложения доходов по депозитам физических лиц, однако этот приток в 10 раз меньше, чем отток средств с рублевых депозитов. На уровне экономики в целом отток средств с рублевых депозитов и переток в валютные означает снижение объема доступных финансовых ресурсов, номинированных в рублях. Это может усложнить привлечение финансирования компаниями, выручка которых номинирована в рублях. В результате это может выступать фактором, негативно влияющим на инвестиционную активность нефинансовых компаний, и, как следствие, замедлять рост запаса капитала и производительности труда.

Приложения

Описательные статистики использованных в исследовании переменных и результаты оценки регрессий

**Описательные статистики использованных в исследовании
переменных**

Показатель	Мини-мум	Медиана	Макси-мум	Среднее	СКО
Темп прироста рублевых депозитов домохозяйств, %	-4,138	0,643	7,110	0,862	1,752
Темп прироста валютных депозитов домохозяйств, %	-10,113	0,453	5,627	0,264	2,178
Темп прироста денежной массы, %	-4,243	0,868	10,737	1,093	2,269
Изменение ставки по депозитам в рублях	-1,650 п.п.	-0,030 п.п.	3,330%	-0,014%	0,489%
Изменение ставки по депозитам в долларах США	-0,860 п.п.	-0,050 п.п.	1,530%	-0,021%	0,287%
Изменение ставки по депозитам в евро, п.п.	-0,770	-0,040	1,340	-0,026	0,262
Изменение спреда между ставкой по депозитам и бескупонной доходностью в рублях, п.п.	-2,580	-0,120	2,270	-0,024	0,563
Изменение спреда между ставкой по депозитам и бескупонной доходностью в долларах США, п.п.	-0,840	-0,040	1,450	-0,022	0,293
Изменение спреда между ставкой по депозитам и бескупонной доходностью в евро, п.п.	-0,903	0,029	1,398	-0,017	0,286
Прирост инфляции, п.п.	-2,822	-0,020	3,189	-0,030	0,618
Темп прироста обратного курса валютной корзины в рублях, %	-23,778	0,106	41,148	0,852	8,702

Источник: расчеты автора.

Таблица 4

Оценка зависимости оттока рублевых депозитов от объясняющих регрессоров (Уравнение (9)); оценка проведена на основе ежемесячных данных с апреля 2014 г. по ноябрь 2021 г.

Зависимая переменная	$\ln(\text{RUB deposits}_t / \text{RUB deposits}_{t-1})$	
	1	2
Модель	1	2
Метод оценки	МНК	ММП
Константа	0,164 (0,220)	0,039 (0,165)
Зависимая переменная с лагом 1 месяц	-0,171** (0,066)	
Зависимая переменная с лагом 12 месяцев	-0,029 (0,082)	
Зависимая переменная с лагом 1 месяц (AR(1) процесс)		-0,253** (0,115)
Зависимая переменная с лагом 12 месяцев (AR(12) процесс)		0,235* (0,138)
$\Delta \ln(M2_t)$	0,701*** (0,073)	0,693*** (0,064)
$\Delta(\text{RUB deposit rate})$ с лагом 2	0,097 (0,249)	0,104 (0,228)
$(\text{RUB deposit rate} - \text{RUB risk free YTM})$ с лагом 2 месяца	0,196 (0,394)	0,071 (0,178)
$\Delta(\text{USD deposit rate} - \text{USD risk free YTM})$ с лагом 2 месяца	-0,704* (0,394)	-0,614* (0,367)
$\ln(\text{US ExchangeRate}_t / \text{US ExchangeRate}_{t-1})$	-0,06485*** (0,01897)	-0,060*** (0,016)
Изменение инфляции с лагом 2 месяца	0,051** (0,028)	0,047** (0,020)
T (Дамми-переменная, равна 1 с мая 2020 по ноябрь 2021, 0 – в другие месяцы)	-0,532** (0,230)	-0,500*** (0,180)
Крит. Акаике	-606	-606
Лог. правдоподобие	313	314
R-squared	0,75	–
R-squared adj	0,72	–
Стандартное отклонение зависимой переменной	1,614	1,614
Стандартная ошибка модели	0,852	–
Стандартное отклонение инноваций	–	0,794

Источник: расчеты автора.

Условные обозначения: (*) – 25% уровень значимости, * – 10% уровень значимости, ** – 5% уровень значимости, *** – 1% уровень значимости.

Оценка зависимости притока валютных депозитов от объясняющих регрессоров (Уравнение (10)), оценка проведена на основе ежемесячных данных с апреля 2014 г. по ноябрь 2021 г.

Зависимая переменная	$\ln(FC\ deposits_t / FC\ deposits_{t-1})$	
Модель	3	4
Метод оценки	МНК	ММП
Константа	-0,774* (0,426)	-0,685** (0,313)
Зависимая переменная с лагом 1 месяц	-0,180* (0,066)	
Зависимая переменная с лагом 12 месяцев	0,035 (0,090)	
Зависимая переменная с лагом 1 месяц (AR(1) процесс)		-0,310*** (0,102)
Зависимая переменная с лагом 12 месяцев (AR(12) процесс)		-0,014 (0,142)
$\Delta \ln(M2_t)$	0,196(*) (0,125)	0,258** (0,114)
$\Delta(\text{RUB deposit rate})$ с лагом 2	-0,299 (0,514)	-0,101 (0,472)
$\Delta(\text{RUB deposit rate} - \text{RUB risk free YTM})$ с лагом 2 месяца		
$\Delta(\text{EUR deposit rate} - \text{EUR risk free YTM})$ с лагом 2 месяца	1,206(*) (0,888)	0,772 (0,859)
$\Delta(\text{USD deposit rate} - \text{USD risk free YTM})$ с лагом 2 месяца	-0,916 (0,916)	-0,649 (0,855)
$\ln(\text{ExchangeRate}_t / \text{ExchangeRate}_{t-1})$	-0,106*** (0,020)	-0,104*** (0,016)
Изменение инфляции с лагом 2 месяца	0,111* (0,056)	0,093** (0,041)
T (Дамми-переменная, равна 1 с мая 2020 по ноябрь 2021, 0 – в другие месяцы)	0,301 (0,496)	0,260 (0,352)
Крит. Акаике	-464	-467
Лог. правдоподобие	242	245
R-squared	0,37	–
R-squared adj	0,31	–
Стандартное отклонение зависимой переменной	2,220	2,220
Стандартная ошибка модели	1,850	–
Стандартное отклонение инноваций	–	1,700

Источник: расчеты автора.

Условные обозначения: (*) – 25% уровень значимости, * – 10% уровень значимости, ** – 5% уровень значимости, *** – 1% уровень значимости.

Таблица 6

Оценка зависимости оттока рублевых и притока валютных депозитов от объясняющих регрессоров на основе систем одновременных уравнений (Уравнения (9), (10)), оценка проведена на основе ежемесячных данных с апреля 2014 г. по ноябрь 2021 г.

Модель	5	
Зависимая переменная	$\ln(\text{RUB deposits}_t / \text{RUB deposits}_{t-1})$	$\ln(\text{FC deposits}_t / \text{FC deposits}_{t-1})$
Константа	0,474*** (0,153)	-0,117 (0,314)
$\ln(\text{FC deposits}_t / \text{FC deposits}_{t-1})$	-0,031 (0,171)	
$\ln(\text{RUB deposits}_t / \text{RUB deposits}_{t-1})$		0,308 (0,721)
Зависимая переменная с лагом 1 месяц	-0,141* (0,080)	-0,166* (0,100)
Зависимая переменная с лагом 12 месяцев	-0,030 (0,090)	0,015 (0,095)
$\Delta \ln(M2_t)$	0,708*** (0,079)	-0,035 (0,548)
$\Delta(\text{RUB deposit rate})$ с лагом 2	0,080 (0,260)	-0,395 (0,583)
$\Delta(\text{RUB deposit rate} - \text{RUB risk free YTM})$ с лагом 2 месяца	0,310(*) (0,231)	
!! $(\text{EUR deposit rate} - \text{EUR risk free YTM})$ с лагом 2 месяца		1,078(*) (0,921)
$\Delta(\text{USD deposit rate} - \text{USD risk free YTM})$ с лагом 2 месяца	-1,047** (0,442)	-1,187 (1,229)
$\ln(\text{ExchangeRate}_t / \text{Exchange}_{t-1})$	-0,073* (0,042)	-0,189*** (0,056)
Изменение инфляции с лагом 2 месяца	0,261 (0,243)	0,518(*) (0,355)
T (Дамми-переменная, равна 1 с мая 2020 по ноябрь 2021, 0 – в другие месяцы)	-0,658*** (0,233)	0,149 (0,632)
Стандартное отклонение зависимой переменной	1,614	2,220
Стандартная ошибка модели	0,862	1,920

Источник: расчеты автора.

Условные обозначения: (*) – 25% уровень значимости, * – 10% уровень значимости, ** – 5% уровень значимости, *** – 1% уровень значимости.

Таблица 7

Оценка динамики рублевых депозитов в результате объявления об изменении налогообложения депозитов физических лиц (в % от объема рублевых депозитов домохозяйств на начало месяца)

Месяц, 2020 г.	Прирост рублевых депозитов (%)		Месяц, 2021 г.	Прирост рублевых депозитов (%)
Январь	Не применимо		Январь	-2,180**
Февраль	Не применимо		Февраль	-1,958**
Март	Не применимо		Март	-1,509*
Апрель	Не применимо		Апрель	-0,375
Май	1,079		Май	1,937**
Июнь	-0,160		Июнь	-1,972**
Июль	0,045		Июль	-1,080(*)
Август	0,110		Август	0,417
Сентябрь	-0,744		Сентябрь	-0,954
Октябрь	-0,220		Октябрь	-0,665
Ноябрь	-0,449		Ноябрь	-0,669
Декабрь	-0,463		Декабрь	Нет данных

Источник: расчеты автора.

Условные обозначения: (*) – 25% уровень значимости, * – 10% уровень значимости, ** – 5% уровень значимости, *** – 1% уровень значимости.

Таблица 8

Оценка динамики валютных депозитов в результате объявления об изменении налогообложения депозитов физических лиц (в % от объема валютных депозитов домохозяйств на начало месяца)

Месяц, 2020 г.	Прирост валютных депозитов (%)		Месяц, 2021 г.	Прирост валютных депозитов (%)
Январь	Не применимо		Январь	2,677(*)
Февраль	Не применимо		Февраль	2,429(*)
Март	Не применимо		Март	-1,247
Апрель	Не применимо		Апрель	-1,114
Май	-3,331		Май	-0,199
Июнь	1,242		Июнь	1,629
Июль	-1,160		Июль	0,063
Август	1,820		Август	1,100
Сентябрь	0,972		Сентябрь	0,416
Октябрь	0,096		Октябрь	0,822
Ноябрь	-1,410		Ноябрь	0,111
Декабрь	0,573		Декабрь	Нет данных

Источник: расчеты автора.

Условные обозначения: (*) – 25% уровень значимости, * – 10% уровень значимости, ** – 5% уровень значимости, *** – 1% уровень значимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуров И.Н.* Теоретические подходы к обоснованию возможности управления инфляционными ожиданиями в России на современном этапе // Вестник Московского Университета. 2014. Сер. 6: Экономика. № 6. С. 35–51.
2. *Кузнецов А.В.* Влияние реальной процентной ставки на сбережения населения // Деньги и Кредит. 2017. № 5. С. 22–27.
3. *Bofinger P.* Monetary Policy. Goals, Institutions, Strategies and Instruments // Oxford University Press, 2001.
4. *Fisher I.* Theory of Interest // The Quarterly Journal of Economics. 1931. 45(3). Pp. 499–516. <https://doi.org/10.2307/1883901>.
5. *Fisher S., Modigliani F.* Towards Understanding of the Real Effects and Costs of Inflation // NBER. WP 303. 1978. P. 14.
6. Inflation-Linked Bonds. Preserving Real Purchasing Power and Diversifying Risk // Credit Suisse. Zurich, 2013.
7. *Markowitz H.* Portfolio selection // The Journal of Finance. 1952. 7(1). Pp. 77–91. doi:10.2307/2975974.
8. *Tobin J.* Liquidity preference as behavior towards risk // The review of economic studies. 1958. T. 25. No. 2. Pp. 65–86.

REFERENCES

1. *Gurov I.N.* Theoretical approaches to substantiating the possibility of managing inflation expectations in Russia at the present stage // Bulletin of the Moscow University. 2014. Ser. 6: Economics. No. 6. Pp. 35–51. (In Russ.).
2. *Kuznetsov A.V.* The impact of the real interest rate on the savings of the population // Money and Credit. 2017. No. 5. Pp. 22–27. (In Russ.).
3. *Bofinger P.* Monetary Policy. Goals, Institutions, Strategies and Instruments // Oxford University Press, 2001.
4. *Fisher I.* Theory of Interest // The Quarterly Journal of Economics. 1931. 45(3). Pp. 499–516. <https://doi.org/10.2307/1883901>.
5. *Fisher S., Modigliani F.* Towards Understanding of the Real Effects and Costs of Inflation // NBER. WP 303. 1978. P. 14.
6. Inflation-Linked Bonds. Preserving Real Purchasing Power and Diversifying Risk // Credit Suisse. Zurich, 2013.
7. *Markowitz H.* Portfolio selection // The Journal of Finance. 7 (1): 77–91. 1952. doi:10.2307/2975974.
8. *Tobin J.* Liquidity preference as behavior towards risk // The review of economic studies. 1958. T. 25. No. 2. Pp. 65–86.

Дата поступления рукописи: 20.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Gurov Ilya Nickolaevich – Cand. Sci. (Econ.), CFA, Associate Professor, Finance and Credit Department, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ingurov@mail.ru

CONSEQUENCES OF HOUSEHOLD DEPOSIT INCOME TAXATION CHANGES:
RESULTS OF 2020–2021

In the first half of 2020, deposit income taxation changes were announced from 01.01.2021, which led to a decrease in the attractiveness of ruble bank deposits for individuals, including relatively to foreign currency. The purpose of this study is to assess the impact of changes in taxation on the dynamics of ruble and foreign currency deposits of households. The research is based on such scientific methods as analysis, synthesis, longitudinal method, descriptive and regression analysis. In accordance with the results obtained, the outflow of ruble deposits due to tax changes amounted to about 0,50–0,66% per month for the period from May 2020 to November 2021 (significantly at the 5% level). For the entire specified period, this amounts to about 2,9 trillion rubles, or 2,8% of GDP. At the same time, there were foreign currency deposits inflows in the amount of about 0,15–0,30% per month. For the specified period, this corresponds to about 0,24 trillion rubles, or 0,23% of GDP. There are also reasons to believe that the phenomena will also be observed in the second half of 2022, as we approach the deadline for fulfilling personal income tax obligations for 2021. At the level of the economy as a whole, the flow of ruble deposits into foreign currency deposits, as well as the withdrawal of funds from ruble deposits in order to increase current consumption, can have a negative impact on the availability of financial resources for companies with ruble denominated revenue streams.

Keywords: *bank deposits, household income taxation, expected inflation uncertainty, asset classes, financial instruments.*

JEL: G14, G21, G23, H22, H24, E31.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

ВАН ЦЗИЛУ

аспирант Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР РОССИИ

В настоящей статье анализируется состояние и эффективность инвестиций китайских компаний в энергетическую отрасль современной России. Анализ эффективности китайских инвестиций показал, что энергетическое сотрудничество России и Китая имеет стратегический характер и представляет взаимовыгодный интерес, однако сталкивается с факторами, ограничивающими его как с китайской, так и с российской сторон. К основным препятствующим факторам со стороны Китая можно отнести конкурентоспособность самих китайских предприятий, недостаток опыта в энергетической дипломатии у Китая и политику китайского правительства по стимулированию компаний, выходящих на мировой рынок; со стороны России, – недостаток стабильности соответствующих российских законов и постановлений, налоговая политика, льготная политика для привлечения инвесторов, ограничения в отношении иностранных сотрудников и др.

Для повышения эффективности инвестиций китайских предприятий в энергетический сектор России автор предлагает совершенствовать инвестиционное энергетическое сотрудничество России и Китая в нескольких направлениях, а именно: укрепление политического взаимодоверия между двумя державами; расширение степени открытости России и реализации политики «выхода вовне и привлечения зарубежного опыта»; совершенствование законов и нормативных актов, оптимизирующих деловую среду в России; активизация усилий по борьбе с коррупцией; защита законных прав и интересов инвесторов, а также укрепления их доверия к инвестированию в России и др.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, энергетика, инвестиционное сотрудничество, стратегия, нефть, природный газ.

JEL: Q43, Q48, Q49.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_133_155.

1. Обзор иностранных инвестиций Китая за последние годы

По состоянию на конец 2019 г. в топ-20 стран (регионов) по количеству в них иностранных компаний, учрежденных Китаем, вошли: Гонконг, США, Сингапур, Германия, Российская Федерация, Австралия, Япония, Британские Виргинские острова, Вьетнам, Индонезия, Канада, Каймановы острова, Малайзия, Южная Корея, Таиланд, Лаос, Камбоджа, Индия, Великобритания и Объединенные Арабские Эмираты. Общее число этих компаний превышает 32 000, что составляет 73,8% от общего числа зарубежных китайских предприятий (см. табл. 1).

Таблица 1

Топ-20 стран (регионов) по суммарному объему прямых китайских инвестиций на конец 2019 г., в млрд долл. США

№	Страна (регион)	Объем инвестиций	Удельный вес (%)
1	Гонконг (Китай)	1275,36	58,0
2	Каймановы острова	276,15	12,6
3	Британские Виргинские острова	141,88	6,5
4	США	77,80	3,5
5	Сингапур	52,64	2,4
6	Австралия	38,07	1,7
7	Нидерланды	23,85	1,1
8	Великобритания	17,14	0,8
9	Индонезия	15,13	0,7
10	Германия	14,23	0,7
11	Канада	14,09	0,6
12	Люксембург	13,90	0,6
13	Российская Федерация	12,80	0,6
14	Макао (Китай)	9,85	0,4
15	Швеция	8,58	0,4
16	Бермудские острова	8,34	0,4
17	Лаос	8,25	0,4
18	Малайзия	7,92	0,4
19	Объединённые Арабские Эмираты	7,64	0,3
20	Казахстан	7,25	0,3
	Итого	2030,87	92,4

Источник: составлено автором по: 2020 Statistical Bulletin of China's Outward foreign Direct Investment, 2021. 商务部、国家统计局和国家外汇管理局联合发布《2020年度中国对外直接投资统计公报》(thepaper.cn) (дата обращения: 16.11.2021).

По состоянию на конец 2019 г. в первую десятку стран по прямым инвестициям из Китая в Европу вошли: Нидерланды, Великобритания, Германия, Люксембург, Россия, Швеция, Франция, Швейцария, Италия и Норвегия (см. рис. 1).

Источник: составлено автором по: 2020 Statistical Bulletin of China's Outward foreign Direct Investment, 2021. 商务部、国家统计局和国家外汇管理局联合发布《2020年度中国对外直接投资统计公报》(thepaper.cn) (дата обращения: 16.11.2021).

Рис. 1. Топ-10 стран по прямым инвестициям из Китая в Европу

В 2020 г. сотрудничество Китая по иностранным инвестициям продолжало устойчивое и здоровое развитие, а иностранные инвестиции в целом увеличивались. Согласно статистическим данным Министерства торговли и Государственного управления валютного контроля, прямые иностранные инвестиции Китая за год составили 132,94 млрд долл. (что эквивалентно 916,97 млрд юаней), увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 3,3%. Из числа этих инвестиций объем прямых нефинансовых инвестиций составил 110,15 млрд долл. (759,77 млрд юаней), что на 0,4% меньше, чем годом ранее. ЕРС-проекты (от англ. Engineering, procurement and construction) – способ контрактования в строительной отрасли) – также оставались стабильными. Недавно подписанные контракты оцениваются в 255,54 млрд долл. (1762,61 млрд юаней), что на 1,8% меньше, чем в предыдущем году; заверченный оборот составил 155,94 млрд долл. (1075,61 млрд юаней) в год, что на 9,8% меньше, чем годом ранее. 301 тыс. работников различных категорий были отправлены для работы за границей. На конец декабря за границей находилось 623 тыс. различных работников.

2. Инвестиции китайских предприятий в Россию: отраслевой анализ

1) Объем китайских инвестиций в Россию и их отраслевое распределение

В 2019 г. инвестиционный поток Китая в Российскую Федерацию составил 379 млн долл., в основном из-за отрицательного потока в горнодобывающей промышленности в размере 1,13 млрд долл. С точки зрения отраслевого распределения, инвестиции в основном сосредоточены в сельском, лесном, животноводческом и рыбном хозяйствах (0,29 млрд долл.), в научных исследованиях и технических услугах (0,196 млрд долл.), финансовой индустрии (0,12 млрд долл.), обрабатывающей промышленности (0,1 млрд долл.) и в других отраслях. Размер запасов китайских инвестиций в РФ на конец 2019 г. составлял 12,8 млрд долл., что равнялось 0,6% запасам прямых иностранных инвестиций Китая и 11,2% запасам инвестиций в Европу. В общей сложности было открыто более 1 000 компаний, учрежденных Китаем в России, и было нанято около 24 000 российских сотрудников.

Что касается распределения запасов инвестиций по основным отраслям, то в горнодобывающую промышленность было инвестировано 5,435 млрд долл., что составило 42,4% от всего запаса инвестиций; в сельское хозяйство, лесное хозяйство, животноводство и рыболовство было инвестировано 2,832 млрд долл., что равно 22,1%; инвестиции в обрабатывающую промышленность составили 1,621 млрд долл. (12,7% от всего запаса); в отрасль лизинга и коммерческих услуг было инвестировано 0,87 млрд долл. (6,8%); в финансовую отрасль – 0,59 млрд долл. (4,6%); в оптовую и розничную торговлю – 0,38 млрд долл. (2,9%); в отрасль научных исследований и технических услуг – 0,36 млрд долл. (2,8%); в недвижимость – 0,31 млрд долл. (2,5%). Отрицательные значения потоков инвестиций свидетельствуют об их уменьшении по сравнению с предыдущим 2018 годом. (см. табл. 2).

Изменения объема инвестиций Китая в Россию за период 2011–2019 гг. отражен в табл. 3 и 4.

Согласно китайской статистике, в 2020 г. двусторонняя торговля товарами между Китаем и РФ составила 107,77 млрд долл., что на 2,9% меньше по сравнению с предыдущим годом, и превысила отметку в 100 млрд долл. третий год подряд. Во второй половине года экспорт товаров из Китая в Россию имел положительный рост в течение шести месяцев подряд.

В этот же период объем двусторонней китайско-российской торговли сельскохозяйственной продукцией достиг рекордного уровня в 5,55 млрд долл. Китай превратился в самый крупный экспортный рынок для российской сельскохозяйственной продукции и мяса. Экс-

порт китайских ноутбуков и планшетных компьютеров в Россию увеличился на 39% и 29% соответственно, а смартфоны под китайскими брендами поднялись на вершину продаж на российском рынке.

Таблица 2

Основные отрасли прямых инвестиций Китая в РФ в 2019 г.

Отрасль	Поток инвестиций	Объем инвестиций	
	млрд долл. США	млрд долл. США	доля (%)
Горнодобывающая промышленность	-1,13	5,43	42,4
Сельское, лесное, животноводческое и рыбное хозяйства	0,26	2,83	22,1
Обрабатывающая промышленность	0,11	1,62	12,7
Лизинг и коммерческие услуги	0,12	0,87	6,8
Финансовая отрасль	0,12	0,59	4,6
Оптовая и розничная торговля	0,29	0,37	2,9
Отрасль научных исследований и технических услуг	0,2	0,36	2,8
Сфера недвижимости	-0,67	0,31	2,5
Строительная промышленность	0,05	0,23	1,8
Сфера передачи информации, программного обеспечения и информационных технологий	0,27	0,082	0,6
Транспортные перевозки, хранение и почта	0,001	0,068	0,5
Производство и снабжение электроэнергии, отопления, газа и воды	0,02	0,023	0,2
Другие отрасли	0,0004	0,014	0,1
Итого	-0,38	12,8	100,0

Источник: составлено автором по: [5, с. 72].

Таблица 3

Потоки прямых иностранных инвестиций Китая в 2011–2019 гг., в млрд долл. США

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего	74,6	87,8	107,8	123,1	145,7	196,2	158,3	143	136,9
РФ	0,72	0,78	1,02	0,63	2,96	1,29	1,55	0,73	-0,38

Источник: составлено автором по: Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment 2019 // Ministry of Commerce of People's Republic of China, 2020. Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment 2019. ISBN: 9787510335266 (purpleculture.net) (дата обращения: 17.11.2021).

**Запасы прямых иностранных инвестиций Китая в 2011–2019 гг.,
в млрд долл. США**

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего	424,8	531,9	660,4	882,6	1097,8	135,7	1809	198,2	219,9
РФ	3,7	4,9	7,6	8,7	14,0	12,9	13,8	14,2	12,8

Источник: составлено автором по: Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment 2019 // Ministry of Commerce of People's Republic of China, 2020. Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment 2019. ISBN: 9787510335266 (purpleculture.net) (дата обращения: 17.11.2021).

Инвестиции Китая в Россию и ЕРС-контракты по проектам в России также выросли вопреки преобладающим тенденциям. Официальные данные показывают, что в 2020 г. прямые нефинансовые инвестиции из Китая в Россию были равны 0,34 млрд долл. В процентном соотношении это на 41,7% больше по сравнению с 2019 г. Стоимость недавно подписанных ЕРС-контрактов – 5,87 млрд долл., что составляет почти 30% от общей стоимости новых подписанных контрактов в Европе.

Ожидается, что в 2021 г. китайско-российская торговля в кратчайшие сроки достигнет восстановительного роста и продолжит движение к цели – «объем торговли в 200 млрд долл.».

Основной интерес китайских инвесторов в России связан с вложениями в энергетический сектор, поэтому остановимся на этом подробнее.

2) Китайские инвестиции в энергетику России.

Как показывают приведенные ниже данные (см. табл. 5), доля инвестиций Китая в энергетический сектор РФ стала значительно расти с 2014 г. (в 2014 г. – 93% от общего объема инвестиций в Россию; в 2015 г. – 63,6%; в 2016 и 2017 г. – 100%; в 2018 г. – 0%; в 2019 г. – 90,2%). Как мы видим, инвестиции отсутствовали только в 2018 г., на фоне общего снижения инвестиционной активности Китая в России.

При этом с 2014 г. доля инвестиций Китая в энергетический сектор РФ выше, чем в других странах. Например, в 2019 г. эта доля в мире составляла 34%, а в РФ – 90,2%. Можно отметить наличие определенной диспропорции инвестиционной активности Китая в России (меньше инвестиций поступает в финансовый, сельскохозяйственный, транспортный сектора) и значительный интерес китайских компаний к сотрудничеству с российскими энергетическими компаниями.

Таблица 5

Доля энергетического сектора в общем объеме китайских инвестиций, 2009–2019 гг.

Год	Общий объем китайских инвестиций в мировой энергетический сектор (млрд долл. США)	Китайские инвестиции в мировой энергетический сектор	Общий объем китайских инвестиций в Россию (млрд долл. США)	Китайские инвестиции в энергетический сектор России
		доля		доля
2009	56,14	34,5	0,78	0,3
		61,4%		38,5%
2010	66	36,5	0,83	0,53
		55,3%		63,9%
2011	70,3	36,95	2,94	2,29
		52,6%		77,9%
2012	78,46	41,74	2,51	0,59
		53,2%		23,5%
2013	79,84	36,88	5,31	2,22
		46,2%		41,8%
2014	102,26	29,19	4,13	3,84
		28,5%		93%
2015	117,91	31,45	4,01	2,55
		26,7%		63,6%
2016	158,21	33,07	2,23	2,23
		20,9%		100%
2017	175,64	20,49	0,6	0,6
		11,7%		100%
2018	115,17	26,51	0,63	0
		23%		0%
2019	68,17	23,15	4,48	4,04
		34%		90,2%

Источник: составлено автором по: [5].

Анализ крупнейших инвестиционных проектов китайских ТНК в российский энергетический сектор в период с 2010 по 2019 гг. показывает, что основная часть контрактов заключается в газовой отрасли (7 контрактов), в нефтяной промышленности (3 контракта), в гидроэнергетике (3 контракта). Также контракты заключались в электроэнергетике, в угольной промышленности и альтернативной энергетике (см. табл. 6).

Крупнейшие инвестиционные проекты китайских ТНК в российский энергетический сектор в период с 2010 по 2019 гг., в млрд долл.

Отрасль	Проект	Год начала сотрудничества	Объем инвестиций (млрд долл.)
Газовая отрасль	CNPC и Новатэк	2014	0,94
	SAFE и Новатэк	2015	1,21
	Sinorec и Сибур	2015	1,34
	Beijing Enterprises и Верхнечонскнефтегаз	2016	1,08
	SAFE и Сибур	2016	1,15
	CEFC и EN+	2017	0,5
	CNPC, CNOOC и Новатэк	2019	4,04
Нефтяная отрасль	CNPC и Роснефть	2013	0,62
	CNPC и Ванкорнефть	2014	0,99
	CIC и Eurasia Drilling	2017	0,1
Угольная отрасль	Shenhua и En+	2013	0,46
Гидроэнергетика	Three Gorges и Евросибэнерго	2010	0,17
	Three Gorges и Евросибэнерго	2011	2,29
	Power Construction Corp и Русгидро	2014	1,46
Электроэнергетика	Huadian и ТГК-Сервис	2012	0,59
	State Grid и Синтез	2013	1,14
Альтернативная энергетика	Harbin Electric и Алтайская ГРЭС	2014	0,45

Источник: составлено автором по: [5].

3. Анализ эффективности инвестиций

Отношения между Китаем и Россией в энергетической сфере имеют давнюю и достаточно успешную историю развития. В последнее время стороны достигли определенных успехов в инвестиционном сотрудничестве двух стран:

1) реализуется двусторонняя разработка нефти, происходит совместное строительство трубопроводов, ведется сотрудничество по вопросам переработки в целях содействия устойчивому развитию экономики и поддержания стабильности на международном рынке;

2) сформирована широкая нормативно-правовая основа для инвестиционного сотрудничества Китая и РФ (заключены соглашения, меморандумы, договора и т. д.);

3) в последние годы были заключены соглашения о реализации совместных китайско-российских проектов в сфере энергетического сотрудничества, многие из которых находятся на стадии реализации или уже завершены:

- создана инфраструктура в рамках энергетических проектов (в 2010 г. были построены нефтепровод «Сковородино-Дацин» и «Сила Сибири» и сопутствующие сооружения, подземные газовые хранилища; в 2017 г. началось строительство Амурского газоперерабатывающего завода при участии китайской корпорации);
- разработана система сотрудничества в сфере прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и портфельных инвестиций между крупными энергетическими компаниями двух стран (результатом сотрудничества стали совместные предприятия «Удмуртнефть», «Восток-Энерджи», «Китайско-российская Восточная нефтехимическая компания», подписание ряда инвестиционных соглашений между компаниями «Роснефть» и «Транснефть» с Банком развития Китая, между ОАО «НК «Роснефть», АК «Транснефть», Китайской национальной нефтяной компанией и Банком развития Китая о кредитах российским компаниям на сумму 25 млрд долл. в обмен на контракт о поставках нефти из России в КНР сроком на 20 лет);
- заключены коммерческие соглашения на поставку энергоресурсов (соглашение между РАО «ЕЭС России» и Государственной электросетевой корпорацией Китая в 2009 г., в 2014 г. и 2015 г. между CNPC – государственной нефтегазовой компанией и «Газпромом» двух договоров купли-продажи российского газа по «восточному» маршруту (по газопроводу «Сила Сибири») сроком на 30 лет при объеме поставок 38 млрд куб. м газа в год).

4. Направления инвестиционного сотрудничества

Сотрудничество в энергетической сфере между двумя странами интенсивно развивается по нескольким направлениям. На 18-м заседании Российско-Китайской межправительственной комиссии по энергетическому сотрудничеству А.В. Новак, заместитель председателя Правительства РФ, отметил, что взаимное сотрудничество Китая и России развивается непрерывно и на высоком уровне, совместно преодолеваются неблагоприятные последствия пандемии COVID-19, постепенно увеличиваются объемы сотрудничества, в т. ч. в энергетике. Также он зафиксировал, что двусторонний оборот товаров в денеж-

ном эквиваленте стал равен 104 млрд долл. США в 2020 г., более 1/3 от общего торгово-экономического оборота по-прежнему приходится на топливно-энергетический комплекс, Россия занимает первое место среди поставщиков сырой нефти в Китай – в 2020 г. экспорт составил 81,7 млн т. В свою очередь Х. Чжэн уточнил, что в 2020 г. объем поставок газа по газопроводу «Сила Сибири-1» превысил 12 млрд м³ и «этот показатель был достигнут по состоянию на конец октября 2021 г.» [1]. Согласно планам и прогнозам растут поставки газа по МПП «Сила Сибири-1» (запущен в декабре 2019 г.). Ведутся переговоры о западном маршруте – МПП «Сила Сибири-2» с продолжением в виде МПП «Союз Восток» на территории Монголии. В октябре 2021 г. Газпром согласовал с Монголией схемы трассы МПП «Союз Восток» для подготовки (до конца 2021 г.) технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта. С Китаем обсуждается вопрос его участия в финансировании этого проекта, параллельно идут переговоры о контракте на поставку газа по МПП «Сила Сибири-2». С китайской стороны обсуждается Дальневосточный маршрут поставок газа в Китай с шельфа о. Сахалин (МПП «Сила Сибири-3»). КНР просит РФ ускорить реализацию Дальневосточного маршрута.

Нефтегазовая отрасль. Также А. Новак отметил успешность реализации крупных нефтегазовых проектов: «Удмуртнефть», СП Роснефти и Sinopet; СПГ-проекты НОВАТЭКа Ямал СПГ (у CNPC 20%, еще 9,9% у Фонда Шелкового пути) и Арктик СПГ-2 (у CNOOC и CNOOC по 10% в проекте). Значительный потенциал сконцентрирован в нефтегазовой сфере в части совместной разведки и разработки нефтегазовых запасов России как на суше, так и на шельфе; продолжения и развития транспортировки нефти из России в Китай в 2022 г. по дальневосточным маршрутам; поставок природного газа и его переработки; поставок СПГ; производства продукции нефтегазохимии на востоке России» [1].

Угольная сфера. В угольной сфере «продолжается рост поставок на китайский рынок: за 2020 г., несмотря на неблагоприятную внешнюю конъюнктуру, поставки российского угля в Китай увеличились на 20,6% – до 39,5 млн т; власти России нацелены на дальнейшее увеличение поставок угля: будут проработаны новые долгосрочные контракты, также проработано совместное освоение угольных месторождений на территории России, в частности Зашуланского угольного месторождения в Забайкальском крае» [1].

Электросетевая энергетика. В электросетевом комплексе страны договорились о сохранении стабильного функционирования трансграничных линий, о развитии энергетического машиностроения. Приоритетными заявлена проработка совместных проектов в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ), гидроэнергетики и водородной энергетики.

В целом, можно согласиться с мнением о том, что сотрудничество Китая и России в сфере энергетики имеет стратегическую направленность и выгодно для обеих сторон. «Во-первых, оно содействует упрочению энергобезопасности в Северо-Восточной Азии. Во-вторых, оно способствует развитию энергетической отрасли обеих стран. В-третьих, Россия получает финансирование высокочрезвычайных проектов. И наконец, взаимодействие двух стран в сфере энергетики обеспечивает возможность осваивать новые месторождения и разрабатывать более эффективные методы добычи энергоресурсов»¹.

Однако китайско-российское энергетическое сотрудничество по-прежнему сталкивается с рядом проблем, затрудняющих работу китайских предприятий, которые выражаются в следующем:

1. Переговоры по некоторым важным проектам продвигаются медленно. Например, реализация проекта поставки газа по китайско-российскому трубопроводу «Восточный маршрут» длилась более десяти лет с момента начала до подписания соглашения и до окончательного завершения и ввода в эксплуатацию. Деятельность Китая в области разведки нефти и газа в России тоже приносит мало результатов.

2. Большинство проектов инвестиционного сотрудничества постоянно находятся в убыточном состоянии.

3. Подписанных проектов сотрудничества много, однако фактически реализовываются не все проекты, а сама реализация проектов и соглашений не идеальна. В последние годы Китай и Россия подписали множество проектов и соглашений о сотрудничестве в области энергетики, особенно в нефтегазовой сфере, но совсем немногие из них были реализованы эффективно, а некоторые проекты и договоренности все еще остаются на бумаге. Символическое значение многих проектов намного превосходит их фактическое значение. (Например, на китайско-российском энергетическом бизнес-форуме 2018 г. было подписано 14 соглашений о сотрудничестве, охватывающих многие области, такие как нефть и газ, уголь и информационные технологии, но пока реализованы лишь некоторые из них.)

4. Взаимодействие между правительствами двух стран является «горячим», а сотрудничество частных предприятий – «холодным». Некоторые эксперты по российско-китайским вопросам даже считают, что 99 из 100 проектов российско-китайского сотрудничества являются провальными.

---

¹ Емельянова С. Состояние и перспективы энергетического сотрудничества России и стран БРИКС // Российский совет по международным делам, 2020. <https://russiancouncil.ru/blogs/semelianova/sostoyanie-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-str> (дата обращения: 19.11.2021).

5. Форма китайско-российского энергетического сотрудничества слишком однообразна. В настоящее время в сотрудничестве между двумя сторонами по-прежнему доминирует торговля, в то время как строительство инфраструктуры, инвестиционное сотрудничество и сотрудничество в области инженерных технологий относительно редки, а область разведки и разработки нефти и газа в основном закрыта для китайских предприятий.

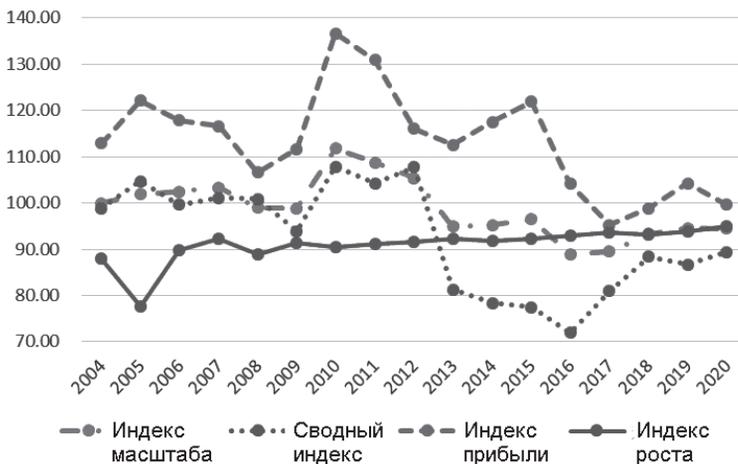
6. Нерациональная структура торговли нефтью и газом. Почти вся торговля нефтью и газом между двумя сторонами представлена торговлей нефтью. Китай импортирует лишь небольшое количество сжиженного природного газа из России, а торговля природным газом серьезно отстает.

7. Объемы прямых китайских инвестиций в Россию относительно невелики. Несмотря на достижение успехов в сотрудничестве, экономики Китая и России пока не сопоставимы с экономиками других стран. Прямые нефинансовые инвестиции Китая в Россию равнялись 341 млн долл. в 2020 г., что составляет всего 0,3% от общих нефинансовых прямых иностранных инвестиций Китая и занимает 20-е место. Это показывает, что нынешние масштабы прямых инвестиций Китая в Россию крайне несовместимы с совместным строительством двумя странами «Одного пояса и Одного пути» и углублением всеобъемлющего стратегического партнерства.

Факторы, ограничивающие сотрудничество

С китайской стороны:

1. Конкурентоспособность самих китайских предприятий.

Источник: составлено автором по: 2020 Statistical Bulletin of China's Outward foreign Direct Investment, 2021. 商务部、国家统计局和国家外汇管理局联合发布《2020年度中国对外直接投资统计公报》(thepaper.cn) (дата обращения: 19.11.2021).

Рис. 2. Индекс конкурентоспособности 500 крупнейших предприятий Китая

Компании материкового Китая, входящие в список Fortune Global 500 в 2020 г., охватывают 29 отраслей. Среди этих 29 отраслей 32 китайские компании вошли в тройку лидеров своей отрасли. Две ведущие компании в нефтеперерабатывающей отрасли – это китайские компании, что указывает на то, что крупные китайские компании, обладающие глобальной конкурентоспособностью и влиянием, ускоряют свой рост.

Хотя зарубежный бизнес китайских компаний, особенно энергетических компаний, в последние годы быстро развивался, однако по сравнению с энергетическими компаниями в развитых странах недостатки все еще очевидны, и выражаются они в следующем:

Прежде всего, это недостаточная международная конкурентоспособность государственных крупных и средних предприятий. Ее основная причина заключается в том, что в долгосрочной перспективе отсутствует эффективная конкурентная рыночная среда.

Во-вторых, большинство китайских предприятий все еще далеки от того, чтобы стать опорой технологических инноваций. Хотя производство промышленной продукции в Китае велико, а цена низкая, многие продукты имеют определенные ценовые преимущества и могут занимать большую долю рынка, но в целом соотношение цена/качество многих промышленных товаров в Китае находится в невыгодном положении.

В-третьих, довольно много компаний все еще не имеют конкретных и четких целей и планов развития при выходе на мировой рынок, механизм стимулирования не работает, компании слепо строят проекты, слепо инвестируют и им не хватает понимания зарубежной среды и международного инвестиционного опыта.

Вышеупомянутые факторы привели к недостаточной эффективности и безопасности китайских компаний, ограничили их собственное развитие и сделали их конкурентоспособность на международном рынке относительно слабой.

2. Политика китайского правительства по стимулированию компаний, выходящих на мировой рынок.

Некоторые правила Китая слишком жесткие, соответствующие процедуры сложны, а отсутствие соответствующих законов и постановлений о защите интересов иностранных инвесторов ограничивает масштабы исходящих инвестиций Китая. Кроме того, китайские инвесторы сталкиваются с такими проблемами, как отсутствие прозрачности в законах и нормативных актах, слабая защита прав интеллектуальной собственности и ненадежная политика защиты местных предприятий. Отсутствует гарантия неприкосновенности договоров об инвестиционном сотрудничестве.

3. Недостаток опыта в энергетической дипломатии у Китая.

Временной период развития нефтяной промышленности Китая непродолжительный, а уровень ее развития очень невысокий. Нефтя-

ная промышленность Китая начала развиваться недавно, а стратегия по внутренней энергетике недостаточно продумана. Поэтому между Китаем и другими странами, особенно Европой, Америкой и Японией, существует большой разрыв. Отсутствие опыта в определении структуры и тенденции развития нефтяных разработок оказывает большое влияние на торговое сотрудничество между Китаем и Россией. При торговле с Россией не уделялось достаточного внимания российской нефтяной торговой политике, стратегическому развитию и промышленной направленности, что иногда вызывало недопонимания с российской стороны. Это все оказало негативное влияние на развитие сотрудничества в торговле нефтью между двумя сторонами.

С российской стороны:

1. *Недостаток стабильности соответствующих российских законов и постановлений.*

В последние годы российские законы и постановления об иностранных инвестициях постоянно менялись и пересматривались, что не только не принесло пользы иностранным инвесторам, но и увеличило их экономическое бремя. На внутреннем российском рынке отсутствуют четко сформулированные правила (в основном во взаимоотношениях между властью и бизнесом), что обычно считается основным риском инвестирования в Россию. Заведующий отделом экономики «Независимой газеты» Михаил Сергеев 19.10.2020 г. в своей статье «Частый пересмотр законов – главное препятствие для иностранных инвесторов в России» отметил, что основным барьером для инвестиционной деятельности выступают частые изменения в законодательстве, по мнению половины иностранных инвесторов в РФ. Если говорить более детально, то чуть больше одной трети компаний отмечают высокий уровень административных барьеров, примерно треть (34%) упоминают в качестве барьера несоответствие местного законодательства сложившимся условиям” [10].

2. *Налоговая политика.*

С 2010 г. в России начался новый этап налоговой реформы. В 2014 г. базовая налоговая ставка на добычу нефти выросла с 470 руб. до 493 руб. за тонну, в 2015 г. – до 530 руб. за тонну, в 2016 г. – до 559 руб. за тонну. Предельная ставка экспортной пошлины на нефть снизилась в 2014 г. с 60 до 59%, в 2015 г. – до 57% и в 2016 г. – до 55%². В феврале 2014 г. Министерство финансов России предложило ввести налог на прибыль при продаже недвижимости в России иностранными компаниями, и в 2014 г. налоговый кодекс был изменен соответствующим образом. В феврале 2015 г. Правительство России издало постановление прави-

² Официальный сайт Минфина России. Пресс-центр. 18.03.2014. https://minfin.gov.ru/ru/presscenter/id_4=32867zamestitel_ministra_finansov_sergei_shatalov_zhurnalistam.

тельства о внесении изменений в положения налогового законодательства о защите интеллектуальной собственности, использовании продуктов, использовании нематериальных активов.

В последние годы, хотя российское правительство провело серию налоговых реформ и достигло некоторых промежуточных результатов, налоговое бремя для предприятий по-прежнему относительно велико. Налогообложение является основным фактором, ограничивающим получение доходов предприятиями, а также одним из главных факторов инвестиционной уверенности иностранных инвесторов.

Так, возникший из-за падения цен на нефть и пандемии COVID-19 дефицит бюджета вынудил правительство РФ пересмотреть налоговые льготы для добычи нефти. В результате проведенных реформ был отменен целый ряд стимулов, а взамен дана возможность компаниям перейти на новый налоговый режим НДД (налог на дополнительный доход), который начал свое действие для новых проектов с 2019 г.; отменена налоговая льгота по выработанности месторождений с возможностью перехода на НДД; ликвидирована льготная экспортная пошлина для ряда проектов; полностью упразднены налоговые стимулы для высоковязкой и сверхвязкой нефти. Реализация новой налоговой политики должна помочь правительству РФ изъять за 5 лет порядка 650 млрд руб. денежного потока из нефтегазовой сферы, что может негативно сказаться на инвестиционной активности зарубежных компаний, в том числе и китайских.

3. Несовершенство льготно-правовой политики для привлечения инвесторов.

Согласно ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»³, когда зарубежные инвесторы вкладываются в особо важные инвестиционные проекты (в основном связанные с производственной сферой, строительством транспортных объектов или проектами строительства инфраструктуры), определенные Правительством Российской Федерации, и общий объем инвестиций превышает 1 млрд руб. (примерно 28,57 млн долл. США), то, согласно «Таможенному кодексу Российской Федерации» и «Налоговому кодексу Российской Федерации», иностранным инвесторам будут предоставлены соответствующие льготы на импортные таможенные пошлины и налоги на добавленную стоимость. Техническое оборудование и запасные части, импортируемые иностранными инвесторами в качестве фиксированных активов, освобождаются от импортных пошлин. В 2009 г. лидеры

³ Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 № 160-ФЗ (последняя редакция). Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 № 160-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс (consultant.ru).

Китая и России ратифицировали Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений⁴. Соглашение направлено на содействие инвестициям китайских компаний в Россию и улучшение защиты безопасности всего инвестиционного процесса, а также на предоставление многих удобств китайским гражданам на территории России, связанных с получением виз или разрешения на работу и т. д. Соглашение также направлено на то, чтобы инвестиции китайских компаний в Россию были честными и справедливыми, без каких-либо препятствий или дискриминации. Однако фактический процесс его реализации неудовлетворителен, и справедливость не может быть достигнута. В частности, существуют барьеры для покупки земли и налогообложения, ограничения по трудовым квотам и препятствия для утверждения виз.

4. Ограничения в отношении иностранных сотрудников.

Под воздействием глобального финансового кризиса и растущего давления на внутреннюю занятость в России политическая ориентация России на услуги иностранной рабочей силы меняется: квоты на услуги иностранной рабочей силы сокращаются, определяются допустимые доли работников иностранцев в некоторых отраслях.

Несмотря на то, что в России зафиксирован большой дефицит трудовых ресурсов в 2021 г.,⁵ спрос на иностранную рабочую силу имеет тенденцию к снижению [12]. Минтруд России предлагает резко сократить долю иностранных рабочих в определенных отраслях в России, таких как строительство, овощеводство и наземный транспорт⁶. По данным Федеральной миграционной службы России, за период январь–декабрь 2021 г. количество китайских иммигрантов в России

⁴ Федеральный закон от 9 апреля 2009 г. № 54-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений и Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений».

⁵ У России отмирают рабочие руки: Дефицит кадров в экономике достиг 7-летнего максимума. finanz.ru, 2021. У России отмирают рабочие руки: Дефицит кадров в экономике достиг 7-летнего максимума | 15.12.21 | finanz.ru.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 07.10.2021 № 1706 «Об установлении на 2022 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности». Постановление Правительства Российской Федерации от 07.10.2021 № 1706. · Официальное опубликование правовых актов. Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).

составило около 152 000 человек, из них 87 000 трудовых мигрантов⁷. Иммигранты в России из Центральной Азии – это в основном низкоквалифицированные рабочие, иммигранты из Китая – в основном рабочие средней квалификации, а высококвалифицированные специалисты – это в основном иммигранты из Германии, Великобритании, США и Франции. Низкоквалифицированные рабочие не только создают ограниченные экономические выгоды, но также предполагают большое количество серых рабочих, с которыми трудно справиться. По статистике министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, 30% иностранной рабочей силы в условиях сурового климата Дальнего Востока прибывает из Китая [3].

5. Проблемы инфраструктуры.

Инфраструктура России в основном сосредоточена в Москве, большинство экономически значимых транспортных коридоров также сосредоточено в столице, и вместе они представляют собой лучевую сеть. Хотя коммерческий транспорт не полностью интегрирован в мировую транспортную систему, он сильно зависит от железных дорог. Для такой большой страны авиаперевозки все еще находятся на недостаточно развитом уровне, поэтому перевозки между странами очень сложны.

1. Ограниченность железнодорожных путей для перевозки нефти из России в Китай.

В сухопутных перевозках России преобладает железнодорожный транспорт. Недостаток железнодорожных путей на обширной северо-восточной азиатской территории России приводит к очень ограниченным масштабам транспортировки нефти в Китай и серьезно ограничивает расширение и углубление торговли нефтью Китая с Россией.

2. Каналы транспортировки нефти небезопасны.

В торговле нефтью между Китаем и Россией основным видом транспортировки является морской транспорт. Однако, учитывая, что морские перевозки сопряжены с большими рисками, самым безопасным каналом торговли нефтью между Китаем и Россией является наземный транспорт [4].

6. Стереотипы, связанные с Китаем и китайской продукцией.

В России существуют два предвзятых мнения, которые влияют на российско-китайское нефтегазовое сотрудничество.

Первое мнение заключается в том, что китайско-российское нефтегазовое сотрудничество представляет собой разграбление Китаем рос-

⁷ Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации, 2021. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам.

сийских энергоресурсов. Как считают некоторые специалисты, Россия в лице компании Газпром делает «сверхскидки» Китаю при продаже газа и вместо «сверхприбыли» получает намного меньше, чем положено даже по спотовой цене. Согласно данным доктора экономических наук Н.А. Кричевского, «в III квартале этого года средняя стоимость поставок газа по «Силе Сибири» была 140 долл. за 1000 куб. м., что в 8,4 раза ниже спотовых цен и в 4,2 раза ниже рынка СПГ» [6]. Те, кто разделяет мнение Н.А. Кричевского, к китайско-российскому энергетическому сотрудничеству относятся негативно, выжидательно или сдержанно.

Второе предвзятое мнение россиян о Китае связано с восприятием китайской продукции как низкокачественной и дешевой. Этот стереотип распространен не только в России, на что существовала реальная причина: в игрушках, сделанных в Китае в 2007 г., было обнаружено высокое содержание свинца, а в шоколадных батончиках Snickers и KitKat был выявлен опасный для здоровья меламин. Несмотря на то, что в последние годы китайские компании укрепили свои торговые марки и улучшили корпоративный имидж, уделяя больше внимания качеству продукции и гигиеническим стандартам, стереотип «сделано в Китае – значит сделано плохо» продолжает существовать и на сегодняшний день [13].

7. Высокая инвестиционная стоимость, низкий доход.

Для китайско-российских проектов сотрудничества в области энергетики, будь то сырая нефть, природный газ, электричество или ядерная энергия, а также независимо от того, что это торговля энергоносителями, добыча и разработка или переработка и сбыт, ценовой фактор является основным бизнес-содержанием переговоров по проектам.

Опрос компаний, проведенный Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации с целью выявления основных проблем и тенденций в реализации государственной политики импортозамещения в сфере ТЭК в 2016 г.⁸, показал, что текущие трудности при инвестировании в Россию в основном связаны с инвестиционной средой в России, с ориентацией на рынок, проблемами квалификации, большими проблемами с рабочей силой и трудностями с финансированием. Кроме того, степень соответствия инвестиционного поведения предприятий с национальной стратегией и реальным спросом на ключевые

⁸ Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации провел опрос среди компаний – производителей оборудования и продукции топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК), направленный на выявление основных проблем и тенденций в реализации государственной политики импортозамещения в сфере ТЭК. В опросе приняли участие 38 компаний из сферы нефтегазового, транспортного, энергетического машиностроения, нефтегазохимии, а также кабельной и электротехнической промышленности. Срок проведения опроса – июль–август 2016 г. 10298.pdf (ac.gov.ru).

продукты невелика, что приводит к таким проблемам, как низкая рентабельность инвестиций и трудности с расширением деятельности [7].

8. В России существует своя собственная система государственных технических стандартов, которая очень эксклюзивна и плохо совместима с международными стандартами.

После распада Советского Союза Россия переживает социально-экономический переходный период, и система управления стандартизацией также сталкивается с переходом от модели плановой экономики к модели рыночной экономики. Федеральное правительство приняло ряд законов и правил, которые регулируют построение российской системы стандартов. Степень ее признания в России очень высока, в то время как иностранные стандарты имеют низкую степень признания. Поэтому российская система стандартизации имеет низкую степень интеграции и плохую совместимость с международными стандартами.

В Китае и в России существуют большие различия в технических стандартах и правилах. Россия имеет высокие технологические барьеры, что объективно увеличивает сложность инвестиций для предприятий, финансируемых Китаем.

9. Коррупция.

Согласно исследованию, проведенному TRANSPARENCY INTERNATIONAL в 2020 г.⁹, индекс восприятия коррупции России равен 29 баллам из 100. При этом Россия занимает 136 место среди 180 стран после стран Восточной Европы и Центральной Азии.

Взятничество и коррупция всегда были серьезными проблемами, с которыми сталкивались транснациональные компании. Это особенно актуально для инвесторов, ищущих инвестиционные возможности в странах с высоким риском коррупции. В некоторых случаях взяточничество стало неписаной практикой, и инвесторы, не выполняющие «взяточные обязательства», могут подвергнуться репрессиям со стороны местных властей или других ведомств.

В течение долгого времени в России существует проблема коррупции, которая разрушает нормальную рыночную конкурентную среду. Многие экспертные учреждения считают, что коррупция является главным препятствием и самым большим риском для экономического диалога с Россией и содействия собственному развитию страны.

В исследовании 2017 г. «Как уровень коррупции влияет на объем прямых иностранных инвестиций?» была выявлена зависимость между уровнем коррупции в стране и склонностью иностранных инвесторов вкладывать деньги в страну. В частности, Россия с высоким уровнем восприятия коррупции становится все менее привлекательной для ино-

⁹ Transparency.org – ИВК за 2020 год: глобальные выводы – News.

странных инвесторов. По мнению исследователей, «в долгосрочном плане именно восприятие коррупции будет во многом определять динамику инвестиций в отечественную экономику, а значит, и темпы инновационного развития нефтегазового комплекса». Искоренение коррупции или, по крайней мере, снижение уровня коррупции в России положительным образом скажется на инвестиционном климате [5].

В России высокий уровень бюрократии, а инвестиционные процедуры очень сложные. Кроме того, китайские компании относительно плохо ориентируются в российском законодательстве и не успевают адаптироваться к его изменениям и дополнениям, что создает скрытые риски для финансируемых из Китая компаний. И хотя Россия всегда заявляла, что ведет борьбу с коррупцией, однако интенсивность и эффективность борьбы с коррупцией недостаточны.

5. Выводы и предложения

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы и предложения:

1) необходимо продолжать укреплять политическое взаимное доверие между двумя державами, поддерживая при этом взаимодействие между странами на высшем уровне и укрепляя общественные связи и обмены;

2) Россия должна и дальше расширять степень открытости и реализовывать политику «выхода вовне и привлечения зарубежного» в соответствии с собственными национальными условиями;

3) необходимо принимать и совершенствовать законы и нормативные акты, оптимизировать деловую среду в России и создать справедливую и нотариально заверенную торговую платформу;

4) следует активизировать усилия по борьбе с коррупцией, защищать законные права и интересы инвесторов, а также укреплять их доверие к инвестированию в России;

5) предоставлять иностранным инвесторам возможности инвестирования и сотрудничества в некоторых областях разведки и добычи, совершенствовать инфраструктуру, создавать дополнительные рабочие места и повышать уровень жизни людей. В частности, вице-премьер Александр Новак на заседании Российско-китайской межправительственной комиссии по энергетическому сотрудничеству 17 ноября 2021 г. заявил, что РФ выжидает момент, когда китайский партнер проявит интерес к угольной промышленности, и предлагает совместную разработку угольных месторождений на российской территории взамен на долгосрочное сотрудничество. Он также отмечает, что успешным примером сотрудничества уже является Залушанское угольное месторождение в Забайкалье, доля в котором принадлежит китайской компании

Shenhua с 2015 г. Новак прогнозирует увеличение добычи в 20 раз, которая будет производиться открытым способом и использоваться как для нужд Забайкальского края, так и для экспорта в Китай. Он также отмечает, что в нефтегазовой промышленности внимание уделяется совместной разведке и разработке нефтегазовых запасов на территории России и развитию логистической направленности транспортировки нефти из России в Китай в 2022 г. по дальневосточным маршрутам [8];

6) оптимизировать рабочий процесс и способствовать использованию современного программного обеспечения для повышения эффективности работы государственных административных органов;

7) поощрять предприятия к инновациям, оптимизировать соответствующие технические стандарты, снизить соответствующим образом технологические барьеры для иностранных инвесторов и т. д.

Китай и Россия являются близкими соседями и поддерживают традиционные дружеские отношения. И хотя масштабы китайских инвестиций в Россию в настоящее время относительно невелики, однако обе страны продолжают углублять сотрудничество в энергетической сфере. Можно быть уверенным, что китайско-российское инвестиционное энергетическое сотрудничество станет образцом для мирового сотрудничества в сфере энергетики и на высоком уровне будет способствовать благу народов двух стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алифарова Е. Своевременно. Россия и Китай готовы к расширению сотрудничества в ТЭК // *Neftegaz.RU*, 2021.
2. Емельянова С. Состояние и перспективы энергетического сотрудничества России и стран БРИКС // *Российский совет по международным делам*, 2020.
3. Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Иностранная рабочая сила Дальнего Востока России // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 5. С.130–140.
4. Колесников А.Е., Кучинская Т.Н. Железнодорожный транзитный потенциал Российской Федерации: проблемы, перспективы, возможности от участия в международном интеграционном проекте – инициативе КНР «Один пояс – Один путь» // *Молодой ученый*. 2019. № 37 (275). С. 120–123.
5. Конопляник А., Жигулина Е. Большой зуб экономики: как уровень коррупции влияет на объем прямых иностранных инвестиций? // *Нефтегазовая вертикаль*. 2017. № 17. С. 6–11.
6. Кричевский Н.А. Сверхскидки вместо сверхприбылей: почему «Газпром» поставляет газ в Китай с таким дисконтом // *Независимая газета*, 15.10.2021.
7. Проблемы импортозамещения в отраслях ТЭК и смежных сферах / Аналитический центр при Правительстве РФ, 2016.
8. Россия и Китай хотят совместно разрабатывать месторождения угля в Забайкалье // *Ведомости*, 17 ноября 2021.
9. Русак Н.А. Россия и Китай: от торговли энергоресурсами к инвестиционному сотрудничеству // *Neftegaz.RU*, 2020.

10. *Сергеев М.* Частый пересмотр законов – главное препятствие для иностранных инвесторов в России // Независимая газета, 19.10.2020.
11. *Ткачев И.* Иностранный бизнес пожаловался на частые изменения законов в России // РБК. Экономика, 19.10.2020.
12. У России отмирают рабочие руки: Дефицит кадров в экономике достиг 7-летнего максимума // Finanz.ru, 2021.
13. *Янчева Н.* Это подделки: Почему все ненавидят китайские вещи – и зря // Wonderzine.com, 2019.
14. 2020 Statistical Bulletin of China's Outward foreign Direct Investment, 2021. 商务部、国家统计局和国家外汇管理局联合发布《2020年度中国对外直接投资统计公报》(thepaper.cn).

REFERENCES

1. *Alifarova E.* Timely. Russia and China are ready to expand cooperation in the fuel and energy sector // Neftegaz.RU, 2021. (In Russ.).
2. *Emelyanova S.* The state and prospects of energy cooperation between Russia and the BRICS countries // Russian International Affairs Council, 2020. (In Russ.).
3. *Izotov D.A., Motrich E.L.* Foreign labor force of the Russian Far East // Problems of Forecasting, 2019. No. 5. P. 130–140. (In Russ.).
4. *Kolesnikov A.E.* Railway transit potential of the Russian Federation: problems, prospects, opportunities from participation in the international integration project – the initiative of the PRC “One belt – one way” / A.E. Kolesnikov, T.N. Kuchinskaya. Text: direct // Young scientist. 2019. No. 37 (275). S. 120–123. (In Russ.).
5. *Konoplyanik A., Zhigulina E.* A Sick tooth of the economy: how does the level of corruption affect the volume of foreign direct investment? // Oil and gas vertical. 2017. №17. С. 6–11. (In Russ.).
6. *Krichevsky N.A.* Super discounts instead of super profits: why Gazprom supplies gas to China bringing volume discount // Nezavisimaya, 2021. (In Russ.).
7. Problems of import substitution in the fuel and energy sector and related areas / Analytical Center under the Government of the Russian Federation, 2016. (In Russ.).
8. Russia and China want to develop coal deposits in Transbaikalia together // Vedomosti, 2021. (in Russ.).
9. *Rusak N.A.* Russia and China: from energy trade to investment cooperation // Neftegaz.RU, 2020. (In Russ.).
10. *Sergeev M.* Frequent review of laws is the main obstacle for foreign investors in Russia // Nezavisimaya, 2020 (In Russ.).
11. *Tkachev I.* Foreign business complained about frequent changes in laws in Russia // RBC, Economics, 2020. (In Russ.).
12. Russia's workforce is dying: The labor shortage in the economy has reached a 7-year high // Finanz.ru, 2021. (In Russ.).
13. *Yancheva N.* These are fakes: Why everyone hates Chinese things – and in vain // Wonderzine.com, 2019. (In Russ.).
14. 2020 Statistical Bulletin of China's Outward foreign Direct Investment, 2021. 商务部、国家统计局和国家外汇管理局联合发布《2020年度中国对外直接投资统计公报》(thepaper.cn).

Дата поступления рукописи: 08.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Wang Jilu – Postgraduate Student at the Moscow School of Economics (MSE),
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Wangjl200203@mail.ru

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE AND EFFICIENCY OF INVESTMENTS
OF CHINESE ENTERPRISES IN THE ENERGY SECTOR OF RUSSIA

The article is devoted to the analysis of the state and efficiency of Chinese companies' investments in the energy industry of modern Russia. The analysis shows that the energy cooperation between Russia and China can be characterized as a strategic and mutually beneficial. However, it faces factors that limit Sino-Russian relations from both sides. China constraining factors include the low competitiveness of Chinese enterprises, China's lack of experience in energy diplomacy, and unimproved policy of the Chinese government to stimulate companies entering the world market. Russia constraining factors are the lack of stability of the relevant Russian laws and regulations, tax policy, restrictions on foreign employees, the high corruption level, etc.

The author proposes to improve the investment energy cooperation between Russia and China in several directions. These directions imply strengthening political mutual trust between the counties, expanding the degree of Russia's openness, implementation of the policy "going outside and attracting foreign"; improvements of laws and regulations that optimize the business environment in Russia; intensifying efforts to combat corruption, protection of the legitimate rights and interests of investors, etc.

Keywords: *Sino-Russian relations, energy, investment cooperation, strategy, oil, natural gas.*

JEL: Q43, Q48, Q49.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.Н. ФЕДОРОВА

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ЧЕЛОВЕК КАК ДОМИНАНТА РАЗВИТИЯ (по материалам «круглого стола» в Институте экономики РАН)

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_156_170.

7 октября 2021 г. в Институте экономики РАН состоялся «круглый стол», посвященный 90-летию со дня рождения доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ П.В. Савченко и презентации его книги «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития» (М.: ИНФРА-М, 2021), который проводился в рамках расширенного заседания секций Ученого совета научных направлений «Экономическая политика» и «Институты современной экономики и инновационного развития». В обсуждении приняли участие сотрудники ИЭ РАН и члены авторских коллективов работ, опубликованных под редакцией П.В. Савченко.

Во вступительном слове *и.о. директора ИЭ РАН, д.э.н. Е.Б. Ленчук* отметила, что стало доброй традицией в институте поддерживать память о наших ушедших коллегах, которые внесли большой вклад в проводимые научные исследования, в разработку теории социально-экономического развития, формирование научных школ. И сегодня мы проводим круглый стол, посвященный 90-летию со дня рождения Поля Вячеславовича Савченко, проработавшего в институте более 40 лет, а также презентацию его книги «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития».

Поль Вячеславович был незаурядным человеком, прошедшим довольно жесткую жизненную школу. Читая его книгу «Прошедшие годы: взгляд современника», не перестаешь удивляться, как насыщена

была его жизнь, какие интересные люди его окружали – академики, профессора, выдающиеся ученые, которые несомненно оказали свое влияние на П.В. Савченко и формирование его как личности и как ученого. В своей книге он особенно тепло вспоминает об Александре Ивановиче Анчишкине, Евгении Семеновиче Городецком, Игоре Павловиче Фаминском, о Валерии Викторовиче Радаеве, Павле Артемьевиче Игнатовском – это знаковые фигуры в развитии экономической науки.

Поль Вячеславович был талантливым ученым, который умел сочетать проведение исследований, генерирование новых идей с великолепными организаторскими способностями и умением объединить вокруг себя ученых-исследователей, работающих в различных сферах социально-экономического развития. Это наиболее ярко проявилось в издании коллективных монографий, инициатором и ответственным редактором которых он являлся. Судьба свела меня с этим человеком лишь в последние десять лет, но мне удалось наблюдать процесс издания книги «Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития», которая пользовалась большим успехом и спросом.

Если обращаться к научному наследию П.В. Савченко, то направления его исследований были связаны с изучением социально-экономических отношений, с попыткой раскрыть и понять связь социально-экономической Системы с образом жизни людей, их ценностными ориентациями и мотивациями деятельности. Но во главу угла всегда был поставлен человек – как субъект экономики и общества. Поль Вячеславович сначала изучал его как винтика командно-административной системы, а в дальнейшем исследовал особенности экономического человека в рыночной экономике. И сегодня на нашем круглом столе мы презентуем его книгу, в которой именно человек рассматривается как доминанта развития.

Я хочу еще раз выразить благодарность всем участникам нашего круглого стола за отклик и думаю, что сегодня сможем вспомнить П.В. Савченко, его вклад в исследование проблем социально-экономического развития, в осмысление трансформационных процессов под углом зрения интересов человека, уровня и качества его жизни, что сегодня не перестает быть самой актуальной темой.

Научный руководитель ИЭ РАН, чл.-корр. РАН Р.С. Гринберг отметил большой вклад П.В. Савченко в научные исследования института, его творческую энергию, организаторский талант и человеческие качества, которые помогали ему все это осуществить, – его работоспособность, интерес ко всему новому, умение расположить к себе людей и заинтересовать их новыми идеями. Все это ярко проявилось при работе над коллективной монографией «Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития», вышедшей под ред. Р.С. Гринберга и П.В. Савченко, четырежды издававшейся

в издательстве ИНФРА-М (в 2014, 2016, 2019 и 2021 гг.), и каждый раз при этом системный подход развивался и дополнялся. П.В. Савченко исследовал российскую социально-экономическую Систему как целое, выявлял основные проблемы и перспективы ее развития, особое внимание уделял социальным вопросам и роли человеческого потенциала как фактора развития. Необходимо также обратить внимание на оригинальный политэкономический подход к исследуемым проблемам. П.В. Савченко не был сторонником «чистого социализма» или «чистой рыночной экономики», а исходил из смешанного характера экономики. Такой подход давал возможность избегать крайностей, обосновывать взаимодействие государственной активности и частной инициативы, необходимость баланса интересов человека, общества и государства. Это близко социал-демократическому подходу, который я поддерживал, будучи директором ИЭ РАН. П.В. Савченко излучал искреннюю доброжелательность. Сотрудничество и общение с ним оставляют светлые воспоминания у тех, кто с ним работал.

Доклад д.э.н. М.Н. Федоровой (ИЭ РАН) был посвящен исследованию трансформации роли и места человека, его интересов и мотиваций в работах П.В. Савченко в период с 1980-х годов по настоящее время. При анализе экономических явлений и процессов П.В. Савченко прежде всего выявлял интересы людей и экономические последствия для населения.

1980-е годы были периодом возникновения предпосылок долговременных и системных социально-экономических трансформаций, которые П.В. Савченко исследовал с точки зрения развития человека как субъекта экономики и общества.

В этот период (с 1979 по 1987 гг.) П.В. Савченко был исполняющим обязанности, а затем заведующим Сектором экономических основ социалистического образа жизни и социальной однородности общества. Исследование образа жизни стало для П.В. Савченко тем научным пространством, которое дало возможность глубже рассматривать место и роль человека как главной производительной силы и субъекта производственных отношений, мотивы трудовой деятельности, систему обратных связей в обществе, действие экономических законов через механизмы реализации потребностей и интересов человека и социальных групп.

В 1990-е годы, в период социально-экономических трансформаций, связанных с переходом к рыночной экономике, П.В. Савченко исследовал проблемы адаптации человека к рынку, приоритеты социальной стратегии и социальной политики. Он подготовил справочники по законодательству, организации работы, по налогообложению и мерам государственной поддержки новых форм хозяйствования (кооперати-

вов по производству товаров и оказанию услуг, индивидуальной трудовой и индивидуальной предпринимательской деятельности)¹.

Все эти проблемы П.В. Савченко продолжал рассматривать в главах учебника «Курс переходной экономики», подготовленного под ред. Абалкина Л.И. (М.: Финстатинформ, 1997), где он был составителем и одним из авторов. П.В. Савченко обосновывал, что нельзя проводить рыночные реформы за счет человека, что «при осуществлении экономических реформ государство должно оценивать их последствия для всего населения, проводить взвешенную, реалистическую социальную политику»².

Исследование социально-экономических трансформаций в переходной экономике вызвало необходимость решения фундаментальной методологической проблемы – поиска общих основ взаимодействия общественных отношений, их субъектов и институтов. В работах 2000-х годов П.В. Савченко исследовал социально-экономическую Систему как совокупность вертикальных и горизонтальных, формальных и неформальных, экономических, социальных, культурных и др. отношений между людьми, социальными группами, органами государственного управления и хозяйственными субъектами на макро-, мезо- и микроуровне, как основу парадигмы развития национальной экономики России³. В социально-экономической Системе человеку как субъекту экономики и общества отводится особая роль ядра Системы и всех ее подсистем (экономической, социальной, политической, нравственно-духовной и семейно-бытовой).

Системный подход, используемый П.В. Савченко, и разработанная в его трудах Система как способ исследования являются методологическим ключом для рассмотрения экономических явлений и процессов: их необходимо анализировать с учетом взаимодействия всех подсистем, проверять на соответствие человекоцентристскому вектору и на гармоничное сочетание интересов человека, общества и государства.

Систему как способ исследования П.В. Савченко использовал при рассмотрении социально-трудовых отношений в своих статьях и в моно-

¹ Индивидуальная трудовая деятельность: вопросы и ответы / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономика, 1989; Кооперативы по производству товаров и оказанию услуг. Справочное пособие / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономика, 1989; Индивидуальная предпринимательская деятельность. Справочное пособие / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономика, 1992.

² Курс переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Финстатинформ, 1997. С. 470–471.

³ Вышло 4 издания коллективной монографии «Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития» / Под ред. Р.С. Гринберга и П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М (1-е изд. – 2014, 2-е изд. – 2016, 3-е изд. – 2019, 4-е изд. – 2021).

графии «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития» (М.: ИНФРА-М, 2021). Эти отношения он рассматривал как интегрированный блок социально-экономической Системы, связанный со всеми подсистемами.

Система как способ исследования является методологической основой и при создании учебника «Национальная экономика»⁴. Системный подход дал возможность рассматривать место и роль человека в национальной экономике России как социально-экономической Системе, функционирующей в период перехода к информационно-индустриальному обществу в условиях глобализации. П.В. Савченко включил человека как субъекта экономики и общества в систему воспроизводства и устойчивого развития, то есть последовательно осуществлял теоретический подход, который прослеживается в его работах с 1980-х годов.

П.В. Савченко был видным ученым, талантливым организатором научной работы, жизнерадостным и отзывчивым человеком с добрым сердцем и позитивной энергией. Как организатор научных исследований он умел раскрыть лучшее, что есть у каждого автора, давал возможность всем проявить себя при подготовке коллективных работ.

Д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ А.Е. Варшавский (ЦЭМИ РАН) в своем выступлении рассказал, что с П.В. Савченко его познакомил академик АН СССР А.И. Анчишкин, когда они обсуждали вопросы, связанные с Комплексной программой НТП. Об этой работе П.В. Савченко рассказывает в книге «Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина» (М.: ИНФРА-М, 2013), подготовленной и изданной по его инициативе к 80-летию А.И. Анчишкина.

П.В. Савченко был ведущим специалистом в таких областях, как социально-экономическая Система, человек как фактор развития.

Такой всеобъемлющий подход охватывал проблемы и занятости, и мотивации, и социальной справедливости, и роли государства, и доходов, как трудовых, так и от капитала, и проблемы чрезмерного неравенства в России. Все это чрезвычайно актуально для нашей страны. Широта такого подхода, его новизна отмечались ведущими экономистами.

Для меня очень важным было участие в двух учебниках – «Национальная экономика», подготовленном под редакцией П.В. Савченко, успешно выдержавшем несколько изданий и заслуженно признанным у нас лучшим по этой тематике, и «Экономика общественного сектора», под редакцией П.В. Савченко, И.А. Погосова и Е.Н. Жиль-

⁴ Вышло 5 изданий учебника «Национальная экономика» / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономистъ, 2005 (1-е изд.), М.: Экономистъ, 2007 (2-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2011 (3-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2016 (4-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2018 (5-е изд.).

цова, а также в монографии «Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития», под редакцией Р.С. Гринберга и П.В. Савченко. Большой интерес представляет и только что вышедшая последняя монография Поля Вячеславовича «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития».

Поль Вячеславович умел собрать мощный авторский коллектив и с успехом руководить им, он был ответственным редактором этих и многих других книг. Но все же главное, что мне хочется отметить, это его человеческие качества – доброта, благожелательность, культура общения. Он был нацелен на то, чтобы делать добро людям. И он замечательно это делал. Его научные интересы, отражавшие стремление к справедливости, подтверждают это.

Д.э.н., доцент Л.А. Стрижкова (Институт макроэкономических исследований ВАЭТ Министерства экономического развития РФ) обратила особое внимание на то, что П.В. Савченко умел индуцировать новые идеи, а также собирать и поддерживать большие творческие коллективы, объединяя их общим замыслом.

П.В. Савченко был постоянен в своих научных пристрастиях – приоритет всегда сохранялся за направлениями, связанными с изучением социально-экономических связей. Своими научными трудами он внес заметный вклад в отечественную экономическую науку.

Тема человека в экономике, разрабатываемая П.В. Савченко, обширна и сложна. В ней много актуальных и дискуссионных вопросов, связанных с возросшей и быстро усиливающейся в современном мире ролью знаний, «человеческого капитала», угрозами сегментирования общества в новой техно-цифровой среде, проблемами выбора политики в условиях установки на инклюзивность развития и т.п. Последняя работа П.В. Савченко «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития» также посвящена социальной тематике. Это фундаментальный труд, где развитие социально-трудовых отношений и сопряженные вопросы рассматриваются как в историческом аспекте, так и в приложении к современной ситуации, с позиции политэкономической теории и с глубоким философским подходом к их осмыслению, интерпретации.

Актуальность вопросов, связанных с обеспечением системного подхода к изучению многоплановых прямых и обратных связей в сфере социально-трудовых отношений, определяет высокий интерес к этой книге. Представляется, что ознакомление с позицией автора по озвученному кругу вопросов будет полезно при выборе мер социальной политики и при разработке сценарных прогнозов.

ИЭ РАН сегодня – известная площадка для обсуждения многих важных вопросов экономической политики, объединяющая ученых

из различных научных структур. И наряду с другими специалистами института немалую лепту в это внес своей деятельностью П.В. Савченко. Много душевных сил он отдавал также своей любимой преподавательской работе, подготовке молодых специалистов.

Отдавая сегодня дань богатому научному наследию Поля Вячеславовича Савченко, хочется подчеркнуть, что он был человеком не только блестящего ума, но и человеком с очень щедрым сердцем. И таким он останется в памяти многих людей, которых с ним свела жизнь.

К.э.н., доцент, заслуженный экономист Российской Федерации Г.О. Куранов (Министерство экономического развития РФ) отметил, что его знакомство с П.В. Савченко началось с участия в коллективном монографическом труде «Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития». Вспоминая годы сотрудничества с П.В. Савченко, Г.О. Куранов обратил внимание на слова, которые часто произносил Поль Вячеславович: «Чтобы понять, куда идет Россия, надо оценить происходящие сегодня процессы в их единстве, взаимообусловленности, системно и комплексно, необходимо изучать феномен современной Системы».

В научных исследованиях П.В. Савченко много внимания уделял вопросам доминирующей роли человека в развитии социально-экономической Системы. Этой теме посвящена и его последняя книга «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития». В ней реализован системный подход – рассматривается трудовая деятельность человека и ее эффективность во взаимосвязи со всеми социально-экономическими отношениями.

Повышение качества человеческого капитала является в настоящее время важнейшим фактором развития. Но между деятельностью человека и конечным результатом развития экономики – повышением производительности труда, ростом благосостояния, развитием производительных сил – лежит много звеньев, встроенных в экономические и социальные отношения. С другой стороны, интенсивность и качество труда также опосредуется рядом звеньев: политикой доходов, социальной и бюджетной политикой. Все это находится во взаимосвязи, в Системе, которую исследует П.В. Савченко. Такому системному подходу нужно учиться.

К сожалению, сегодня с нами уже нет П.В. Савченко – большого ученого, талантливого организатора, замечательного преподавателя. Но с нами остались его многочисленные труды – результат глубокого осмысления многих вопросов, важных для успешного развития России в изменяющейся глобальной системе мирохозяйственных связей.

Д.э.н., профессор И.В. Караваяева (ИЭ РАН) посвятила свое выступление научной и преподавательской деятельности П.В. Савченко. Поль Вячеславович преподавал на кафедрах политической экономики

и социально-экономических проблем экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, более 10 лет был заместителем заведующего кафедрой политической экономии, доктора экономических наук, профессора Н.А. Цаголова. Впоследствии в течение 18 лет он был заместителем заведующего кафедрой социально-экономических проблем, академика РАН Л.И. Абалкина. Он принимал активное участие в подготовке учебника «Курс политической экономии», вышедшего под ред. Н.А. Цаголова⁵, был составителем учебника «Курс переходной экономики»⁶. Под редакцией П.В. Савченко вышли учебники «Политика доходов и заработной платы»⁷, «Экономика общественного сектора»⁸ и «Национальная экономика»⁹, учебное пособие «Заработная плата. Денежное обращение. Инфляция. Экономический рост»¹⁰. Студенты с большим интересом слушали его лекции и спецкурсы. Под руководством П.В. Савченко защитились 30 аспирантов.

В своих спецкурсах и главах в учебниках П.В. Савченко рассматривал теоретические основы исследования и актуальные проблемы, связанные с трудом, уровнем и качеством жизни людей. Эти проблемы отражены в представленной сегодня его монографии «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития» (М.: ИНФРА-М, 2021). П.В. Савченко в своей научной деятельности всегда был примером использования творческого подхода к исследованию, умения заинтересовать других сотрудников новыми идеями и организовывать авторские коллективы, внимательного и уважительного отношения к своим коллегам.

Д.э.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ Р.А. Чванов (РАНХиГС при Президенте РФ) выразил благодарность судьбе, что ему довелось участвовать в авторском коллективе под руководством замечательного организатора, научного редактора П.В. Савченко при подготовке нескольких изданий учебника «Национальная экономика» и монографии «Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития».

⁵ Курс политической экономии. Т. 2. Социализм / Под ред Н.А.. Цаголова. М.: Экономика, 1973.

⁶ Курс переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Финстатинформ, 1997.

⁷ Политика доходов и заработной платы/ Под ред. П.В. Савченко и Ю.П. Кокина. М.: Экономистъ (1-е изд. – 2001, 2-е изд. – 2004).

⁸ Экономика общественного сектора / Под ред. П.В. Савченко, И.А. Погосова, Е.Н. Жильцова. М.: ИНФРА-М (1-е изд. – 2009, 2-е изд. – 2015).

⁹ Национальная экономика / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономистъ, 2005 (1-е изд.), М.: Экономистъ, 2007 (2-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2011 (3-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2016 (4-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2018 (5-е изд.).

¹⁰ Заработная плата. Денежное обращение. Инфляция. Экономический рост / Под ред. И.А. Погосова, П.В. Савченко. М.: ТЕИС, 1999.

П.В. Савченко имел уникальный талант собирать огромные авторские коллективы, куда входили как широко известные ученые-экономисты, так и молодые преподаватели. Мне кажется, что и при формировании авторского коллектива Поль Вячеславович использовал системный подход, которым он пользовался и который совершенствовал в своих исследованиях, учитывая при этом персональные особенности каждого автора.

Апофеозом творческой деятельности Поля Вячеславовича явилась его последняя монография «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития». При этом в предыдущей монографии «Очерки о социально-экономической системе России» (2016 г.) человек был обозначен как вектор или направление ее развития. В последней монографии П.В. Савченко усилил роль человека, называя его доминантой развития, что соответствует уровню главенствующего элемента. Другими словами, здесь просматривается изменение роли человека – от вектора к доминанте.

Большое внимание в монографии уделено социальной подсистеме, трансформации социальной политики (Глава 4.6), в которой обоснована необходимость совершенствования социальной стратегии России с учетом решения проблемы соотношения социальной справедливости и свободы. И здесь среди прочих рассматриваются направления совершенствования системы налогообложения, которая должна использоваться для регулирования не только экономических, но и социальных процессов, в том числе за счет расширения и установления долгосрочных налоговых льгот. В этой части монографии П.В. Савченко фактически обосновал необходимость усиления социальной функции налогов, которая проявилась еще в классических принципах налогообложения, сформулированных А. Смитом в его известном труде, и прежде всего в отношении принципа равенства и справедливости, под которой подразумевается социальная справедливость¹¹.

Правильно выстроенная система налогообложения должна стимулировать человека вкладываться в образование, заботиться о здоровье, заниматься спортом. Необходимо ввести индексацию размеров социальных вычетов каждые 5 лет, а также улучшить информированность граждан о социальных выплатах. Это и будет определенным вкладом в реализацию идей П.В. Савченко в отношении решения социальных вопросов методами налогового регулирования.

Доктор геолого-минералогических наук В.С. Голубев (Международный НИИ проблем управления) посвятил свое выступление экосоциогуманизму – мироустройству на началах гармонии. Он отметил, что

¹¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 588.

исследование проблемы экосоциогуманизма в определенной степени дополняет исследования П.В. Савченко о человеке в социально-экономической Системе.

Экосоциогуманизм рассматривается как строй, который идет на смену капитализму и социализму. В нем развитие общества обусловлено развитием человека – ростом человеческого капитала, который включает в себя следующие составляющие: витальный капитал (характеристика физического здоровья), интеллектуальный и духовный (характеристики человека как работника и носителя нравственности).

Экосоциогуманизм – строй, являющийся разрешением противоположности «капитализм-социализм» на основе гармонического синтеза позитивных сторон капитализма и социализма. От социализма берется цель – гармоничное развитие человека, от капитализма – способ ее реализации – регулируемый рынок.

Основные установки экосоциогуманизма: «не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие», «жизнь – высшая ценность бытия», «все в меру», субъект истории – «Человек Гармоничный», «гуманитарные ценности приоритетны по сравнению с материальными», «материальное для развития духовного», «свобода для выполнения обязанности», «экономическая свобода для социальной справедливости» и др.

Экосоциогуманизм – истинная история, которая еще не наступила. Из теории социоприродного развития следует эволюционная траектория развития социально-экономических систем: либерализм – интегрализм – экосоциогуманизм. Интегрализм – промежуточный этап между либерализмом и экосоциогуманизмом. Его сущность – разного рода компромиссы между капитализмом и социализмом. Будущее в глобальном масштабе будет определяться не ноосферой, а гармосферой – сферой гармонии разума и чувств, человека и природы.

Главная цель экономики социогуманитарного государства – ее гуманизация и гармонизация. Она становится средством гармоничного развития человека. При этом показателем развитости страны служит ее национальное богатство, которое является суммой составляющих: человеческого, физического, социального и природного капиталов, а прогресс означает сопряженный рост всех этих составляющих.

Противоположности либеральной экономики «работодатель – наемный работник», «государственная – частная собственность» разрешаются через различные коллективистские формы собственности. Частная собственность не исключается, но становится частным случаем. Противоположность «богатые – бедные» разрешается через средний класс, являющийся главным фактором устойчивости социогуманитарного государства. Налоговая политика исключает сверхбогатство – «дурной рост» капитала собственника.

Гуманизация и гармонизация становятся также целями социальной, гуманитарной, культурной, демографической, экологической политики и геополитики государства.

Д.э.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ Е.В. Егоров (МГУ им. М.В. Ломоносова) обратил особое внимание на сотрудничество П.В. Савченко с экономическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова в области подготовки фундаментальных учебников и коллективных монографий по актуальным проблемам экономической теории и практики социально-экономического развития России в XXI в.

Благодаря своему научному потенциалу, организаторским способностям, неутомимой энергии и авторитету в академическом сообществе профессор П.В. Савченко в 2000-е годы являлся инициатором написания целого ряда крупных работ, в том числе «Политика доходов и заработной платы» и «Экономика общественного сектора».

При этом особую значимость и авторитет П.В. Савченко принес выдержавший с 2005 г. по 2018 г. пять изданий фундаментальный учебник «Национальная экономика», выпущенный под его редакцией и имеющий особое значение для современного развития России в условиях глобализации мирового хозяйства. В написании его последнего издания участвовало более 60 ученых из различных институтов РАН и вузов.

Не менее важное значение в творческом наследии П.В. Савченко и ИЭ РАН имеет выпущенная совместно с учеными экономического факультета МГУ, ведущих институтов РАН и столичных университетов коллективная монография «Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития». Ответственными редакторами 4-х ее изданий являются член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг и профессор П.В. Савченко, а авторский коллектив ее последнего издания (2021 г.), включает 51 ученого.

Таким образом, Польш Вячеславович Савченко за свою долгую творческую жизнь оставил ученым-экономистам богатое научное наследие, являющееся вектором формирования научного мировоззрения молодых ученых страны.

Д.э.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ В.М. Кульков (МГУ им. М.В. Ломоносова) отметил огромную роль учебника «Национальная экономика», подготовленного и вышедшего под редакцией П.В. Савченко, в котором он, как редактор и руководитель авторского коллектива, объединил десятки исследователей из институтов РАН, МГУ и других авторитетных организаций. Польш Вячеславович уловил тенденцию, проявившуюся на рубеже веков, когда подведение жирной черты под негативными результатами радикальных рыночных реформ привело к необходимости большего учета особенно-

стей российской экономики. На этом фоне получила распространение и признание в российском учебно-научном пространстве дисциплина под названием «Национальная экономика». Она дает целостное представление об экономике России, раскрывает ее реалии и специфику, строит своего рода перекидной мостик между экономической теорией и набором конкретно-экономических наук. Можно смело сказать, что без обращения к национальной экономике экономическая теория может превратиться в схоластические упражнения, а конкретно-экономические науки (дисциплины) потерять общую основу и взаимосвязь. Такая роль национальной экономики не всегда учитывается и в учебном процессе, и в научных исследованиях, и в структуре специализаций ВАК. Поль Вячеславович говорил об этом с сожалением, но всегда сохранял оптимизм и неуклонно с каждым новым изданием наращивал потенциал «Национальной экономики».

Д.э.н., профессор А.В. Суворов (ИНП РАН) в своем выступлении отметил, что начал работать с П.В. Савченко в 2000 г. при написании учебника «Политика доходов и заработной платы». Работа над этим учебником показала, что Поль Вячеславович был талантливым исследователем и организатором творческих коллективов, отзывчивым, справедливым, порядочным и неунывающим человеком.

Основная коллективная работа, в которой А.В. Суворов принимал участие совместно с П.В. Савченко, связана с изданием учебника «Национальная экономика», выдержавшего 5 изданий и снискавшего признание и популярность в преподавательской среде. П.В. Савченко очень ценил этот труд, в который он вложил свой интеллект и талант организатора. А.В. Суворов и его коллеги из ИНП РАН – Н.В. Суворов, В.Н. Борисов, И.А. Буданов, С.В. Трещина – участвовали в написании разделов и глав учебника, а также в его редактировании. Совместная работа показала, что П.В. Савченко очень трепетно относился к участию в этом проекте, за что ему все благодарны.

П.В. Савченко разработал структуру курса «Национальная экономика», включая основы курса, описание системы потенциалов ее развития, темпов и пропорций воспроизводства, регулирование финансовой и кредитно-банковской системы, социальных основ экономики, методов прогнозирования национальной экономики, а также места и роли России в мировой экономике. При этом П.В. Савченко неоднократно подчеркивал, что в 2000-е годы решающим фактором экономического роста является развитие науки, образования и здравоохранения.

Можно с полным основанием утверждать, что учебник «Национальная экономика», изданный под руководством П.В. Савченко, представляет собой существенное продвижение вперед по сравнению с другими, изданными ранее учебниками по этой тематике. Его

новизна заключается в системном изложении проблем развития национальной экономики, в поиске внутренней логики развития экономики России на разных стадиях рыночных отношений. Учебник подготовлен с учетом современного зарубежного и российского передового опыта преподавания в системе высшей школы, ориентированного на повышение доли активного обучения.

Полю Вячеславовичу был русским интеллигентом в лучшем смысле этого слова.

К.э.н., доцент А.М. Белянова посвятила свое выступление личности П.В. Савченко как ученого и как человека, которого она знала на протяжении 70 лет, была его однокурсницей, коллегой по кафедре политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, свидетелем и участником создания ряда его творений. Его многосторонние исследования проблем Системы давали ей возможность называть его «Человек-система», «Человек с большой буквы». За долгую жизнь Поля Вячеславовича накопился длинный ряд его добрых дел в отношении и близких, и далеких людей, которые всегда с благодарностью помнят об этом. Про него можно сказать, что он был «общественным» человеком. Ему всегда до всего было дело – и тогда, когда решался вопрос о судьбе однокурсника, и тогда, когда боролся за гриф учебника «Курс политической экономии», и тогда, когда способствовал привлечению на кафедру талантливых преподавателей из других городов, помогал им в жизненно важных вопросах, в том числе решить их жилищные проблемы.

На протяжении долгих лет после окончания университета П.В. Савченко принимал самое активное участие в организации встреч однокурсников, и обычно инициатива таких встреч исходила именно от него. Полю Вячеславовичу никогда не прерывалась связь с университетом, всегда был в курсе дел на факультете, на кафедре политической экономии, умел анализировать происходящее, имел собственное мнение по поводу происходящих на факультете преобразований и был озабочен судьбой нашей кафедры.

Системный подход к исследованиям, которым славилась школа Н.А. Цаголова, в работах Поля Вячеславовича представлен новыми гранями. Полю Вячеславовичу не был ученым-одиночкой, ему был необходим коллектив единомышленников, научные обсуждения, в которых рождались новые подходы, новые идеи. Он не мог поставить последнюю точку в поисках истины. Каждый раз, заканчивая работу над очередной книгой, он искренне заявлял, что это его последняя работа. А наутро или через день звонил и радостно сообщал об очередной новой идее.

Стиль жизни его семьи, отношения с детьми, друзьями, коллегами по работе во многом формировались в обстановке той большой любви,

глубокого уважения и внимания друг к другу, которые связывали Поля Вячеславовича и его супругу Софию Михайловну со студенческих лет до последних дней. Ей посвятил он и свою последнюю книгу.

Проблемы, поставленные в монографии Поля Вячеславовича, актуальны с точки зрения и экономической теории и практических вопросов развития экономики России. Представленный в книге исторический экскурс в наше прошлое, авторские характеристики и оценки социально-трудовых отношений на разных этапах развития страны создают хороший задел для дальнейшего их комплексного междисциплинарного исследования. В то же время хочется заметить, что ряд постановок в работе не могут не вызвать желания подискутировать с автором, глубже проникнуть в его понимание системы – Системы с большой буквы. И в этом значительная ценность последней книги Поля Вячеславовича, талантливого ученого и верного друга.

С заключительным словом выступил *д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» ИЭ РАН А.Е. Горюцкий*. Он выразил особую благодарность дочери П.В. Савченко – Ирине Полевне Корнеевой, которая сделала все, чтобы в отсутствие Поля Вячеславовича книга «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития» вышла без задержки. В известном смысле, эта книга подытоживала его многолетнюю научную работу по исследованию становления социально-экономической Системы России – и новой, и правопреемницы вечной, 1000-летней исторической России, действительно переживающей весьма непростые времена. Времена были действительно не просты, а бывали и «дни окаянные» (И. Бунин), но в своем творчестве Поль Вячеславович никогда не терял Веры в будущее.

Вообще в творчестве профессора П.В. Савченко не было проходных работ. Целый ряд его книг и подготовленных им коллективных монографий составили вехи в развитии экономического знания. Сейчас незаслуженно забыт фундаментальный трехтомный научный труд Института экономики под редакцией член-корреспондента РАН Е.И. Капустина «Экономический строй социализма»¹², в котором Поль Вячеславович принял самое деятельное участие.

Профессор П.В. Савченко сыграл важную роль в подготовке и издании одного из последних общеакадемических межинститутских научных проектов академика РАН Л.И. Абалкина – книги «Стратегический ответ России на вызовы нового века»/ Под ред. Абалкина Л.И. (М.: «Экзамен», 2004). Эта книга трудно продвигалась, потому что и вре-

¹² Экономический строй социализма. В 3-х томах / Под ред. Е.И. Капустина. М.: Экономика, 1984.

мена изменились, и надежд с энтузиазмом поубавилось. Но, к счастью, не перевелись еще к тому времени в Институте экономики РАН и в Российской академии наук энтузиасты и подвижники... Леонид Иванович Абалкин обратился к испытанному варианту – предложил возглавить работу авторского коллектива Полю Вячеславовичу, и дело сдвинулось с места. Монография была издана в срок и заняла свое почетное место в ряду фундаментальных теоретических разработок, прокладывающих дорогу позитивной концептуально-стратегической альтернативе и новому курсу в экономической политике.

П.В. Савченко как ученый создавал свою яркую, захватывающую историю экономических реальностей государства российского, делал это на одном дыхании, увлеченно и истово. Творческих простоев у него не было никогда.

Поль Вячеславович Савченко прожил огромную, яркую, насыщенную и счастливую жизнь. Он был всегда, везде и во всем верен себе, честен во всем, последователен до конца. Любовь, Дружба, Верность, Долг, Ответственность, Самопожертвование – это все про него. Так получилось, что времени на все его планы, которые он строил до последнего, не хватило. Но и того, что им было сделано, достаточно, чтобы оставить свой яркий след в российской экономической науке, светлую и благодарную память в нашем научно-образовательном сообществе, среди коллег и друзей в стенах нашего общего родного дома – Института экономики РАН.

Поэтому, вспоминая П.В. Савченко – великого жизнелюба, большого ученого, нашего дорогого коллегу, товарища, друга и человека, который, как никто другой, умел истово и с азартом работать, любить и дружить, – мы можем сказать: «С днем рождения, дорогой Поль Вячеславович! С выходом книги в свет!»

Дата поступления рукописи: 26.11.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Fedorova Maria Nikolaevna – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
maria-fedорова.n@yandex.ru

З.А. ДАДАБАЕВА

доктор политических наук, член секретариата ЕИАК,
ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований
ФГБУН Институт экономики РАН

И.З. ЯРЫГИНА

доктор экономических наук, руководитель направления ЕИАК,
зав. кафедрой МГИМО (У), профессор Финансового университета
при Правительстве РФ

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
И БЕЗОПАСНОСТЬ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ
ПРОБЛЕМ И ПОИСК ПУТЕЙ ИХ РЕШЕНИЯ**

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_1_171_179.

Евразийский информационно-аналитический консорциум (ЕИАК), созданный в 2018 г., объединяет в настоящее время крупные аналитические силы всего евразийского пространства. ЕИАК – важная площадка для обсуждения проблемных зон международного сотрудничества на евразийском пространстве, для стратегического анализа текущей ситуации, определения перспектив развития, координации научных и прикладных проектов специалистов-аналитиков и представителей научного сообщества, осуществляемых в рамках регулярных мероприятий. Встречи, круглые столы, аналитические сессии, мастер-классы, дискуссии позволили выработать механизмы применения аналитических технологий и аналитических информационных систем в научно-практической деятельности экспертов стран – членов ЕАЭС.

В ноябре 2021 г. состоялся II-й Евразийский аналитический Форум «Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы, риски», организованный членами ЕИАК, в ходе которого были проведены многочисленные конференции и круглые столы, в том числе и аналитическая сессия «Евразийская экономическая безопасность: анализ проблем и поиск решений».

Спикеры из стран евразийского пространства и Китая представили результаты своих научных исследований. Следует отметить, что пло-

дотворной работе сессии способствовала возможность познакомиться и обсудить научные доклады как теоретиков, так и практиков. В частности, ученые Института экономики РАН, Института Европы РАН, образовательных учреждений Московского государственного института международных отношений МИД России, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Белорусского государственного экономического университета и члены профессорско-преподавательского состава других высших учебных заведений поделились своими научными и практическими разработками. Эксперты, представлявшие Московскую Биржу и Российский союз промышленников и предпринимателей, продемонстрировали сильные и слабые стороны интеграции валютных рынков стран ЕАЭС, возможности и перспективы финансовой цифровизации. Ученые научных школ Азербайджана, Таджикистана, Китая, Белоруссии представили свое видение разработки и использования интеграционных инструментов обеспечения экономической безопасности, учитывающих особенности формирования инвестиционных механизмов, элементов частно-государственного партнерства и построения экосистем цифровых транспортных коридоров ЕАЭС и СНГ.

Открывая сессию, д.э.н. Е.Б. Ленчук (ИЭ РАН) подчеркнула, что вопросы, вынесенные на обсуждение сессии, весьма актуальны и своевременны. Экономическая безопасность – это проблема, которая касается каждой страны ЕАЭС в отдельности и в то же время является частью единой евразийской стратегии устойчивого экономического развития в целом. Существует много внешних вызовов для стран, и научному сообществу вместе с экспертами-практиками необходимо создавать механизмы и инструменты, позволяющие своевременно отвечать на возникающие угрозы.

В докладе, посвященном перспективам финансовой интеграции стран в рамках Евразийского экономического союза, член-корреспондент РАН М.Ю. Головин (ИЭ РАН) акцентировал внимание на ее преимуществах и рисках. В частности, он отметил, что объединенный финансовый рынок, с одной стороны, прибавляет странам устойчивости в период кризисов, а широкое использование разных финансовых инструментов повышает эффективность распределения рисков. С другой стороны, существенное отставание неформальной финансовой интеграции от целей, поставленных в рамках формального взаимодействия стран Союза, не способствует полноценному экономическому росту, увеличивая опасность расхождения между странами в экономическом развитии. Объемы капитала из стран-партнеров недостаточны для решения проблем, связанных с низким уровнем их развития и высокой степенью подверженности внешним шокам. Опора только на присутствие российских финансовых органи-

заций и капитала в банковских системах стран Союза. Также слабое взаимодействие на фондовых рынках между странами не позволяет полноценно ответить на внешние вызовы. В связи с этим, как считает М.Ю. Головин, необходимо создать коллективные механизмы противодействия внешним шокам, направленные на регулирование трансграничных потоков капитала, и, с учетом опыта азиатского регионального рынка, разработать конкретные проекты, способные продемонстрировать положительные эффекты интеграции, в том числе на базе расширения использования долговых финансовых инструментов.

Профессор Департамента мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ д.э.н. В.Я. Пищик уделил особое внимание развитию институтов и инструментов содействия взаимным инвестициям ЕАЭС. Продолжая тему изучения эффективной модели формирования и развития финансового рынка, он указал на тесную связь выбранной модели интеграции с развитием интеграционных процессов, подчеркнув, что выбранная оптимальная модель интеграции влияет на объем инвестиций.

Инвестиционная модель в ЕАЭС, опирающаяся на европейскую модель, не вполне оправдывает себя на евразийском пространстве. В последнее время в странах Союза, в том числе под влиянием пандемии COVID-19, происходило сжатие внутреннего и внешнего спроса, вследствие чего снижалась инвестиционная активность в регионе. Профессор В.Я. Пищик считает, что для перехода к устойчивому экономическому росту в 3–4% в год доля инвестиций в ВВП должна достигать до 25% ВВП. Необходимо согласование национальных и региональных стратегий, устранение сохраняющихся барьеров инвестиционного взаимодействия, увеличение крайне низкой доли инвестиционного кредитования в рамках формирующегося общего финансового рынка ЕАЭС.

Профессор Департамента мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ, заведующая кафедрой «Экономика. Банковский бизнес» МГИМО МИД России И.З. Ярыгина в своем выступлении отметила, что решение задач экономического развития стран – членов межгосударственных объединений ЕАЭС и стран – партнеров связано с усилением и расширением взаимодействия сторон в финансовой сфере, в том числе в рамках реализации многосторонних инвестиционных проектов, являющихся ключевым инструментом обеспечения устойчивого роста национальных экономик. Она подчеркнула, что в рамках такого взаимодействия сторон реализуются торговые, промышленные и инвестиционные связи, расширяются масштабы проектов на фоне растущих потребностей стран в различных сферах экономики – в энергетике, инфраструктуре, промышленности, социальной сфере. Профессор И.З. Ярыгина обратила внимание участников секции на целесообразность всесторонней поддержки межгосу-

дарственных проектов, которые способствуют укреплению позиции стран-партнеров в мировой экономике, привлечению дополнительного финансирования и ускорению темпов развития национальных экономик. Важным механизмом обеспечения кредитования международных инвестиционных проектов на благоприятных условиях являются проектные гарантии, к которым относятся кредитные, платежные, анклавные и политические гарантии, – отметила И.З. Ярыгина.

Ведущий научный сотрудник ИЭРАН, доцент Финансового университета к.э.н. А.Г. Пылин остановился на влиянии внешних факторов на экономику стран – участниц ЕАЭС в постковидный период, отметив, что Covid-19 в 2020 г. стал мощным внешним шоком, повлиявшим на экономическую динамику стран Союза. Меры социальной изоляции, замедление роста/падения реальных доходов населения и розничного кредитования привели к снижению потребительского спроса. Спад инвестиционной активности стал результатом повышенной неопределенности, снижения прибыли организаций и транспортно-логистических затруднений. А.Г. Пылин подчеркнул, что внутренний спрос поддерживался за счет государственного регулирования, а снижение физических объемов экспорта происходило под воздействием уменьшения добычи полезных ископаемых и сокращения внешнего спроса. Стабилизации кризисной ситуации после пандемии способствовала продолжившаяся взаимная торговля стран-участниц, обусловленная более диверсифицированной товарной структурой внутри региональной торговли. Вместе с тем спад экспорта в ЕАЭС у Армении и Кыргызстана оказался более сильным, чем падение экспорта в третьи страны. Российский экспорт в ЕАЭС упал (-13,7%) в 2020 г., в то время как импорт из Союза сократился лишь на 7,5%. По мнению А.Г. Пылина, несмотря на прогнозируемое стимулирование экономического роста в странах ЕАЭС за счет роста цен на топливно-сырьевые товары и восстановление экономик в ЕС, Китае, России, существуют риски сдерживания экономической активности. Глобальная конкуренция за мировые рынки сбыта и ПИИ будет возрастать, а это потребует более четкой координации в ЕАЭС с опорой на более тесную и согласованную модернизацию экономик стран-участниц.

Представитель китайской научной школы, профессор Шанхайского университета политических наук и права Ли Синь в своем выступлении подчеркнул важность сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь» на площадке ШОС для обеспечения экономической безопасности в Евразии. Объединив страны-члены и страны-наблюдатели, организация получила мощный экономический, людской, территориальный потенциалы для усиления глобальной связности, роста свободной экономической торговли и привлечения инвестиций, либерализации экономик в процессе открытости и противодействия

протекционизму, для дальнейшего развития экономической глобализации в более открытом, инклюзивном направлении.

Профессор Ли Синь отметил, что многосторонняя программа экономического и торгового сотрудничества с другими странами, заявленная Китаем, сосредоточивает внимание на областях, представляющих взаимный интерес стран – на торговле, инвестициях, банковском деле, финансах, транспорте, логистике, уделяя серьезное внимание основополагающим экономическим отраслям промышленности, сельскому хозяйству, энергетике. Профессор подчеркнул, что страны – члены ШОС и ЕАЭС могут достичь повышения глобальной конкурентоспособности, совместно внедряя инновации, развивая информационно-коммуникационные технологии, расширяя пространственное развитие и межрегиональное сотрудничество, реализуя проекты по формированию и развитию деятельности предпринимателей в многосторонних ЗСТ.

Тему сопряжения интересов проекта Китая «Один пояс – один путь» и стран ЕАЭС через многостороннюю площадку ШОС, перспектив экономического сотрудничества ЕАЭС с различными интеграционными и межгосударственными объединениями, включая БРИКС, продолжили аналитики Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО к.э.н., доцент И.А. Гулиев и эксперт Л.Б. Акиева.

Они сосредоточили свое внимание на рассмотрении вопросов обеспечения энергетической безопасности на евразийском пространстве. По их мнению, современные условия развития мировой экономики выводят на первый план трансформационные процессы в энергетической сфере. Они ставят перед странами с развивающейся экономикой сложные задачи сокращения выбросов, решения экологических проблем и достижения целей встраиваемости в формирующуюся «зеленую» энергетику, имеющую свои особенности в процессе обеспечения энергетической безопасности. Особый интерес, с точки зрения спикеров, представляют страны Африки, обладающие значительными природными ресурсами и потенциалом для достижения ускоренных темпов экономического развития. В частности, в рамках взаимодействия с международной межправительственной организацией «Африканский союз (АС)» открывается широкий диапазон сотрудничества с 55 государствами континента. Одним из ключевых направлений, по мнению экспертов, является взаимная работа по построению «зеленой» экономики. Докладчики подчеркнули, что переход транспорта на газомоторное топливо и создание соответствующей инфраструктуры – действенный способ решения вопросов энергетической безопасности в рамках непрерывных поставок энергии в развивающиеся страны, что будет способствовать повышению темпов их экономического роста. Потенциал ЕАЭС по взаимодействию с международными экономическими объединениями создает эффективную дорожную

карту внедрения экологически чистого топлива с учетом экономических потребностей региональных объединений развивающихся стран.

Практическим анализом сложившейся ситуации на финансовом рынке ЕАЭС поделились: главный специалист Департамента валютных рынков ПАО Московская Биржа к.э.н. В.Ю. Мишина, представитель Российского союза промышленников и предпринимателей к.ю.н. А.Ю. Лисицын и эксперт из Азербайджана к.э.н. Т.Н. Мамедов.

В частности, В.Ю. Мишина в своем выступлении отметила позитивную роль процессов интеграции в периоды экономической нестабильности. Готовность валютных рынков ЕАЭС к постепенному восстановлению стала результатом денежно-кредитной и валютной политики стран Союза и принятым мерам по противодействию экономическим последствиям пандемии COVID-19. Свою позитивную роль сыграло создание Интегрированного валютного рынка ЕАЭС (ИВР) ЕАЭС с участием национальных бирж, существующего уже 15 лет. Он предоставляет преимущества во взаимных расчетах в национальных валютах, что проявляется в снижении транзакционных издержек и рисков за счет появления прямых котировок национальных валют без посредничества доллара. Проблемными вопросами, по мнению В.Ю. Мишиной, остаются: высокие валютные риски; сложившаяся в странах деловая практика расчетов в долларах; отсутствие экономических стимулов; недостаточное предложение финансовых инструментов в национальных валютах, несмотря на растущий спрос на них со стороны реального сектора экономики. Решение вопросов дальнейшего продвижения финансовой интеграции и стимулирования расчетов в национальных валютах будет способствовать развитию сотрудничества в ЕАЭС в рамках решения экономических задач и формирования региональных экосистем в приоритетных областях.

В своем сообщении Т.Н. Мамедов остановился на рассмотрении особенностей формирования инвестиционных механизмов на пространстве СНГ, на ключевых проблемах прямых инвестиций, включая доминантные диспропорции в привлечении долгосрочных вложений. Рассматривая три возможных сценария взаимодействия стран СНГ в сфере прямых иностранных инвестиций, он отметил необходимость совершенствования механизма государственно-частного партнерства и многосторонней поддержки правительствами стран деятельности субъектов хозяйствования.

В качестве мер по расширению финансовых источников прямых вложений, помимо разработки многостороннего Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций государств – членов СНГ, Т.Н. Мамедов предложил создание Единого Совета по кластерной политике, формирование особых зон свободной торговли между ЕАЭС и другими странами СНГ, развитие механизма государственно-частного партнерства.

Интерес участников сессии вызвала презентация к.пед.н. В.П. Журавеля (Институт Европы РАН). Он подчеркнул необходимость оптимизации взаимодействия стран – членов ЕАЭС в Арктическом совете (АС), который является ключевой многосторонней структурой, содействующей развитию важной транспортной артерии – Северного морского пути. Россия, наряду со странами, представляющими коренные народы Арктики, стояла у истоков создания АС в 1996 г. Актуализировать свое участие в АС в 2021–2023 гг. РФ намерена в сотрудничестве с арктическими странами по четырем приоритетным направлениям: поддержка населения Арктики, включая коренные малочисленные народы Севера; охрана арктической окружающей среды, включая изменение климата; социально-экономическое развитие региона; укрепление роли Арктического совета как основной площадки для многостороннего сотрудничества в высоких широтах. Социально-экономическое развитие Арктического региона, по мнению спикера, предполагает создание устойчивых транспортных путей, поддержку арктического судоходства, включая Северный морской путь, развитие энергетической инфраструктуры и телекоммуникационных систем, расширение и укрепление пространства морской экономики, строительство высококачественной и эффективной портовой инфраструктуры.

Вопросам развития регионального сотрудничества в рамках ЕАЭС по обеспечению кибербезопасности был посвящен доклад к.э.н. П.В. Алексева (Финансовый университет при Правительстве РФ). В последние годы значительно обострились кибернетические риски для экономических субъектов государств – членов ЕАЭС, связанные с использованием злоумышленниками вредоносного программного обеспечения, в частности троянских программ, вирусов-шифровальщиков, фишинга, проведения DDoS-атак на интернет-ресурсы. Для минимизации киберрисков П.В. Алексеев предлагает усилить сотрудничество ЕАЭС в сфере обеспечения кибербезопасности с учетом опыта ЕС. Современная ситуация диктует необходимость принятия в рамках ЕАЭС согласованного концептуального документа по обеспечению кибербезопасности стран Союза. Но формирование единых стандартизированных подходов к вопросам обеспечения кибербезопасности, киберустойчивости и надзора за соответствующими рисками требует разработки общего понятийного аппарата в этой области и согласования порядка обеспечения строгой идентификации клиентов при осуществлении транзакций и переводов денежных средств. В институциональном плане развитие регионального сотрудничества по предотвращению киберпреступности, по мнению Алексева, можно было бы осуществить, создав Евразийское агентство по информационной безопасности, аналогичное существующему Европейскому агентству по сетевой и информационной безопасности.

Оживленную дискуссию вызвал доклад д.и.н. Б.А. Шмелева (ИЭ РАН), который обратил внимание на тенденцию к усилению социально-политической турбулентности на постсоветском пространстве. Политические кризисы в Украине, в Киргизии, Армении, Грузии, Молдове, Белоруссии, кризис российско-украинских отношений, обострение обстановки на таджикско-киргизской границе, силовое решение Азербайджаном нагорно-карабахского кризиса свидетельствуют о вступлении постсоветского пространства в новый этап эволюции. Продолжающийся процесс поиска Новыми Независимыми Государствами (ННГ) своей идентичности оказывает существенное влияние на интеграционные процессы в Евразии. При этом особая роль отводится отношениям с Россией, которые являются действенным фактором поддержания внутривосточной стабильности в странах. В условиях современной трансформации постсоветского пространства, по мнению Б.А. Шмелева, необходимо сохранить и развивать в дальнейшем проведение совместных действий, направленных на решение конкретных экономических задач с учетом низкого уровня жизни населения ННГ.

Тему влияния интеграционных процессов на структуру национальной экономики, выбор экономической модели, экспорт и импорт, уровень финансовой и продовольственной безопасности стран подняла в своем докладе д.э.н. А.А. Мигранян (ИЭ РАН). Оценивая опыт Украины и Белоруссии, используя макроэкономические показатели двух стран, она показала результаты интеграции в ЕАЭС и ассоциации с ЕС. Говоря о вызовах, рисках и потенциале для национальных экономических систем Белоруссии и Украины в условиях системных кризисов и внешних ограничений, А.А. Мигранян продемонстрировала преимущества евразийской интеграции и роль, которую сыграл ЕАЭС для экономики Белоруссии. В то же время продолжающийся процесс реализации соглашения Украины с ЕС пока не принес ощутимого экономического результата национальной экономике.

Вопросам влияния миграции из Центральной Азии на региональные интеграционные процессы был посвящен доклад д.полит.н. З.А. Дадабаевой (ИЭ РАН). Привлечение трудовых мигрантов является важным каналом объединения людей в том случае, когда принимающее сообщество адекватно реагирует на представителей из других стран. Поэтому целесообразно продолжать активную социо-гуманитарную работу не только среди прибывающих людей, но и среди местного населения. Миграционные процессы включают различные каналы интеграции – трудовой, образовательный, научный, гуманитарный, при этом каждый из них должен иметь не только общее законодательное наполнение, но и стать действительно важным элементом «мягкой силы». Пандемия COVID-19 показала, что для проживания мигрантов в условиях чрезвычайных ситуаций должны быть выработаны специальные механизмы.

Представители научной школы Белоруссии А.А. Быков и С.А. Кристиневич познакомили участников Форума с результатами исследования проблем в сфере информационной безопасности ЕАЭС, которые в современных условиях требуют неотложного решения.

В контексте экономической безопасности они обратили особое внимание на развитие интеллектуального капитала, предполагающее качественные и количественные изменения его характеристик, обеспечивающие требуемую скорость реакции и адаптивность к внешним и внутренним угрозам по сохранению базовых параметров экономической безопасности. Было отмечено, что снижение уровня интеллектуального капитала угрожает эффективному функционированию национальной экономической системы. В целях формирования проектов и программ межгосударственного сотрудничества стран ЕАЭС белорусские эксперты предложили также учитывать показатели уровня развития национального интеллектуального капитала, определяющие качественные и количественные характеристики, стимулирующие развитие.

По результатам сессии было предложено сформировать постоянно действующую Дискуссионную платформу в рамках существующего направления ЕИАК по координации системного анализа проблемных зон международного сотрудничества на евразийском пространстве. Особое внимание при реализации проектов важно уделить вопросам экономического и финансового развития, включая обеспечение национальных интересов, сохранение и приумножение финансовых ресурсов, а также модернизации, конкурентоспособности экономик ЕАЭС, повышению производительности труда в ведущих отраслях экономики и др.

Работа аналитиков по указанным направлениям будет способствовать получению и эффективному использованию объективной информации, необходимой для решения вопросов обеспечения экономической и финансовой безопасности, совершенствования интеграционных процессов в интересах стран – членов ЕАЭС.

Дата поступления рукописи: 20.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHORS

Dadabayeva Zarina Abdurakhmanovna – Dr. Sci. (Polit.), Member of the Secretariat of Eurasian Information and Analytical Consortium, Leading Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
zarina.17.06@list.ru

Yarygina Irina Zotovna – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Eurasian Information and Analytical Consortium, Head of the Department of Moscow State Institute of International Relations, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЗЕЛЬДНЕР

13 февраля 2022 года на 85 году ушел из жизни наш коллега и друг, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН Алексей Григорьевич ЗЕЛЬДНЕР.

Алексей Григорьевич окончил школу в г. Самарканде, учился на агрономическом факультете Житомирского сельскохозяйственного института, окончил аспирантуру ВНИИЭСХ в г. Москве. После успешной защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, он трудился в Институте экономических исследований Дальневосточного отделения Академии наук СССР. В 1977 году Алексей Григорьевич защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук, в 1981 году получил звание профессора, и около сорока лет проработал в нашем Институте.

Благодаря своим знаниям, широкой эрудиции и невероятному трудолюбию, прекрасным организаторским способностям и таланту наставника, Алексей Григорьевич Зельднер прошел путь от научного сотрудника до руководителя Центра Института.

Круг научных интересов Алексея Григорьевича был очень широк. Это исследования проблем государственного регулирования, финансирования, глобализации, государственно-частного партнерства, особых экономических зон, проблем агропромышленного комплекса, продовольственной безопасности. Будучи продолжателем школы В.Р. Боева, он внес весомый вклад в разработку теории аграрной экономики. Алексей Григорьевич разработал оригинальную методологию государственно-частного партнерства, иных форм взаимодействия государства, бизнеса и общества. За свою долгую научную жизнь он опубликовал 499 работ, в том числе 20 монографий и научных докладов, готовил 500-ю научную статью в последние дни жизни, когда уже был тяжело болен.

Алексей Григорьевич был ответственным редактором коллективных монографий и научных сборников по проблемам смешанной экономики, институтов государственного управления, государственно-

частного партнерства. К числу его наиболее важных научных трудов следует отнести монографии: «Приоритетные проблемы обеспечения национальной безопасности России в XXI веке – продовольственная безопасность» (2003 г.); «Партнерские отношения государства, бизнеса и общества в условиях смешанной экономики» (2010 г.); «Деструктивные тенденции и конструктивные возможности их преодоления в экономической системе России» (2013 г.); «Национальная модель социально-рыночного развития России на базе смешанной экономики и механизма государственно-частного партнерства: основные подходы и условия реализации» (2017 г.); «Экономический механизм обеспечения продовольственной безопасности в условиях инвестиционных ограничений: опыт и проблемы» (2018 г.).

Алексей Григорьевич Зельднер стал идейным вдохновителем и редактором одного из первых российских учебников по государственно-частному партнерству (2015 г.). В последние годы он активно сотрудничал с зарубежными журналами, а в 2022 году опубликован раздел Алексея Григорьевича в коллективной монографии в издательстве «Palgrave MacMillan» группы «Springer Nature AG» (Великобритания).

В течение длительного времени Алексей Григорьевич являлся членом диссертационных советов Института экономики РАН, он подготовил более 100 учеников – кандидатов и докторов экономических наук. Алексей Григорьевич входил в редакционные советы ряда научных журналов. Он принимал активное участие и в общественной жизни Института, был председателем профкома, а в последние годы – заместителем председателя профкома.

Светлая память об Алексее Григорьевиче, как о мудром, открытом, отзывчивом и незаурядном человеке, навсегда останется в наших сердцах.

*Коллектив Института экономики РАН,
Редакционная коллегия журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук»*

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 14.02.2022
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 431-22

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП
Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2022

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru